

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

V Международная научная конференция

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Казань

УДК 340(082)
ББК 67
Ю70

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственные редакторы: *Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

Ю70 Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). — Казань : Изд-во «Бук», 2016. — vi, 132 с.

ISBN 978-5-906873-40-8

В сборнике представлены материалы V Международной научной конференции «Юридические науки: проблемы и перспективы».

Рассматривается широкий круг вопросов в сфере юриспруденции: теория и история государства и права, государственное право, гражданское право, уголовное право и пр.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 340(082)
ББК 67

ISBN 978-5-906873-40-8

© Оформление.
ООО «Издательство Молодой ученый», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

1. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Агапов И.О.

Легализация лоббирования как средство борьбы с коррупцией: pro et contra 1

Казанков Я.Н.

Обзор некоторых актуальных вопросов доказывания в контексте его соотношения с познанием в правоприменительной деятельности. 4

2. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Бондарева Е.О.

История становления категории злоупотребление процессуальными правами в отечественном законодательстве. 7

Кравченко К.И.

Развитие гражданского законодательства во время правления Александра III 9

Чичеров Е.А., Котляров С.Б., Рыбакова Н.Е.

Традиции охраны права собственности в странах романо-германской правовой системы. 12

3. КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Адилова Н.А.

Защита права граждан на неприкосновенность жилища 17

Никитина А.В.

Формы участия конституционных судов зарубежных стран в реализации конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц публичной власти: сравнительно-правовое исследование. 19

Петришин А.П.

К вопросу о правовых основаниях ограничения права на публичное судебное разбирательство в конституционных (уставных) судах субъектов РФ. 25

Тяпкина Г.В., Наруцкая Н.В.

Антитабачное законодательство и его социальная значимость 28

Югов А.А.

Конституционный строй – центральный институт российского права и правовой интеграл демократической сущности публичной власти. 30

5. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Беловецкий Д. Д.

Вопросы введения дисквалификации за нарушение антикоррупционных ограничений и запретов 37

6. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Вус М.А., Макаров О.С.

Стратегический вектор обеспечения международной информационной безопасности на пространстве СНГ. 40

7. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Полякова А.А.

Правовой статус центральных банков межнациональных союзов через призму их прав, обязанностей и элементов независимости деятельности. 43

8. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Криворот Д.А.

Низкая эффективность и сложность механизма как ключевая проблема института банкротства физических лиц в Российской Федерации 46

9. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Абакаров И.М.

Прекращения права общей долевой собственности. 49

Абашкина Е.Н.

Особенности законодательства по вопросу компенсации ущерба, причиненного в результате правомерных действий органами власти и их должностными лицами 50

Блинков И.А.

Некоторые проблемы назначения судебной экспертизы по гражданским делам 53

Дмитриева К.В.

Возмещение морального вреда при перевозке пассажиров и багажа 55

Иванова М.Б.

Проблемные вопросы судебной подведомственности споров, возникающих из трудовых отношений . . 59

Кицай Ю.А.

Историко-теоретические особенности социализации российского права 61

Кудряшов Д.Ю.

Роль нотариуса в наследовании земельных участков и имущественных прав на них. 63

Лушникова В.А.

Особенности правового положения государства-акционера 66

Муетдинова З.Ф.

Влияние применения доктрины «снятия корпоративной вуали» на судебную практику и реформирование гражданского законодательства Российской Федерации 68

Ракова Ю.А.

Особенности договора возмездного оказания медицинских услуг. 72

Федулова М.В.

Процессуальные особенности защиты прав потребителей по внешнеэкономическим сделкам 75

Яценко Е.В., Барсукова В.Н.

Социально-правовая природа чести, достоинства и деловой репутации: понятие и общая характеристика 77

12. АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Протапов В.И.

Актуальные вопросы защиты интеллектуальных прав 81

15. ТРУДОВОЕ ПРАВО

Иванова С.В., Киреев Ю.А., Бочарова К.А.

История развития пенсионного обеспечения в России 84

Шатова Т.А.

Регулирование труда государственных служащих: постановка проблемы. 87

17. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Ахъядов Э.С-М.

Порядок применения положений о свидетельском иммунитете 90

Болдырева Н.В.

Уголовная ответственность за посягательства на представителей власти:
сравнительно-правовой аспект 91

Иванюга К.А.

Уголовная ответственность за контрабанду наркотиков (сравнительно-правовой анализ
законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан). 94

Иванюга К.А.

Уголовная ответственность за контрабанду наркотиков (сравнительно-правовой анализ
законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики). 98

Сапурина Е.А.

Общая характеристика нормативно-правовой деятельности и реализация полномочий
прокурора в судебном следствии 101

Середнев В.А.

Познание в ходе оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности
как воображаемая реальность (онтологический и гносеологический аспекты) 104

18. КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Герцик Е.Д.

Причины и условия совершения коррупционных преступлений в России. 109

Герцик Е.Д.

Криминолого-психологическое исследование личности коррупционера в России. 112

Глазкова Л.В.

Отдельные аспекты влияния бессознательных психических процессов на систему преступности. 116

Иванова И.Н.

Основные проблемы правоприменительной практики по делам о вывозе
культурных ценностей за рубеж. 118

Иванова И.Н.

Характеристика объективных признаков незаконного перемещения культурных ценностей. 122

19. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Баженов О.Н., Дорошкова О.Г.

Проблемы назначения некоторых видов мер принудительного воспитательного воздействия
несовершеннолетним и их последующего исполнения 127

21. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ахъядов Э. С-М.

Сравнительно-правовой анализ отдельного вида наказания в уголовном праве
зарубежных стран – лишение свободы 130

1. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Легализация лоббирования как средство борьбы с коррупцией: pro et contra

Агапов Игорь Олегович, адъюнкт

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

Согласно подпункту «г» пункта 2 Национального плана противодействия коррупции на 2014–2015 гг. [4] Правительству РФ поручалось в срок до 01.03.2015 внести в президиум Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции предложения о создании нормативной правовой основы деятельности граждан и организаций по продвижению интересов социальной группы или индивида в государственных и муниципальных органах в целях принятия наиболее благоприятного для данной социальной группы или данного индивида решения (лоббизма).

30.06.2014 на Едином портале для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения Минэкономразвития России (по поручению Правительства РФ от 05.05.2014 № ДМ-П17–3229) размещен проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования механизма взаимодействия органов власти и представителей общественных объединений, индивидуальных предпринимателей и их представителей, коммерческих компаний, в том числе иностранных» [3]. Согласно данному проекту на должностных лиц предлагается возложить обязанность представлять сведения о своем участии во встречах с гражданами, представляющими интересы общественных объединений, индивидуальных предпринимателей и их уполномоченных представителей, коммерческих и некоммерческих организаций, в том числе иностранных, на которых обсуждались вопросы, входящие в его должностные обязанности.

Анализ положений законопроекта показывает, что он не связан с формированием в России политико-правового института лоббизма. Минэкономразвития России использовало «старую схему». Данная схема применялась при введении в Закон о противодействии коррупции [6] статей 8 и 8.1, возложивших на чиновников обязанность представлять сведения о своих доходах и расходах. Эта обязанность не имеет отношения к лоббированию. Вместе с тем, именно денежные средства являются одним из основных средств воздействия, оказываемого лоббистами на должностных лиц органов публичной власти.

Круг субъектов, обязанных представлять сведения о своем участии во встречах с гражданами, представляющими чьи-либо интересы, уже, чем категория лиц,

обязанных представлять сведения о своих доходах и расходах. Не до конца понятна логика такого решения. Если предполагается, что должность, которую занимает тот или иной служащий, является коррупциогенной, то почему он не должен отчитываться о своих встречах с лоббистами, ведь взятка может быть завуалирована, например, под финансирование какого-либо мероприятия, проводимого органом публичной власти, или избирательной кампании самого служащего, желающего занять выборную должность и нуждающегося в «спонсоре»? Такое финансирование не найдет отражения в подаваемой должностным лицом декларации.

Поскольку о встречах с лоббистами должны отчитываться только должностные лица, поданную ими информацию будет очень сложно проверить. В данном случае необходимо, как минимум, два источника информации: должностное лицо и лоббист (лоббистская организация). В США, например, таких источников три: охваченное должностное лицо, лоббистская организация и лоббист. Информация, поступившая из разных источников, сопоставляется на предмет соответствия. Выявленное несоответствие является основанием для проведения более тщательной проверки.

Лоббирование находится в исключительном ведении частного сектора социального пространства, а нормы, регулирующие поведение чиновников, носят антикоррупционный характер. Поэтому проект, разработанный Минэкономразвития, в случае его принятия станет частью системы антикоррупционного законодательства и не повлияет на легализацию лоббистской деятельности в России.

Вопрос о соотношении лоббирования и коррупции в России является актуальным и дискуссионным. Актуальность его обусловлена действиями высших исполнительных органов власти, которые, начиная с 2008 г., последовательно проводят мысль о необходимости легализации лоббистской деятельности с целью устранения (снижения) коррупционной составляющей процесса принятия административных (управленческих) решений. В свою очередь, дискуссионность данного вопроса связана с неоднозначным пониманием сущности и назначения лоббирования, цели совершения коррупционных правонарушений, а также смешением лоббистской деятельности и коррупциогенным поведением.

Для начала представляется необходимым идентифицировать сличаемые феномены.

Лоббирование может пониматься в двух значениях: фактическом и юридическом. Фактически лоббистская деятельность представляет собой продвижение частных интересов в органах публичной власти, юридически-урегулированную нормами права деятельность зарегистрированных в установленном порядке физических/юридических лиц по оказанию влияния на законодательные/исполнительные органы публичной власти с целью принятия выгодного заказчику (работодателю/клиенту) государственно-властного решения правотворческого/правоприменительного характера.

Согласно закону коррупция — это деяния (злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения), направленные против законных интересов общества и государства, совершенные в корыстных целях (получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами), а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Один из наиболее активных критиков Закона о противодействии коррупции, в частности, сформулированной законодателем дефиниции Попов М. Ю. считает, что в данном случае имеет место подмена понятий, в результате чего комплексный подход в определении коррупции уступает место ее правовой оценке как следствия этого социального недуга. Другими словами, вместо общего определения коррупции перечисляются составляющие ее уголовно-наказуемые деяния. Проблема в том, что каждое из таких деяний является одновременно и частью, и целым. Например, дача взятки — это и часть (составляющая) коррупции, и одно из ее проявлений. Кроме того, при глубоком анализе становится очевидной «разнонаправленность» коррупционных деяний, т. е. одни деяния относятся к субъектам, осуществляющим подкуп должностных лиц, другие — к нечистым на руку чиновникам. В контексте продвижения частных интересов в органах публичной власти значение имеет только деятельность взяткодателей. Отсюда следует вывод о некорректности сравнения между собой лоббирования и коррупции. Соответственно, понятие коррупции должно быть конкретизировано. Достичь этого можно посредством сведения коррупции к даче взятки.

Сопоставление лоббирования и подкупа позволяет сделать следующие выводы:

1) субъектами лоббистских и коррупционных отношений являются представители интересов, с одной стороны, и должностные лица, с другой. Разница состоит в том, что лоббист в отличие от взяткодателя, представляет, как правило, чужой интерес

(интерес заказчика). Впрочем, он вполне может продвигать и собственный интерес (таких лоббистов называют самозанятыми (работающими на себя) индивидами), так что разграничение лоббистской деятельности и дачи взятки по субъектам не представляется возможным;

- 2) объектом данных отношений является содержание конкретного государственно-властного решения. Но если лоббирование традиционно ориентировано на правотворческий процесс, то подкуп в основном рассчитан на индивидуальный правоприменительный акт. Однако на практике имеет место и лоббирование правоприменительных органов, так что с точки зрения объекта воздействия граница между лоббированием и подкупом также весьма относительна;
- 3) с точки зрения содержания правоотношения, лоббирование представляет собой совокупность прав и обязанностей представителя интересов и чиновника. О содержании коррупционных правоотношений не может быть и речи ввиду того, что подкуп запрещен законом под угрозой наказания;
- 4) лоббист осуществляет свою деятельность на профессиональной основе. Конечно, на практике встречаются профессиональные посредники во взяточничестве и профессиональные взяткодатели, но их профессионализм носит фактический, а не юридический характер, как в случае с представителями интересов, которые регистрируются в установленном порядке и периодически отчитываются о своей деятельности;
- 5) и та, и другая деятельность урегулированы нормами права, но их правовое опосредование преследует разные цели. В случае с лоббированием законодатель стремится к определению порядка регистрации и отчетности, прав и обязанностей, требований к поведению лоббистов, ответственности за нарушения и др. В случае с подкупом законодатель стремится к уменьшению количества фактов его совершения;
- 6) основное, по нашему мнению, отличие между лоббированием и подкупом (коррупцией) состоит в методах, которые используются при продвижении интересов. Некоторые исследователи считают, что лоббистскую деятельность от коррупции отличает законность отстаиваемого интереса. Данный аргумент является несостоятельным, поскольку взяткодатель также может продвигать законный интерес. Однако методы, которые он при этом использует, всегда являются незаконными. В противоположность этому лоббирование представляет собой продвижение законных интересов законными способами.

Представляется, что проводимая сегодня в России антикоррупционная политика неверно рассматривает лоббистскую деятельность как средство борьбы с коррупцией.

По этому поводу Васильева С. В. справедливо замечает, что «законодательная политика в сфере регулирования лоббизма неверно связывается с антикоррупционной реформой. Регулирование лоббизма и борьба с коррупцией — различные направления правового регулирования, которые лучше не связывать. Лоббизм для России — не средство, а следствие борьбы с коррупцией» [1, с. 140]. Действительно, лоббирование не порождает коррупцию. Преодоление коррупции — предмет законодательства о политических партиях, выборах, статусе органов власти и государственной службе. И если в рамках этого законодательства не удастся решить проблемы коррупции, то в рамках регулирования лоббирования этого сделать тем более не получится.

Вместе с тем, «антикоррупционная политика будет являться неполномерной без правовой институционализации лоббирования» [2, с. 68]. Однако осуществляемое руководством страны «фрагментирование» различных проявлений, форм и методов лоббистской деятельности может привести к значительному увеличению количества нормативных правовых актов, усложнению правовых отношений, которые по своей природе являются лоббистскими, а также к окончательному стиранию грани между лоббированием и коррупцией, что, в конечном счете, неизбежно приведет к тому, что одно и то же деяние можно будет квалифицировать одновременно и как продвижение частного интереса, и как совершение коррупционного правонарушения.

Складывающаяся ситуация выглядит как попытка законодательного определения «лоббизма» через «коррупцию». Другими словами, нам предлагается формула «все, что не является коррупцией, то — лоббизм» вместо формулы «все, что не является лоббизмом, то — коррупция», негативное содержание вместо позитивного. Получается, что отрицательному явлению власть придает значение большее, чем положительному. Происходит упрощение понятия лоббистской деятельности, обеднение его содержания, сведение его к инструменту противодействия коррупции. Разумеется, коррупция присуща любому государственно-организованному

обществу, однако еще более естественным является стремление граждан к учету их интересов при принятии органом публичной власти управленческих решений. Активные в этом отношении граждане, чтобы быть услышанными объединяются в различные группы с целью оказания аккумулированного давления на тот или иной орган публичной власти. И чем больше членов насчитывает группа, тем острее оказываемое ею давление. Но и малая группа способна выступить своего рода катализатором законодательской активности.

Рассмотрение лоббирования в качестве средства противодействия коррупции является необоснованным и нецелесообразным. Необоснованность такого подхода к правовой институционализации лоббистской деятельности обусловлена как самостоятельной ценностью данного феномена для дальнейшего развития цивилизованного взаимодействия между обществом и государством, так и его очевидным отличием от коррупции. Цель лоббирования состоит в доведении мнения заказчика до сведения должностного лица или органа публичной власти, в профессиональном представительстве интересов, а не в борьбе с коррупционными проявлениями. Нецелесообразность такого способа легализации обусловлена неизбежностью увеличения связанных с лоббированием негативных коннотаций, а также недопустимостью законодательной недооценки роли и значения данного института для построения в России правового государства и гражданского общества.

Единственным оправданием такой позиции законодателя могло бы служить стремление положить начало процессу правовой институционализации лоббистской деятельности в любой возможной форме. Однако тот факт, что в Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 гг. [5] не содержится положений относительно правового опосредования лоббистских отношений, говорит о том, что законодатель понял свою ошибку и исключил лоббистскую деятельность из разряда средств борьбы с коррупцией.

Литература:

1. Васильева С. В. Правовой институт лоббизма в России: оценка законодательства и перспектив формирования // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 136–148.
2. Зелепукин Р. В. Проблемы регулирования лоббистской деятельности // Юридический мир. 2012. № 2. С. 68–70.
3. Проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования механизма взаимодействия органов власти и представителей общественных объединений, индивидуальных предпринимателей и их представителей, коммерческих компаний, в том числе иностранных» // Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения. URL: http://regulation.gov.ru/project/16172.html?point=view_project&stage=1&stage_id=5853
4. Указ Президента РФ от 11.04.2014 № 226 «Об утверждении Национального плана противодействия коррупции на 2014–2015 гг.». // СЗ РФ. 14.04.2014. № 15. Ст. 1729.
5. Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» // СЗ РФ. 04.04.2016. № 14. Ст. 1985.
6. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

Обзор некоторых актуальных вопросов доказывания в контексте его соотношения с познанием в правоприменительной деятельности

Казанков Ярослав Николаевич, аспирант

Иркутский юридический институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

В настоящей научной работе проанализированы некоторые насущные вопросы относительно проблематики доказывания: соотношение понятий «доказывание» и «познание в применении права», практические предпосылки закрепления базовых свойств доказывания в нормах процессуального права, унификация правил доказывания в основных кодифицированных актах процессуальных отраслей права Российской Федерации, перспективы развития информационной теории доказывания.

Ключевые слова: правоприменительная деятельность, познание в правоприменительной деятельности, опосредованное познание, рациональное познание, доказывание, доказательства, процессуальная экономия

Множество актуальных проблем такого важнейшего института процессуального права, как доказывание, ждут своего теоретического и законодательного решения. Далее излагается авторское решение некоторых из них, в контексте рассмотрения доказывания через родовую призму познания в правоприменительной деятельности.

1. В первую очередь следует проанализировать имеющиеся в науке теории права взгляды на корреляцию понятий «познание в правоприменительной деятельности» и «доказывание», и на основе полученных данных дать этому соответствующую авторскую оценку.

Правоведы Л. А. Воскобитова, С. Б. Россинский справедливо отмечают, что вплоть до настоящего времени учёные не выработали единой позиции по поводу соотношения категорий «познание» и «доказывание» [1, с. 131]. Т. е., в научной литературе по этому поводу существует несколько точек зрения.

Так, ряд специалистов отождествляет указанные категории, полагая, что доказывание и есть познание обстоятельств, имеющих значение для юридического дела (В. Д. Арсеньев, М. С. Строгович, Ф. Н. Фаткуллин).

Другие правоведы подразумевают под доказыванием более узкий правовой инструмент (разновидность познания), характеризующийся:

- наличием строгой процессуальной формы (А. В. Победкин, А. А. Хмыров, Р. В. Костенко, Л. М. Володина). В этой связи Р. В. Костенко так характеризует доказывание: «...уголовно-процессуальное доказывание представляет собой сложную познавательную деятельность, состоящую из определённых, образующих его элементов, средств, целей» [5, с. 30];
- возможностью опосредованного восприятия обстоятельств юридического дела (Н. А. Пьянов);
- направленностью на строго определённый круг обстоятельств (Ю. В. Астафьев, В. С. Джатиев).

Существует и иная, достаточно интересная точка зрения, в определённой степени разводящая познание с доказыванием [1, с. 131]. Представители данной теории (А. Р. Ратинов, Э. С. Зеликсон, Р. Г. Домбровский, А. А. Леви) отмечали,

что доказывание — это процесс формирования и изложения различных доводов и аргументов, позволяющих обосновать правильность своей позиции перед субъектом правоприменения. Наибольшее развитие данная концепция приобрела в связи с переходом отечественного судопроизводства к состязательным началам.

Соотношение и различие указанных категорий «познание» и «доказывание», надо полагать, состоит в следующем. Доказывание, на наш взгляд, является разновидностью более широкого понятия «познание в правоприменительной деятельности», и представляет собой опосредованное, основанное на рационально-логическом компоненте, познание, осуществляемое в законодательно установленной для той или иной отрасли права процессуальной форме и располагающее специфическими средствами (доказательствами). Иными словами, познание в правоприменении включает в себя две разновидности — доказывание и непосредственное восприятие фактов; первое из них характеризуется логическим компонентом, второе — сугубо эмпирическими чертами. В связи с этим доказывание, действительно, ко всему прочему, ориентировано на установление таких фактических обстоятельств юридического дела, которые не могут быть познаны только эмпирическими средствами и методами, а требуют от правоприменителя сложного, системного, рационального исследования.

Любая научная парадигма и даже научная теория по отдельному вопросу включает в себя некоторый объём сходных научных мнений, и господствующей среди себе подобных такая теория становится при условии, что данный объём аналогичных взглядов существенно превышает объём альтернативных точек зрения по соответствующей проблематике. Данная работа призвана внести ещё одну «лепту» (вклад) в концепцию, гласящую о нетождественности познания в правоприменении и доказывания, характеристике последнего как сложной, носящей опосредованный, логический характер, разновидности познания в применении права.

2. Что касается свойств юридических доказательств, то о традиционных из них — относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств — весьма

много говорится в литературе по процессуальным отраслям права [2, с. 175–179; 7, с. 110–138, 142–143].

Смысл процессуальных требований относительно относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств заключается в том, что такие требования позволяют сформировать правоприменителю «истинный», объективный предмет доказывания по делу, сузить его познавательные поиски до значимых для данного конкретного дела фактических данных, «отсеивая»:

- не относящиеся к делу фактические обстоятельства;
- обстоятельства из презюмируемых законодателем в качестве «сомнительных» источников (суть недопустимые доказательства);
- противоречащие истинному положению дел, а, следовательно, и не могущие способствовать истинному разрешению дела, фактические данные (недостоверные доказательства);
- дублирующие друг друга и отнюдь не способствующие процессуальной экономии в рамках разрешения дела доказательства. На этом пункте следует остановиться подробнее. Авторское мнение: правильное, научно выверенное и практически подтверждённое законодательное закрепление свойств доказательств и доказывания, видов и техники доказывания влечет за собой чрезвычайно важное в практическом плане следствие — за счёт детально фиксированного и конкретизированного порядка и алгоритма познания в правоприменении будет иметь место значительно более оперативное разрешение юридических дел, т. н. «процессуальная экономия» (разумеется, не в ущерб качеству разрешения юридических дел), значение которой в реальной действительности переоценить трудно.

Некоторые примеры из отечественной судебной практики, подтверждающие авторские выводы по указанному пункту: Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 03.12.2015 г. по делу № 33–13915/2015, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.11.2015 г. по делу № А52–4324/2014, Апелляционное определение Челябинского областного суда от 01.12.2015 г. по делу № 11–14307/2015 [8] и др.

3. В целях единообразного применения правоприменителями норм процессуального права, регламентирующих доказательственный процесс и специфику отдельных видов доказательств (а значит, и повышения эффективности установления фактических обстоятельств дела правоприменителем на практике) как учёными-теоретиками, так и юристами-практиками ставится вопрос о единообразном изложении правил доказывания и специфики доказательств в отечественных кодифицированных актах [например, 6, с. 707–718].

Несомненно, этот давно назревший вопрос требует своего незамедлительного разрешения. Причём внутренняя противоречивость такой правовой общности, как процессуальное право, в контексте института

доказывания, — ещё не самая большая проблема, если рассматривать её именно в теоретическом, а не практико-прикладном аспекте. Однако здесь следует отметить, что унификация правил и средств доказывания возможна в той мере, в какой она согласовывается с началами и принципами той или иной отрасли права (защита публичных / частных интересов, гласность и т. п.), поэтому к данному процессу необходимо подходить с известной осторожностью.

4. В последнее время становится популярной так называемая информационная теория доказывания и похожие концепции, основанные на философской и психологической теории отражения. Так, упомянутые ранее Л. А. Воскобитова и С. Б. Россинский полагают, что в современных условиях наибольшие научные усилия, связанные с развитием теории доказательств, необходимо направить именно на исследование вопросов познания обстоятельств юридического дела на основании мысленных образов [1, с. 134]. Позиция данных авторов формулируется следующим образом: «...методологически отталкиваясь от информационной концепции и дополнив ее современными представлениями о механизмах формирования мысленных образов в сознании познающих субъектов, можно будет по-новому взглянуть на достоинства и недостатки различных видов доказательств и, следовательно, наметить новые подходы к оценке их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения ... дела» [1, с. 134].

В связи с этим они приходят к выводу о существовании двух основных способов юридического процессуального познания — «вербального» и «невербального» [1, с. 136–139]; значение подобного выделения авторы видят в принципиально новой методологической основе для исследования сущности и специфики отдельных видов доказательств.

Справедливости ради, необходимо отметить то, что теории, оперирующие информационной составляющей в правоприменении, возникли ранее XXI в. Так, Г. А. Густов характеризует познание следователя в расследовании преступлений следующим образом: «...Расследование преступления — сложная система познавательно-практической деятельности, направленной на решение задач предварительного следствия... Система расследования (*по сути — информационная система — Я. К.*) целенаправленно создается следователем в процессе работы по конкретному уголовному делу, непрерывно совершенствуется и прекращает свое существование по завершении предварительного следствия. Организовать расследование — значит: а) создать исходную систему расследования (оценить, переработать, использовать первоначальную информацию, выдвинуть версии, определить задачи расследования, принять и осуществить их решение); б) наладить дальнейшее управление процессом расследования (на основе вновь поступившей информации спрогнозировать развитие процесса, внести необходимые коррективы и тем самым усовершенствовать систему расследования» [3, с. 7].

Таким образом, информационные теории в правоприменении предполагают модификацию, творческое преобразование начального объёма информации в сознании правоприменителя в конечный информационный продукт, являющийся результатом познания — правоприменительное решение. По этому поводу (применительно к уголовному процессу) А. А. Корчагин пишет: «Судебное познание представляет собой процесс развития знания о событии преступления от начального, которое имеется на момент поступления дела в суд, до момента вынесения судом приговора» [4, с. 108].

Разумеется, данный подход к проблематике доказательств и особенностей исследования отдельных их разновидностей не только достаточно интересен, но и важен с точки зрения последних достижений отдельных сфер научного знания (психологии, нейрофизиологии, лингвистики и т. д.). Однако проблема представляется следующей:

не только признанное научно-теоретическое обоснование указанной концепции в рамках процессуальной теории и теории права, но и законодательное закрепление её базовых постулатов. В связи с этим, при первом приближении, напрашивается один из возможных путей её решения: издание соответствующих разъяснительных актов, актов толкования права высших судов государства, фиксирующих в т. ч. также и особенности информационного алгоритма отдельных категорий дел. Представляется весьма ясным то, что в силу ряда понятных причин (противоречивость отечественной судебной практики, недостаточная разработанность проблемы на научно-теоретическом уровне, кратковременность её внедрения) всемерное научно-теоретическое обоснование, законодательное внедрение и закрепление достижений информационной концепции в отраслях отечественного процессуального права будет представлять собой весьма непростой процесс.

Литература:

1. Воскобитова Л. А. Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве / Л. А. Воскобитова, С. Б. Россинский // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9. — № 1. — С. 130–143.
2. Гражданское процессуальное право: учебник / С. А. Алехина, В. В. Блажеев и др.; под ред. М. С. Шакарян. — М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2004. — 584 с.
3. Густов Г. А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений: автореф. дис. д-ра юрид. наук. — М., 1993. — 59 с.
4. Корчагин А. А. Особенности процесса познания в ходе судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — Вып. 2–2. — С. 108–111.
5. Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. — СПб, 2006. — 36 с.
6. Лупинская П. А. Общее и особенное в правилах о доказательствах и доказывании в УПК РФ и ГПК РФ // Lex Russica. — 2005. — № 4. — С. 707–718.
7. Треушников М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Городец, 2004. — 272 с.
8. URL: <http://www.consultant.ru/>

2. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

История становления категории злоупотребление процессуальными правами в отечественном законодательстве

Бондарева Екатерина Олеговна, магистрант
Курский государственный университет

Злоупотребление процессуальными правами было известно еще древнерусскому законодательству.

Так, в судебном процессе XV века уже существовала проблема затягивания судебного процесса. Подтверждением данного факта является закрепление в положениях Новгородской судной грамоты норм о соблюдении сроков судебного разбирательства.

В статье 28 Новгородской судной грамоты сказано: «...судити два месяца, а болши дву месяц не волочити» [1, с. 47].

Если затягивание процесса зависело от действий сторон, то судья за это не отвечал. Если же затягивание процесса произошло по вине суда, то стороны имели право обратиться к веху, которое давало им приставов для осуществления контроля за производством дела в суде. Для каждой категории дел устанавливался самостоятельный срок судебного разбирательства.

Кроме того положения Новгородской судной грамоты детально регламентировали вопрос отложения судебного заседания с целью недопущения недобросовестного поведения лица, участвующего в процессе. В частности, если сторона процесса откладывала процесс либо уклонялась от участия в процессе более двух раз, то она проигрывала процесс.

Псковская судная грамота помимо затягивания судебного процесса, закрепленном в Новгородской судной грамоте, содержала отдельную статью, посвященную злоупотреблениям со стороны суда (статья 3). При этом к злоупотреблениям суда законодатель отнес взяточничество, а также разрешение дела несправедливо из-за личной мести или дружбы со стороной.

С образованием централизованного государства, появлением новых составов преступлений возникла необходимость в создании единого общерусского свода законов, которым стал Судебник 1497 года.

Судебник 1497 года включил в себя имеющиеся в древнерусском законодательстве нормы о запрете злоупотребления процессуальными правами.

Так, в статьях 32, 36 Судебника 1497 года установлен запрет на волокиту в суде, воспринятый из положений Новгородской судной грамоты. Убытки, причиненные

волоkitой, законодатель отнес на сторону, признанную судом виновной [2, с. 59].

Положения ст. 1 Судебника 1497 года восприняли нормы Псковской судной грамоты о запрете взяточничества и несправедливого рассмотрения дела.

В положениях Судебника 1497 года впервые упоминается такое понятие как ябедничество (т. е. ложный донос), имевшее своей целью обвинить невиновного. Данное деяние относилось уже к категории «лихих» дел, предусмотренных ст. 8 и ст. 39 Судебника и каралось смертной казнью [2, с. 81].

С периодом образования сословной монархии на Руси был принят новый Судебник 1550 года, провозглашенный единственным источником права на Руси. Судебник 1550 года во многом воспринял и развил положения о судопроизводстве, заложенные в Судебнике 1497 года [2, с. 98].

Так, статья 73 Судебника 1550 года закрепляла ответственность за такой вид злоупотребления процессуальными правами как подача стороной неосновательного иска с завышенной суммой требований, когда истец в сумму иска включал чужое имущество, указывая при этом, что оно принадлежит ему. За данное деяние истцы могли быть обвинены в ябедничестве, и на них ложилась уплата судебных пошлин [2, с. 115].

В последующих источниках права законодатель уже более определенно прописал положения о противоправности злоупотребления правами в суде.

Так, в Соборном Уложении 1649 года в статье 18 главы С устанавливалась ответственность за предъявление неосновательного иска к ответчику. Статья 19 предусматривала квалифицированный случай сутяжничества, когда истец при обоснованности иска в целом, неосновательно требовал больше, чем ему положено [3, с. 81].

Статья 14 Соборного Уложения 1649 года устанавливала ответственность за необоснованные жалобы в суд второй инстанции. Как специальный случай сутяжничества рассматривалось обращение непосредственно к государю, минуя нижестоящие инстанции [3, с. 80].

Согласно ст. 109 Соборного Уложения 1649 года, если сторона заявляла о необходимости совершения процессуальных действий в дальних городах, пытаясь, таким

образом, затянуть рассмотрение дела, а другая сторона возражала против этого, суд рассматривал дело по имеющимся материалам. Актуальность данной нормы подтверждает и современная юридическая практика, когда недобросовестные стороны прибегают к аналогичным способам затягивания процесса, известным еще три с половиной века назад [3, с. 94].

Значительные изменения отечественного процессуального законодательства произошли вследствие принятия Петром I Именного Указа от 21 февраля 1697 года «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» [4, с. 148].

С целью борьбы с процессуальными злоупотреблениями в суде данным Указом была отменена состязательная форма процесса и очные ставки. На замену состязательной форме процесса пришла розыскная форма, просуществовавшая до принятия Указа «О форме суда» от 5 ноября 1723 года.

Указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 года помимо норм об отмене розыскной формы также содержал нормы, препятствующие злоупотреблению правом со стороны недобросовестных лиц.

Так, согласно ст. 5 Указа «О форме суда» для предотвращения волокиты лицо могло принудительно удерживаться в суде [4, с. 162].

Статья 6 Указа «О форме суда» описывала случай злоупотребления подсудностью дела, когда недобросовестное лицо возбуждало сразу несколько процессов в различных местах, добиваясь тем самым затягивания одного из дел и получая возможность выигрыша в одном из судов [3, с. 162].

Порядок судопроизводства, введенный Петром I, существовал до великой отечественной судебной реформы 1864 года, коренным образом преобразовавшей существовавший процесс.

В Указе Александра II Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 года отмечалось, что одной из важнейших целей судебной реформы 1864 года является «водворение в России суда скорого, правого и милостивого...» [5].

Так в ст. 13 Устава уголовного судопроизводства 1864 года было сказано: «Воспрещается останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов. За нарушение сего правила виновные подвергаются ответственности как за противозаконное бездействие власти (Уложение о наказаниях, ст. 383–385)» [6].

Статья 116 Устава уголовного судопроизводства 1864 года также содержала положение, направленное на борьбу с «заволокичиванием» дел, в частности данная норма гласила: «Разбирательство и решение каждого дела оканчиваются у мирового судьи по возможности в одно заседание».

Согласно положениям Устава уголовного судопроизводства 1864 года в случае отсутствия участника процесса

в судебном заседании без уважительной причины на него мог быть наложен штраф, а в отдельных случаях, участник процесса мог быть подвергнут принудительному приводу в судебное заседание.

В первые годы после проведения судебной реформы количество дел, рассматриваемых с нарушением сроков судебного разбирательства уменьшилось, однако в конечном итоге законодатель не достиг желаемого эффекта и вскоре данная проблема актуализировалась с новой силой.

Процессуальное законодательство советского периода уже более детально регламентирует вопросы недопустимости злоупотребления процессуальными правами в судебном процессе.

Буквальное толкование статьи 6 ГПК РСФСР 1923 года позволяет вывести дефиницию злоупотребления процессуальными правами, под которым законодатель предложил понимать «действия, имеющие целью затянуть или затемнить процесс» [7, с. 41].

Впоследствии 20 ноября 1929 года в статье 46 ГПК РСФСР 1923 года было внесено примечание № 2, согласно которому: «в случае недобросовестного заявления стороной неосновательного иска, или спора против иска, или систематического противодействия скорому и правильному разрешению дела, суд был вправе обязать недобросовестную сторону уплатить в пользу другой стороны вознаграждение за фактическую потерю рабочего времени...» [7, с. 41].

ГПК РСФСР 1964 года признал недействительной норму, содержащую определение злоупотребления процессуальным правом и фактически воспроизвел в ст. 92 ГПК РСФСР 1964 года формулировку, содержащуюся в примечании 2 к ст. 46 прежнего Кодекса [8, с. 7].

Часть 2 статьи 30 ГПК РСФСР содержала обязанность участников процесса добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами.

АПК РФ 1992 г. (ч. 2 ст. 28) и АПК РФ 1995 г. (ч. 2 ст. 33) также закрепляли обязанность лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Однако никакой ответственности за нарушение данных норм не было предусмотрено.

На сегодняшний день основным нормативным правовым актом, закрепляющим запрет злоупотребления принадлежащими субъекту правами, является Конституция РФ. Согласно ч. 3 ст. 17 Конституции РФ «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [9, ст. 17].

Действующий Гражданский процессуальный кодекс РФ в статьях 99, 284, 319 практически без изменений воспроизвел положения прежнего Кодекса.

Новый Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 2002 года помимо закрепления обязанности лиц быть добросовестными в процессе (ч. 2 ст. 41 АПК РФ) закрепил следующее положение: «злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные Кодексом неблагоприятные последствия» [10,

ст. 41]. Таким образом, законодатель посредством введения данной нормы регламентировал ответственность за злоупотребление процессуальными правами путем отнесения на недобросовестное лицо всех судебных расходов по делу (ч. 1 ст. 111 АПК РФ).

Таким образом, исследование истории развития средств противодействия злоупотреблению процессуальными правами в отечественном законодательстве позволяет сделать следующие выводы:

Проблема злоупотребления процессуальными правами имеет долгую историю. Еще в Древней Руси принимались первые попытки борьбы с различными

злоупотреблениями в процессе. Однако методы противодействия злоупотреблению процессуальными правами не представляли целостной системы, вопрос об общих оговорках, которые закрепляли бы пределы процессуальных прав, не ставился.

Основные виды процессуальных злоупотреблений и в древнерусских источниках права, и в современном законодательстве примерно схожи. И раннее, и современное законодательство, регламентирующее правила рассмотрения гражданских дел, признавали противоправным — неявки заинтересованных лиц в суд; искажение доказательств; введение суд в заблуждение; нарушение порядка в суде.

Литература:

1. Памятники русского права: Памятники права феодально-раздробленной Руси, XII—XIV вв. / под ред. С. В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. С. 47.
2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 2. / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. С. 59.
3. Памятники русского права: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. С. В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 81.
4. Памятники русского права: Законодательные акты Петра I / под ред. С. В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 148.
5. История Правительствующего сената за двести лет. 1711—1911 гг. / сост. И. А. Блинов, В. А. Гаген, С. К. Гогель. СПб., 1911. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3300/> (дата обращения 02.09.2016 г.).
6. Устав уголовного судопроизводства 1864 года. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 02.09.2016 г.).
7. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (с изм. и доп. на 15 августа 1925 г.). М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР. 1925. С. 41.
8. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г. // Свод законов РСФСР. 1964. 11 июня. Т. 2. С. 7.
9. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 декабря. Ст. 17.
10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации № 95-ФЗ от 24.07.2002 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30, ст. 3012. — Ст. 41.

Развитие гражданского законодательства во время правления Александра III

Кравченко Камила Ильдусовна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

В данной работе рассмотрено гражданское законодательство во время правления Александра III. Также согласно гражданскому уложению выявлены определенные виды сделок и способы защиты гражданских прав по ним.

Ключевые слова: гражданское уложение, сделка, способы защиты прав, эпоха Александра III

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения формирования гражданского законодательства, на истории и закономерностях которых строятся наши современные правовые отношения.

Гражданское законодательство представляет совокупность нормативных актов различной юридической силы, которые содержат нормы гражданского права. Стоит отметить, что гражданское право регулирует основополагающие

отношения граждан и юридических лиц, граждан между собой, правовое положение участников гражданского оборота, договорные и иные обязательства, а также регулирует экономические отношения, без которых наше современное общество просто не сможет существовать. В связи с тем, что гражданское право охватывает практически все области жизни граждан и деятельности юридических лиц, оно является самым объемным среди других отраслей права.

В настоящее время происходит расширение сферы действия гражданского права. Теперь к нему относятся не только обязательственные отношения, но и другие виды отношений, в том числе землепользования и семейные отношения. Очевидно, что всё это свидетельствует о возрастании социальной ценности гражданского права как наиболее эффективного регулятора формирующихся рыночных отношений.

Социально-экономические преобразования, которые произошли в нашей стране за последнее десятилетие, явились причиной изменений в гражданском праве. Стоит также отметить, что в последнее время в научной литературе возрос интерес к проблемам гражданско-правового регулирования. Все это ещё раз доказывает значимость этой отрасли права и необходимость ее более глубокого и детального изучения.

Анализ литературы и источников по гражданскому праву показал, что исследование обязательственных отношений насчитывает уже не одно столетие. Соответствующие разделы есть в историко-правовой литературе дореволюционного, советского и современного периодов.

В данный период наша страна вставала на мирные рельсы, проводилось реформирование внутренней системы общества, при этом вопросы права не оставались без внимания. Для гражданского права была характерна ситуация, когда люди, заключая сделки, не всегда осознавали степень наступающей ответственности и последствия каждой сделки. Поэтому далее рассмотрим вопрос о способах защиты прав по сделкам, которые существовали в этот период времени.

Самым главным способом защиты прав по сделкам, был её письменный характер. Только те обязательства, которые были чётко прописаны, могли защищаться и требоваться. Письменный характер являлся гарантией от необоснованных требований, неправомерного одностороннего прекращения обязательств, вытекающих из самой сделки. В законе прямо указывалось, что некоторые сделки должны быть обязательно письменными, потому что имеют большую юридическую значимость, и, если они не будут носить письменного характера, защитить права по ним будет намного сложнее или вообще невозможно. Например, в законодательстве было указано, что договор личного найма, по которому рядная плата за год или за весь срок, если он составлял менее года, превышала триста рублей, должен быть удостоверен письменно. [1]

Письменная защита прав по сделкам была в форме чеков, переводных писем, бумаги на предъявителя.

Самым распространенным письменным способом защиты являлся чек. Данный способ защиты заключается в том, что посредством чека одно лицо поручало другому уплатить предъявителю чека определенную сумму денег в пределах той необходимой суммы, которую плательщик в силу существующего между ним с чекодателем договора, обязан оплачивать. В этом случае плательщиками

могли быть только банки, банкиры, и другие общества, которым в силу изданных для них правил, предоставлен приём вкладов на текущий счёт. На чеках, подлежащих оплате за границей, могли числиться такие плательщики, которые имели право оплачивать чеки по местным законам. Соответственно, чеки были средством юридической защиты не для каждого вида сделок, а лишь для отдельных видов обязательств.

Наряду с чеками имели место бумаги на предъявителя. В соответствии с бумагой на предъявителя лицо, выдавшее её, принимало на себя исполнение содержащегося в ней обязательства в отношении каждого предъявителя бумаги. В том случае, если бумага на предъявителя поступала в обращение помимо желания лица, её выдавшего, то обязательство подлежало исполнению, лишь по отношению к добросовестному предъявителю бумаги. Следовательно, это бумага требовала чёткого исполнения указанных в ней обязательств.

Далее рассмотрим *письменный способ защиты прав по сделкам, который назывался перевод.* Посредством переводного письма переводатель поручал указанному в переводе плательщику уплатить приобретателю перевода определённую сумму денег, заранее оговорённую, за счёт его переводателя. Предметом перевода могли быть, кроме денег, процентные бумаги, и другие вещи. Стоит отметить, что письменный характер этой бумаги не распространялся на все виды сделок, а был доступен лишь для отдельных видов договоров. Однако, даже письменный характер сделки не всегда гарантировал её полного и беспрекословного исполнения, поскольку исход сделки зависел от воли сторон. [3]

В том случае *если сделка действительно имела письменный характер, или в некоторых случаях носила устный характер, что было допущено законодателем, для защиты прав по ней предоставлялся способ судебной защиты.* Суд являлся органом, который регулировал и поддерживал соблюдение законов, в том числе регулировал споры и отношения между отдельными людьми. Суд при рассмотрении данных вопросов руководствовался нормами существующего права при вынесении решений по тому или иному обязательству, или сделке, в которой права участников были нарушены. [4]

Не прибегая к судебной процедуре, *люди могли воспользоваться ещё одним способом защиты прав по сделкам. Он заключался в соблюдении определённой юридической процедуры.* Субъектам гражданских правоотношений необходимо было совершить определенные действия, которые в той или иной мере подтверждали требования, заключающиеся в данной сделке и возникающие из этого обязательства. Примером является одна из норм, следующая из договора комиссии. Она заключалась в следующем: принятое на себя поручение комиссионер был обязан исполнить согласно указаниям препоручителя, а также на условиях, наиболее выгодных именно для него.

Если поручитель не давал указаний по поводу выполнения договора, то комиссионер мог поступить по своему усмотрению, руководствуясь местными обычаями или биржевыми правилами. Однако если комиссионер заключал договор на условиях более выгодных, чем те, которые ему указывал препоручитель, то вся прибыль поступала к препоручителю. В этом и заключалось следование юридической процедуре. Очевидно, что ещё до обращения в суд, это могло помочь субъектам гражданских правоотношений, избежать ненужных и тяжелых последствий, вытекающих из заключённых ими сделок.

Однако, как отмечалось ранее, не все сделки могли подлежать судебной защите. В законодательстве конца XIX века было прописано, что такие сделки как пари, игры или лотереи не могли защищаться судом. Необходимо отметить тот факт, что в некоторых случаях судебная защита по ним всё же допускалась. Далее рассмотрим вопрос о юридической защите по этим видам сделок. [1]

Для того чтобы иметь более полное представление о защите прав по указанным сделкам, рассмотрим этот вопрос более детально.

Вначале рассмотрим игры и пари, поскольку эти сделки в правовом значении отличаются от сходной им лотереи. В проекте гражданского уложения подчеркивалось, что обязательств, пользующихся судебной защитой, из игры и пари не возникало. Вместе с тем было особо предусмотрено, что долг, по игре или пари, даже облакаемый в форму долгового акта, не подлежал ни взысканию, ни зачёту, что само по себе не гарантировало полной юридической защиты данных сделок. Проект гражданского уложения исходил из невозможности принудить должника к какому-либо исполнению обязательства (погашению долга) через суд. При этом добровольно выплаченный выигрыш не признавался неосновательным обогащением для лица. Также проектом было предусмотрено, что сторона могла требовать обратно добровольно выплаченный ею проигрыш только тогда, когда другая сторона действовала недобросовестно. [5]

Далее рассмотрим сделку лотереи, которая была отделена от игр и пари, в силу её большей юридической значимости. Для лотереи устанавливался специальный правовой режим. Так, в отличие от игр и пари одной из сторон в договоре лотереи наряду с участниками должен был выступать предприниматель с тем, что между предпринимателем и участниками возникали обычные обязательственные отношения, которые подлежали судебной защите. Обязательным условием при этом являлась выдача предпринимателю существующей правительственной властью надлежащего разрешения на проведение лотереи. В виде исключения в случае, если розыгрыш по какой-либо причине не состоялся, участник мог потребовать уплаченные им деньги обратно, независимо от того, производилась лотерея по разрешению правительственной власти или нет. Обязанность предпринимателя, организовавшего лотерею,

состояла в проведении в назначенное время розыгрыша с немедленной выплатой выигрыша. Особенно оговаривалось то обстоятельство, что указанное обязательство возникало независимо от того, были ли разобраны все выпущенные лотерейные билеты или нет. При этом, данная сделка, хотя и не всегда могла носить обязательный и непосредственно правовой характер, всё же имела некоторую юридическую защиту. [2]

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить, что *такие способы защиты прав по сделкам, как письменный характер, судебная защита, соблюдение определённой юридической процедуры* наиболее широко применялись в гражданском законодательстве конца XIX века. Это связано, прежде всего, с формированием новых социальных отношений и развитием общества в целом. Данные способы защиты прав по сделкам не только оберегали людей от неправовых требований, беззакония, но и позволяли заключить любую сделку на законных основаниях. Вследствие такого широкого и масштабного развития и применения законодательства, можно говорить о развитии гражданского права как самостоятельной отрасли права.

Правление Александра III можно назвать периодом мощного развития права. Это время характеризовалось развитием гражданского законодательства, что являлось не менее важным для нашей страны. Были сформированы проекты уголовного и гражданского уложения, созданы максимальные условия для правовой защиты прав людей.

Важно отметить, что в гражданское законодательство было включено максимальное количество сделок, а именно: купля-продажа, мена, дарение, комиссия, запродажа, имущественный найм, займ, поклада, личный найм, подряд, товарищество, ссуда, рента, личное страхование, поручительство, а также игры, пари и лотереи. Каждая из этих сделок имела свои отличительные характеристики и определенные черты, присущие только ей. Очевидно и то, что каждая сделка заключала в себе требования об исполнении определенных обязательств, которые устанавливались непосредственно сторонами.

Для защиты людей от неправовых требований, несправедливости, своеволия в сделке, прекращения обязательств, по воле одной стороны, без уведомления другой и т. д. гражданским законодательством конца XIX века были определены способы защиты прав по сделкам. Такими способами были: письменный характер сделки, судебная защита и исполнение сторонами определенной юридической процедуры. Всё это способствовало правовой защите каждой сделки. Таким образом, находясь в рамках данных правоотношений и используя способы юридической защиты, люди могли отстаивать свои права в том или ином обязательстве. Стоит отметить, что это было важно для развития и становления гражданского законодательства в нашей стране.

Литература:

1. Российское законодательство, X—XX вв.: в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / под общ. ред. О. И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1994. — 351 с.
2. Будкевич, Ф. П. Частный проект Гражданского уложения Российской Империи: С объяснительной запискою и приложением. — Варшава: Типография Варшавского Учебного округа, 1901. — 145 с.
3. Кавелин К. Русское гражданское уложение. — СПб.: б/и, 1882. — 28 с.
4. Гражданское уложение: Проект, исправленный Министром юстиции. Книга пятая, Обязательственное право. — СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1913. — 416 с.
5. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье: [С 1 марта 1881 года по 1913]: [В 33-ти т. с указ.]. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1885.

Традиции охраны права собственности в странах романо-германской правовой системы

Чичеров Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент;

Котляров Сергей Борисович, кандидат исторических наук, доцент;

Рыбакова Наталья Евгеньевна, студент

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

Статья раскрывает некоторые аспекты развития институтов охраны права собственности в римском праве, а также их реципирование и дальнейшее развитие в странах романо-германской правовой семьи.

Ключевые слова: римское право, защита права собственности, иски, гражданско-правовая ответственность, уголовно-правовая ответственность, ограничение права собственности, сервитуты, залоговое право, ипотека, романо-германская правовая семья

Право частной собственности и ее охрана стали для стран романо-германской правовой системы поистине «священной короной». Россия же которую тоже можно отнести к странам романо-германской правовой системы пока не совсем вписывается в высокие стандарты охраны права частной собственности действующие в Европе (причина этого кроется в особенностях исторического развития России и влияния на ее правовую систему как западных, так и восточных правовых традиций). И все же современная Россия «за довольно непродолжительный период времени достигла определенных результатов в области становления институтов правового государства» [11, с. 394].

Однако существенной проблемой правовой традиции нашей страны и по сей день остается становление эффективной системы охраны частной собственности и устранение возможностей ее нарушения со стороны органов государственной власти.

Традиции же весьма трепетного отношения к собственности вообще и к частной собственности в особенности восходят своими корнями к римскому праву. И хотя прошло уже довольно много времени с момента краха Западной римской империи, а значение римского права проявляется и по сей день. Известный римский историк Э. Гиббон считал, что Римским правом многие народы пользуются до сих пор, даже те, которые никогда не зависели от Рима. Термин «римское право» означает право Римского рабовладельческого государства.

Развитию римского частного права способствовали определенные обстоятельства, например, высокий уровень товарной-денежных отношений, который был достигнут в Риме во время поздней республики.

Большое значение имел «всесветный» характер самой империи, который примирил различные правовые системы, существовавшие в завоеванных странах, таких как например Греция, Египет, Сирия и другие.

Римское право возникло и развивалось в момент социальной борьбы, поэтому в данном праве и сформировались такие особенности как строгость и жесткость правовой нормы. Эти качества оказали не меньшее влияние на юридическую систему. И благодаря этому обстоятельству Римляне смогли с самого начала отделить юридические нормы от сферы чувств, создать точный механизм регулирования правовых взаимоотношений.

Основной особенностью римского права является его рациональность к мировым юридическим нормам, потому как Рим поддерживал торгово-экономические и политические отношения с другими странами, что поспособствовало созданию юридических норм в области частного права.

Частной собственностью римских граждан могла быть общая собственность семьи. Большое значение в римском праве занимала защита прав собственности и в частности собственности на землю. Изначально защиту прав собственности на землю в римском праве регулировали лица, принадлежавшее к исконным римским родам, державшие

в своих руках общественные земли, а плебеи-земледельцы страдали от малоземелья. Наряду с борьбой между плебеями и патрициями за землю шла борьба и за расширение политических прав плебеев.

Довольно долго на протяжении римской истории не существовало четкого термина, обозначающего право собственности. Еще в древние века к праву собственности относились все случаи владения вещами, которые были в домашнем хозяйстве, в последствии на вещи, которые находились во владении определенных лиц, стали распространять термин *proprietas*, применявшийся только для права собственности как полного и абсолютного правового владения лица над вещью. Подобное представление о праве собственности укрепилось в Кодификации Юстиниана посредством использования термина *plena in re potestas* — полная власть над вещью. [7, с. 70].

Классическая западная юриспруденция рассматривала право собственности как наиболее полное господство над вещью. Аналогичное понимание собственности было взято из римского частного права и использовалось в странах романо-германской правовой системы. Известная 544-я статья Французского гражданского кодекса 1804 г. Обозначает собственность, как «право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом...». Подобное понимание собственности защищает и Германское гражданское уложение, согласно которому «собственник вещи может распоряжаться вещью по своему усмотрению и устранять других лиц от всякого на нее воздействия» (№ 903 ГГУ). Похожая формулировка содержится и в Швейцарском гражданском уложении 1907 г. [6, с. 75].

Идея защиты права собственности сформировавшаяся и получившая свое развитие, как в римском праве, так и в законодательстве стран романо-германской правовой системы, весьма актуальна и в наши дни.

В римском праве еще в древние времена сложились три вида собственности: наиболее древняя квинритская, собственность перегринов, и бонитарная собственность. В результате этого, при Юстиниане, все формы собственности стали равными между собой. [1, с. 139] Понятие «собственность» еще с древних времен возникло из фактических отношений владений римскими гражданами землей и рабами. [7, с. 151]

В отличие от современного российского перечня правомочий собственника (владение, пользование, распоряжение) в римском праве не существовало подобного [7, с. 123]. Право на защиту собственности в Риме не сводилось к отдельным владениям, а представляло собой полное юридическое и фактическое владение этой вещью, потому как все права могли принадлежать не самому собственнику, а лицу, владеющему этой вещью на другом праве владения, но само это обстоятельство не разрывало юридической связи между собственником и вещью.

Юридические средства, с помощью которых осуществлялась защита права собственности, по их принадлежности

к сфере общественного или частного права, можно разделить на две группы: публично-правовые и частной-правовые.

Публично-правовыми являются средства, которые отражены в уголовно-правовых и иных нормах публичного права за ущерб причинённый собственнику имущества. «В уголовном праве за какое-либо нанесение ущерба имуществу или самой личности устанавливалась ответственность в виде уплаты определённой суммы в пользу потерпевшей стороны. Такой вид платы за ущерб назывался «выкуп». Тогда ещё не было деления на умышленное и неумышленное нанесения вреда. Только позже любое незаконное деяние стало обозначаться как «деликт». Эти деликты в зависимости от того, кому нанесён ущерб подразделили на публичные и частные деликты. Если нарушались интересы государства, то речь шла о публичном деликте, а под частными деликтами понимали причинение ущерба интересам конкретного лица» [13, с. 40].

В странах романо-германской правовой системы также были восприняты публично-правовые и частной-правовые традиции охраны права собственности.

«Следует отметить тот факт, что на развитие российской правовой системы оказывала влияние рецепция римского права. Однако, влияние иностранного, в том числе римского, права на правовое развитие Русского государства не отменило, самостоятельного характера развития отечественной правовой системы. В нашей стране это влияние проявилось значительно слабее, нежели чем в ряде других европейских государств» [12, с. 691–692].

В отечественном законодательстве конца XV века «защита феодальной собственности и личности феодалов, а также приравнённых к ним монастырей и церкви, проходит красной нитью через весь Судебник 1497 года. При защите имущественных интересов феодалов использовались различные виды юридической ответственности». [5, с. 6]. Судебник 1497 года четко разделяет два вида ответственности за имущественные преступления, а именно уголовную и гражданско-правовую. Причем если в предшествующий период сначала применялась гражданско-правовая ответственность в виде возмещения причинённого ущерба, а уже затем уголовная. То в соответствии с предписаниями Судебника 1497 года зачастую следовало применять именно уголовную ответственность, а затем уже гражданско-правовую. Таким образом, приоритет получают интересы государства, направленные на пресечение преступлений против собственности, а затем уже восстановление имущественных интересов отдельных частных лиц.

Русские законы не карали смертной казнью татьбу (кражу), учиненную в первый раз. Исключение из этого правила составляли лишь церковная татьба, фактически являвшаяся не столько преступлением против собственности, сколько преступлением против Церкви (церковные воры подлежали смертной казни и по Каролине (немецкое уголовное законодательство)). В остальных случаях при совершении кражи впервые высшая мера наказания не допускалась независимо от предмета кражи, его стоимости

и других обстоятельств. Данный факт, кстати, по-видимому, воспринимался иностранцами как некая «русская экзотика», а потому, особо отмечался ими в записках о России. В Каролине же ситуация с наказанием за кражу выглядит иначе. При определенных условиях, например, если было похищено имущество стоимостью в 5 гульденов или выше, либо кража была сопряжена с проникновением в жилище или хранилище, либо с использованием оружия, вор мог быть подвергнут смертной казни и за первую кражу. Наиболее ярко различие в подходах к наказуемости кражи проявляется, пожалуй, в нормах об ответственности за незаконную ловлю рыбы. Если в Германии за воровство рыбы из прудов и водоемов применялись все наказания, предусмотренные за кражу, вплоть до смертной казни, то в Московском государстве, согласно Судебнику 1550 г., то же деяние, могло повлечь за собой, либо штраф, либо иное наказание (максимум — телесное) по усмотрению Государя [14, с.].

Дальнейшее развитие уголовных санкций за преступления против собственности связано с принятием Сборного уложения 1649 года.

Крупнейшим преступлением против личности в соответствии с предшествующим законодательством Уложение читало разбой и татьбу. Они нанесли ущерб важнейшим из прав общества того времени — праву собственности, имущественному праву [4, с. 22].

Рассмотрим частное-правовые способы защиты права собственности, разработанные римскими юристами. Значительный интерес в данном случае вызывает неприкосновенность собственности в римском праве. Она представляет частноправовые средства защиты права собственности, так как они являются индивидуальными средствами частноправового регулирования, в котором находится и взаимодействует неприкосновенность собственности.

Для защиты права собственности представлялся ряд исков. Ими являлись виндикационный и негаторный иски. Остальные являлись обязательственными исками, которые в литературе именуется «личными» [8, с. 25].

Главным иском для защиты права собственности являлся виндикационный иск (*rei vindicatio*). Такой иск давался не владеющему собственнику против владеющего несобственника. Смысл этого иска состоял в требовании к владеющему несобственнику выдать вещь ее собственнику. Такой иск был средством реагирования на нарушение неприкосновенности собственности в форме лишения собственника владения вещью и гарантировал восстановление фактического владения этой вещью.

Неприкосновенность собственности может быть нарушена и без лишения собственника владения вещью, так, например, методом стеснения его фактической возможности владения вещью (в случае если лицо без разрешения собственника использует участок для выпаса скота). В этом случае использовался негаторный иск (*negatoria in rem actio*). Такой иск мог быть применен в случае, если сами действия ответчика могли совершаться, например, когда

он обладал сервитутным правом [8, с. 31]. Негаторный иск в большинстве случаев означал отрицание истцом наличия у ответчика сервитутного права на использование его вещи и требовал немедленного прекращения незаконного владения.

Для предотвращения нарушения неприкосновенности собственности, либо ограничения владения и пользования вещью собственнику давался иск *actio prohibitoria* (иск о воспрещении). Целью этого иска было признание права исключительного владения и пользования по отношению к собственнику. В итоге удовлетворения подобного иска признавалось, что ответчик не имел права владения и (или) пользования вещью без воли собственника [7, с. 110]. Значение данного иска в целях реализации принципа неприкосновенности собственности сводилось к эффективному предотвращению подобных нарушений со стороны третьих лиц.

Так же римскому праву были известны и другие иски: иск о границе участков, иск о запрете изменения стока дождевой воды, иск о понуждении к заключению стипуляции [7, с. 39], деликатный иск, иск о запрете застройки [9, с. 135]. В случае причинения вреда имуществу собственник мог предъявить иск о возмещении убытков, которые определялись в размере высшей цены, которую вещь будет иметь не в течение того года, а в течение ближайших 30 дней со дня нанесения вреда. Также следует отметить, что перечень средств защиты права собственности, предусмотренных *jus civile*, мог дополняться исками, даваемыми претором.

В итоге римское право предусматривало множество средств, гарантировавших невмешательство третьих лиц в отношения права собственности без воли собственника.

Как было указано выше, собственник имел полное фактическое и юридическое владение вещью. Но если бы право собственности было безгранично, то рано или поздно право собственности одного собственника стеснило бы право другого собственника, который, также считая свое право безграничным, препятствовал бы осуществлению права первого, например, путем строительства такого дома, который полностью заслоняет свет на участок своего соседа. В результате такой безграничности возник бы хаос, в котором рамки реализации права собственности были бы, довольно, не реальными, что привело бы к нестабильности гражданского оборота и, как результат, упадку всего хозяйства римского государства.

Квиритская собственность возникла как часть публичного интереса и рассматривалась как необходимая гарантия процветания общины квинитов, вплоть до того, что собственник-домовладыка не мог отчуждать семейное имущество, поскольку в этом случае его семья осталась бы без средств к существованию, либо существенно ухудшилось бы ее материальное положение. Более того, право квинитской собственности рассматривалось как доля в общем имуществе квинитской общины. Из этого следует, что границы реализации права квинитской собственности

устанавливались, исходя из соображений публичной пользы, а именно для того, чтобы каждая отдельно взятая семья обладала таким количеством имущества и такими полномочиями по реализации права, которые бы гарантировали наиболее эффективное использование собственности с целью процветания каждой отдельной семьи и общества квиритов в целом. С этой целью публичный порядок потребовал ограничения реализации права собственности [7, с. 164]. Наиболее древним источником римского права являются Законы XII таблиц, в которых собственность уже не мыслится как безграничное, что подтверждается различными ограничениями такого права. Развитие римского права вводило новые ограничения и детализировало имеющиеся. В Институциях Гая повторялся запрет управлять имуществом расточителю. Собственник своих материалов, построивший дом на чужой земле, лишался права собственности на такой дом в пользу собственника земли так как земля по праву ему не принадлежала и т. д. Указанные ограничения в литературе рассматриваются в качестве легальных сервитутов [9, с. 82]. Задачами их установления являлись обеспечение достаточного материального уровня для семьи, недопустимость «ухода» вещи из гражданского оборота, обеспечение нормального хозяйственного использования вещей. Целью которой являлось общее, неприкосновенное благосостояние народа.

Помимо указанных выше ограничений, право собственности могло стесняться посредством установления сервитутов в судебном порядке.

Под сервитутом понимается право пользования чужой вещью, которое устанавливалось или для создания определенных выгод при эксплуатации определенного земельного участка, или в пользу определенных лиц [7, с. 119].

При этом целью установления сервитутов являлось повышение эффективности использования того имущества, в пользу которого он устанавливался [8, с. 65]. Это обстоятельство еще раз подтверждает обозначенный нами тезис о том, что сужение границ реализации права собственности устанавливалось с целью максимизации эффективности использования вещи каждым отдельным собственником.

Задача установления сервитута заключалась в том, чтобы повысить эффективность использования одного участка (в пользу которого он устанавливался) без существенного снижения эффективности пользования другим.

Аналогичные выводы встречаются и в литературе. Так, В. М. Хвостов указывает, что «субъект сервитутного права должен пользоваться своим сервитутом *civiliter*, то есть не наносить без нужды своим сервитутом вреда собственнику вещи и его хозяйству [8, с. 61]. К. Чиларж также придерживается мнения о том, что «сервитут необходим с целью достижения равенства в возможности эксплуатации земельных участков их собственниками» [9, с. 123].

Исходя из анализа указанных положений, следует сделать вывод, что сервитут в римском праве являлся одним

из ограничений права собственности, задачей которого было выравнивание возможностей собственников по извлечению выгоды из пользования вещью путем установления ограничений пользования одной вещью для обеспечения возможности нормального хозяйственного использования другой вещи. Обе вещи (обремененная и в пользу которой устанавливалось обременение) должны были сохранять возможность нормального хозяйственного использования, что отражает заботу римского государства о повышении общего благосостояния народа.

Говоря о неприкосновенности и о лишении права в римском праве, почти невозможно увидеть какие-либо четко установленные границы, при которых собственник мог быть лишен, либо ограничен в своем праве. Как указывает М. Бобин, «государство ограничивало индивидуума, когда того требовала жизнь» [2, с. 12].

Таким образом, несмотря на признание за собственником полного юридического и фактического господства над своей вещью, римское право содержало случаи ограничения либо лишения такого права в целях обеспечения публичного либо частного интереса. Из чего следует, что защита права собственности в римском праве имела свои границы и правила, которым являлся публичный интерес, либо право другого частного лица.

Можно ли назвать положение о неприкосновенности собственности в римском праве принципом права?

Ни в Институциях Гая, ни в Дигестах Юстиниана, как и в других источниках римского права, мы не найдем такого понятия, как «принцип неприкосновенности собственности», который бы рассматривался в качестве чего-то основополагающего, лежащего в основе системы права. Более того, мы не найдем и какого-либо другого принципа.

Объясняется это тем, что римское право формировалось, как указывает К. Ф. Брунс-Ленель, «чисто практически, в самой жизни, по поводу отдельных правоотношений» [3, с. 154]. Римляне не пытались отыскать общие категории, а решали конкретные задачи; как заметил М. Бобин, «в римском праве главное качество здоровой юриспруденции — близость к жизни» [2, с. 10].

С учетом этого разработка неких абстрактных принципов в римском праве попросту не велась, поскольку считалась нецелесообразной [3, с. 101].

В то же время мы убедились в том, что сама идея неприкосновенности собственности в римском праве присутствовала, поскольку без нее собственность не могла бы существовать. При этом следует заметить, что существование такой идеи, скорее, обусловлено практической целесообразностью и разумностью, нежели результатом специальных научных исследований и последующих обобщений.

Влияние восточного права (Греции и Египта) подтолкнуло к развитию в Риме института под греческим наименованием — ипотека. Право владения заложенным

имуществом при ипотеке не переходило к залоговому кредитору — оно сохранялось за должником. Римское ипотечное право не устанавливало регистрации ипотеки в государственных органах, вопросы, связанные с перезалогом одного и того же имущества, старшинством залогодержателей, обычно решались в соглашении об ипотеке. Также во времена развития римского права существовали такие виды залога, как перезалог, залог права требования и, как аналог залога товаров в обороте (залог складов и магазинов с товарами) нецелесообразной [10, с. 327–328].

Итак, собственник мог распоряжаться своею вещью полноправно независимо не от кого: он может продать эту вещь, поменять, использовать иным образом, и даже если собственник захочет уничтожить ее. Но при всем этом главное качество права собственности — это соединение полноправного господства лица над вещью с правом

распорядиться ею как он захочет, т. е. правом определить ее судьбу (продать, обменять, заложить, уничтожить).

Главная заслуга римских юристов заключается в том, что они не разрабатывали саму конструкцию права собственности как таковую, но они смогли раскрыть его юридическое содержание путем признания различных правомочий, принадлежащих собственнику вещи. К этим правомочиям относились: право владения, право пользования, право распоряжения, право на плоды или доходы, которые приносит вещь, право истребования своей вещи от третьих лиц. Право защиты собственности рассматривалось как наиболее полноправное господство лица над вещью, как абсолютное и неограниченное право. Именно защита прав собственности должна быть важнейшим элементом государственной и общественной жизни. Без защиты и неприкосновенности собственности невозможно развитие и становление современного гражданского общества.

Литература:

1. Барон Ю. Система римского гражданского права в 6 кн. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. — 1100 с.
2. Бобин М. Индивидуализм римского права // Временник Демидовского юридического лицея. — СПб., 1902. — Кн. 85. — С 1–17.
3. Брунс-Ленель К. Внешняя история римского права. М., 1904. — 184 с.
4. Каргин Ю. И., Котляров С. Б., Кукушкин О. В., Чичеров Е. А. Реформирование законодательства по политическим и уголовным делам во второй половине XVII века // Реформы и реформатор в истории России и регионов: Монография; под ред. К. В. Купченко. Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2015. — С. 7–43.
5. Котляров С. Б., Чичеров Е. А. К вопросу о развитии гражданского права Московской Руси в период формирования и утверждения сословно-представительной монархии (XV в.) // Государство и право: теория и практика: материалы III Междунар. науч. конф. — Читая: Издательство Молодой ученый, 2014. — С. 6–8.
6. Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции. Кн. 1. М., 1961. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. — 742 с.
7. Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 2004. — 314 с.
8. Хвостов В. М. Система римского права. Вещное право: конспект лекций. М., 1908. — 134 с.
9. Чиларж К. Учебник институций римского права. М., 1901. — 514 с.
10. Чичеров Е. А. Возникновение института обеспечения исполнения обязательств в римском и российском праве // Инновационные процессы в развитии современного общества: материалы II Международной заочной научно-практической конференции. Ответственный редактор Б. Ф. Кевбрин; Саранский кооперативный институт РУК. 2014. С. 325–329.
11. Чичеров Е. А. Политико-правовые концепции правового государства // Роль и значение науки в вузе и ее влияние на образовательный процесс: материалы Междунар. заоч. науч. — практ. конф. Сара. Коном. Ин-т РУК. — Саранск: ЮрЭксПрактик, 2015. — С. 393–397.
12. Чичеров Е. А. Рецепция римского права // Научное обозрение. — 2014. — № 12. — С. 689–692.
13. Чичеров Е. А., Назаркина Н. В. Развитие уголовного права в Древнем Риме // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 40–42.
14. Чичеров Е. А., Самосудов Д. А. Средневековая система наказаний в Германии и России // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 42–46.

3. КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Защита права граждан на неприкосновенность жилища

Адилова Наталья Александровна, магистрант
Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова

Непосредственно статья 25 Конституции РФ гласит о том, что «жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения [1]». Исключения из данного принципа предусмотрены рядом положений из Федеральных законов, а именно: ФЗ «О полиции», ФЗ «Об исполнительном производстве», «ФЗ «О службе безопасности в РФ», ФЗ «О государственной охране» и др. В основе этого конституционного положения лежит запрет на проникновение в жилище других лиц без согласия проживающих в нем граждан. Право на неприкосновенность жилища может быть ограничено федеральным законом или судом. Для того, чтобы перейти к более детальному рассмотрению защиты прав граждан на неприкосновенность жилища, необходимо выяснить: «Что такое жилище?», но в действующем законодательстве РФ нет единого подхода относительно понятия «жилище» и его неприкосновенности. Итак, ст. 139 Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности жилища. При этом «жилище — это любое помещение, специально предназначенное или приспособленное для постоянного или временного проживания (индивидуальный дом, квартира, комната в общежитии или гостинице, дача, садовый домик и т. п.). К жилищу относятся такие составные части жилых домов, которые используются для отдыха, хранения имущества либо удовлетворения иных потребностей человека (коридор, ванная комната, кладовая, застекленная веранда, балкон и т. п.). То есть в УК РФ понятие «жилище» используется в более широком смысле. Иначе говоря, уголовный закон обеспечивает право граждан на неприкосновенность любого помещения, используемого легально в качестве жилища» [2]. Непосредственно Жилищный кодекс РФ не дает легального понятия «жилища», а, наоборот, в своих статьях 15 и 16 отсылает к понятию «жилое помещение» [3].

Таким образом, термин жилище является наиболее широким, чем его составляющие такие как «жилое помещение» и «жилищный фонд».

Данный вывод можно подтвердить примерами из судебной практики, например, Европейский суд по правам человека признает «жилищем» строения

и помещения, используемые для временного проживания. В Постановлении от 28 ноября 1997 г. по делу «Ментеш и другие против Турции» этот Суд признал жилищем заявительницы принадлежащий ее свекру дом в деревне, в котором она проживала во время ежегодных приездов в деревню, в том числе в тот день, когда дом был уничтожен силами безопасности [4].

Верховенство конституционных прав и свобод человека и гражданина в иерархии охраняемых ценностей на практике в значительной мере обеспечивается совокупностью различных государственных мер [5].

Действительно, в самом наеле советское уголовное законодательство не содержало никаких норм, устанавливающих ответственность за совершение преступных нарушений неприкосновенности частной жизни. Нормы, предусматривающие ответственность за нарушение отдельных составляющих неприкосновенности частной жизни, появились только в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г [6].

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. впервые в новейшей истории России установил ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни в ст. 137 УК РФ. Кроме того, специальные нормы устанавливают ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138) и за нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139). Все указанные нормы включены в главу 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Структурно расположив состав нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137) впереди, законодатель определил ее главенствующее значение [7].

Согласно статистическим данным по Республике Хакасия за 1 квартал 2016 года раскрыто 3 состава преступления предусмотренных ст. 139 УК РФ, например, Приговором мирового судьи судебного участка № 1 Аскизского района от 27 октября 2011 г. Иваненко Е. А. осужден по ч. 1 ст. 139 УК РФ к 2 месяцам исправительных работ с удержанием 10% из заработка осужденного в доход государства, снят с учета 31 января 2012 г. по отбытию наказания. Осужденный Иваненко Е. А. обратился в мировой суд судебного участка № 6 г. Абакана с ходатайством о снятии судимости по приговору мирового

судьи судебного участка № 1 Аскизского района от 27 октября 2011 г. Постановлением суда от 27 ноября 2013 г. Иваненко Е. А. отказано в принятии ходатайства. В апелляционной жалобе осужденный Иваненко Е. А. просит постановление суда отменить, как незаконное и необоснованное. Утверждает, что суд принял решение без его участия при рассмотрении ходатайства, тем самым лишил его возможности высказать свою позицию. В суде апелляционной инстанции осужденный Иваненко Е. А. жалобу поддержал в полном объеме, просит постановление отменить и направить дело на новое рассмотрение. При таких обстоятельствах суд первой инстанции пришел к правильному выводу об отказе в приеме ходатайства Иваненко Е. А. к рассмотрению, поскольку отсутствует предусмотренный ст. 400 УПК РФ предмет судебного рассмотрения. На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 389.13, 389.19, 389.20, 389.28 и 389.33 УПК РФ, суд постановил: — постановление мирового судьи судебного участка № 6 г. Абакана от 27 ноября 2013 г. в отношении Иваненко Евгения Анатольевича, которым отказано в принятии ходатайства о снятии судимости по приговору мирового судьи судебного участка № 1 Аскизского района от 27 октября 2011 г., оставить без изменения, апелляционную жалобу — без удовлетворения [8].

В настоящее время большое количество граждан обращаются в суды различных уровней для приведения того или иного приговора в соответствие с действующим законодательством, либо об исключениях из приговоров той или иной судимости. Так, например, гражданин А. И. Шишкин обвинялся в совершении 23 марта 2012 года преступлений, предусмотренных частью первой статьи 139, пунктом «а» части третьей статьи 132, а также частью третьей статьи 30 и пунктом «а» части третьей статьи 131 УК Российской Федерации. В ходе рассмотрения краевым судом его уголовного дела вступил в силу Федеральный закон от 23 июля 2013 года N 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства», который отнес к компетенции верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, автономной области и автономного округа дела о преступлениях, предусмотренных

частями четвертой и пятой статьи 131, частями четвертой и пятой статьи 132 УК Российской Федерации. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации А. И. Шишкин просит признать противоречащей статьям 47 (часть 1), 50 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации часть третью статьи 31 «Подсудность уголовных дел» УПК Российской Федерации (в редакции, действовавшей до принятия Федерального закона от 23 июля 2013 года N 217-ФЗ), утверждая, что она позволила краевому суду оставить в своем производстве и не передать в районный суд для рассмотрения по существу его уголовное дело, подсудность которого была изменена федеральным законом, вступившим в силу в ходе рассмотрения дела. Оспариваемое А. И. Шишкиным законоположение не может расцениваться как нарушающее его конституционные права в обозначенном им аспекте, а потому его жалоба, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению. На основании вышеизложенного Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шишкина Андрея Ивановича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой [9].

Значительные трудности имеются при квалификации и разграничении ч. 3 ст. 139 УК РФ, которая предусматривает ответственность за незаконное проникновение к жилища, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, и целый ряд смежных преступлений.

Подводя итог вышесказанному, приходим к следующему: трактование понятия «жилища» содержится в примечании 1 к ст. 139 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также аналогичное содержится в п. 10 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а Жилищный кодекс РФ в свою очередь говорит о «жилище», как о собирательном понятии, в которое входит «жилое помещение» и «жилищный фонд». При анализе судебной практики приходим к тому, что необходимо внести существенные изменения в положения ст. 139 УК РФ, а именно исключить данный состав из числа самостоятельных, поскольку незаконное проникновение в жилище является квалифицирующим признаком в ряд самостоятельных составов преступлений Особенной части УК РФ, например, дополнить ст. 158 УК РФ, ст. 161 УК РФ и другие.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках в Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 21.07.2014 № 4-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31, Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.07.2016) // Российская газета. 2016. № 150.

3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Российская газета, 2016. № 149.
4. цит. по: Содержание понятия «жилище» в практике Европейского суда по правам человека (Зарубежная практика конституционного контроля. Вып. 89, подготовленный Управлением международных связей, изучения и обобщения зарубежной практики конституционного контроля Конституционного Суда РФ. 2005. // [WWW-документ] URL: <http://zhkrf.ru/3> (дата обращения 14.09.2016)
5. Новиков В. А. Дискуссионные аспекты определения границ видового объекта преступлений, предусмотренных главой 19 УК РФ // Журнал российского права. 2016. № 4. с. 101–108.
6. Баринов С. В. Основные этапы развития отечественного уголовного законодательства о защите неприкосновенности частной жизни // История государства и права. 2014. № 21. с. 48–53.
7. Щербич Л. А. История развития противодействия преступлениям, посягающим на конституционные права и свободы человека и гражданина в России // История государства и права. 2007. № 10. с. 25.
8. Апелляционное постановление Абаканского городского суда от 24.01.2014 на приговор мирового судьи судебного участка № 1 Аскизского района РХ от 27.10.2011 года // Архив Абаканского городского суда РХ. — 2014.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 N 2745-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шишкина Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Формы участия конституционных судов зарубежных стран в реализации конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц публичной власти: сравнительно-правовое исследование

Никитина Анна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Хабаровский государственный университет экономики и права

На основе сравнительно-правового анализа конституционного законодательства зарубежных стран в статье определены основные формы участия конституционных судов в процессе применения конституционно-правовой ответственности к органам и должностным лицам публичной власти.

Ключевые слова: конституционный суд, конституционно-правовая ответственность, отрешение от должности, орган государственной власти, должностное лицо

Участие конституционного суда в качестве арбитра в разрешении споров о конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц публичной власти является весьма распространенным полномочием зарубежных судебных органов конституционного контроля. Сравнительно-правовое исследование зарубежных конституций и законов о конституционных судах, практики зарубежных конституционных судов демонстрирует довольно активную включенность судебных органов конституционного контроля в применение конституционно-правовой ответственности, в отличие от Российской Федерации, где суды не только лишены права применять такие меры, но и зачастую не участвуют ни в установлении фактов совершения конституционных правонарушений [1], ни в последующем судебном контроле за применением мер конституционного принуждения [2], что, безусловно, обедняет роль суда в качестве особого механизма, призванного разрешать любые юридические конфликты, возникающие в государстве. Обращение к зарубежному опыту позволит увидеть неиспользуемые в российском законодательстве и практике возможности по усилению роли судов

в механизме разделения властей путем их включения в процесс конституционно-правовой ответственности.

Формы и процедуры участия конституционных судов в привлечении к конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц, а также субъекты конституционно-правовой ответственности за рубежом характеризуются существенными отличиями. Однако, сравнительно-правовой анализ иностранного законодательства позволил выявить основные формы такого участия.

1. Непосредственное отрешение конституционным судом от должности главы государства, иных выборных и назначаемых должностных лиц.

Широко распространенным полномочием конституционных судов является отрешение от должности главы государства (импичмент). Таким полномочием обладают конституционные суды: Албании (ст. 90, пп. «f» ст. 131 Конституции Республики Албания), Болгарии (ч. 3 ст. 103, п. 8 ч. 1 ст. 149 Конституции Республики Болгария), Венгрии (ч. 6 ст. 13 Конституции Венгрии), Федеративной Республики Германия (ч. 2 ст. 61 Основного закона

ФРГ), Македонии (ст. 87, 110 Конституции Республики Македония), Словении (ст. 109 Конституции Республики Словения), Хорватии (ст. 105 и 129 Конституции Республики Хорватия), Словацкой (ч. 5 ст. 129 Конституции Словацкой Республики), Чешской (ч. 2 ст. 66 Конституции Чешской Республики) республик и ряда других стран.

Во всех этих странах механизм импичмента главы государства является довольно схожим и выглядит так: инициатива об импичменте принадлежит парламенту, который реализует ее в усложненном порядке, принимая решения по предложению группы депутатов квалифицированным большинством голосов. В большинстве государств принятие парламентом решения об инициативе отрешения главы государства от должности приостанавливает полномочия последнего. Например, ч. 4 ст. 13 Конституции Венгрии устанавливает, что с прохождения парламентской резолюции до завершения процесса импичмента, президент Республики не может выполнять президентские обязанности. Нормы Основного закона Федеративной Республики Германии не так строги — согласно ч. 2 ст. 61 после возбуждения обвинения Конституционный Суд ФРГ может временным распоряжением постановить, что Федеральный президент не может выполнять свои должностные функции. Отрешение главы государства осуществляется конституционным судом, который: во-первых, наделен полномочием определять наличие основания для отрешения от должности, а, во-вторых, строго следит за соблюдением процедуры реализации инициативы импичмента. Решение конституционного суда прекращает полномочия главы государства.

Существенные различия состоят в основаниях отрешения — ими являются серьезное конституционное правонарушение и (или) совершение уголовно-наказуемого деяния (чаще — против государственного строя, конституционного правопорядка). Зарубежные конституции называют в качестве оснований отрешения главы государства от должности: нарушение Конституции (Республика Хорватия); серьезное нарушение Конституции или совершение тяжкого преступления (Республика Албания); нарушение Конституции и закона (Республика Македония); умышленное нарушение Основного закона или иного федерального закона (Федеративная Республика Германия); умышленное нарушение Конституции или измена Родине (Словацкая Республика); нарушение Конституции или тяжкое нарушение закона при осуществлении полномочий (Республика Словения); государственная измена, грубое нарушение Конституции или иного сегмента конституционного порядка (Чешская Республика); нарушение Конституции или любого другого закона, намеренное совершение преступления при исполнении президентских обязанностей (Венгрия).

Судопроизводство в конституционном суде по данной категории дел характеризуется особой сложностью и существенно отличается в различных странах. Спецификой обладает, например, производство в Конституционном Суде

Словацкой Республики. В процессе принятия решения Конституционный суд квалифицирует деяние на основании Уголовного кодекса, а судебное разбирательство осуществляется на основании Уголовного процессуального кодекса. Суд принимает решение в форме приговора. Если Конституционный Суд признает Президента Республики виновным в совершении государственной измены, он снимает его с должности (§ 74 Закона Словацкой Республики об организации Конституционного Суда, конституционном судопроизводстве в Конституционном Суде и статусе судей» [3]). Таким образом, Конституционный Суд Словацкой Республики в отношении главы государства наделен функцией «уголовного суда».

В ряде зарубежных стран конституционные суды наделены полномочием по отрешению от должности не только главы государства, но и иных должностных лиц, как избранных непосредственно народом, так и назначенных главой государства, парламентом или иными конституционными органами. Например, Конституционный Суд Болгарии осуществляет процедуру импичмента в отношении и Президента, и вице-президента в случае выдвижения обвинения Народным Собранием (ч. 3 ст. 103, п. 8 ч. 1 ст. 149 Конституции Республики Болгария). Конституционный Суд Республики Словения наделен полномочием решать вопрос об отрешении от должности Председателя правительства и министров. Дело возбуждается Государственным Собранием в случае нарушения этими должностными лицами при осуществлении своих функций Конституции или тяжкого нарушения законов (ст. 119 Конституции Республики Словения). Если Конституционный Суд устанавливает нарушение Конституции или закона, он отправляет данных должностных лиц в отставку (ст. 109 Конституции Республики Словения). Государственный Суд Лихтенштейна выступает в качестве дисциплинарного суда по делам о членах Правительства (ст. 104 Конституции Княжества Лихтенштейна). Право возбудить дело об импичменте принадлежит Ландтагу. Основанием для отрешения от должности является нарушение Конституции и других законов. В случае признания лица виновным в нарушении Государственный суд отрешает его от должности (ст. 28–34 Закона о Государственном Суде Лихтенштейна [4]). Согласно ч. 2 ст. 98 Основного закона ФРГ Федеральный конституционный суд может по ходатайству Бундестага распорядиться о переводе судьи на другую должность, об уходе судьи в отставку либо принять решение о его увольнении, если федеральный судья при исполнении своих обязанностей или вне службы нарушит принципы Основного закона или посягнет на конституционный строй какой-либо земли.

Важным представляется участие конституционных судов в рассмотрении споров, связанных с утратой депутатского мандата. В большинстве государств правом досрочного прекращения полномочий депутата в случае утраты пассивного избирательного права, совершении действий и занятия деятельностью, несовместимой с депутатским мандатом

наделен парламент. Однако в некоторых странах лишение депутатского мандата осуществляется именно конституционным судом. Так, например, Конституционный Суд Болгарии обладает правом установления неправомерности избрания или несовместимости осуществляемых депутатом Народного собрания функций с другой деятельностью (п. 9 ст. 12 Акта о Конституционном Суде Болгарии от 16 августа 1991 г. [5]). Решение Конституционного Суда прекращает полномочия народного представителя (ч. 2 ст. 72 Конституции). К компетенции Конституционного Суда Чешской Республики отнесено принятия решения при возникновении споров о прекращении мандата депутата (или сенатора) в связи с утратой избирательного права или возникновением несовместимости функций депутата или сенатора в соответствии со ст. 22 Конституции (ст. 22, 25, 87 Конституции Чешской Республики, § 92 Акта о Конституционном Суде Чешской Республики). Ходатайство с просьбой об определении того, является ли депутат или сенатор утратившим мандат может быть подано: а) депутатом или сенатором, чье место находится под вопросом; б) Председателем Палаты депутатов, если ходатайство касается депутата, или Председателем Сената, если оно касается сенатора; в) группой не менее 20 депутатов, если ходатайство касается депутата или группой не менее 10 сенаторов, если оно касается сенатора. В результате рассмотрения дела судом может быть принято решение об утрате депутатом или сенатором своего мандата [6].

Судебное применение конституционно-правовой ответственности является важнейшей гарантией от необоснованного лишения полномочий должностных лиц государства, обладающих конституционно-установленной компетенцией. Представляется, что именно такая форма участия конституционного суда в процессе применения конституционной ответственности повышает его роль в механизме разделения властей, а деятельность должностных лиц государства делает подчиненной конституции и закону.

2. Установление (подтверждение) оснований для применения конституционно-правовой ответственности.

Второй, не менее распространенной, формой участия конституционных судов в реализации конституционно-правовой ответственности, является установление ими фактов совершения деяния, являющегося основанием ответственности в виде отрешения от должности, без применения санкции конституционно-правовой ответственности. И здесь, как и в предыдущем случае, зачастую такое участие касается установления оснований для отрешения от должности главы государства. Санкцию конституционно-правовой ответственности в виде отрешения от должности применяет парламент.

Конституционный Суд Республики Армения дает заключение о наличии основания для отрешения от должности Президента Республики (п. 5 ст. 100 Конституции Республики Армения). Поскольку в соответствии со ст. 57

Конституции Республики Армения Президент может быть отрешен от должности за государственную измену или иное тяжкое преступление, Конституционный Суд наделен полномочием устанавливать именно факт совершения Президентом такого преступления. В заключении, которое дает Конституционный Суд, должны быть указаны: 1) те решения, действия или бездействие Президента Республики, которые содержат в себе признаки тяжкого преступления и четкую квалификацию этого преступления; 2) доказательства, подтверждающие вину Президента Республики во вменяемых ему деяниях, и обоснованную позицию Суда относительно их исследования (ч. 16 ст. 76 Закона Республики Армения «О Конституционном Суде Республики Армения» [7]). Статья 95 Конституции Румынии определяет, что в случае, если Президент Румынии совершил тяжкое преступление, в нарушение Конституции, он может быть отстранен от должности решением Палаты депутатов и Сената на совместном заседании большинством голосов депутатов и сенаторов после получения консультативного заключения Конституционного Суда. Согласно ст. 118 Конституции Республики Сербия Президент Республики должен быть отстранен от должности за нарушение Конституции, по решению Национальной Ассамблеи, одобренному большинством не менее, чем в две трети голосов депутатов. Процедура отстранения от должности может быть инициирована Национальной Ассамблеей по предложению, выдвинутому не менее, чем двумя третями депутатов. Решение о нарушении Конституции по инициированной процедуре отстранения принимается Конституционным Судом.

Необходимо отметить, что отрешение главы государства в такой процедуре имеет более политизированный характер, чем отрешение непосредственно конституционным судом. Голосование депутатов парламента непредсказуемо с юридической точки зрения; даже при наличии подтвержденного конституционным судом факта совершения преступления, глава государства может избежать ответственности. Тогда как отрешение главы государства судебным органом носит исключительно юридический характер; принятие решения об импичменте всегда обусловлено строгой юридической процедурой и, в частности, доказанностью факта совершенного правонарушения.

Законодательство некоторых зарубежных стран наделяет конституционные суды полномочием по установлению фактов совершения конституционно-правовых деликтов довольно широкого круга органов и должностных лиц. Конституционный Суд Грузии устанавливает нарушение Конституции Грузии Президентом Грузии, председателем Верховного Суда Грузии, членом Правительства Грузии, Председателем Палаты контроля Грузии и членами Совета Национального банка Грузии (ст. 19 Органического закона Грузии о Конституционном Суде Грузии от 31 января 1996 г.). Правом возбуждения вопроса об импичменте во всех этих случаях обладает парламент; он же

и отстраняет от должности указанных лиц в случае получения положительного заключения Конституционного Суда (ст. 63, 64 Конституции Грузии). Статья 8 Закона о Конституционном Суде Монголии относит к компетенции Конституционного Суда Монголии рассмотрение споров, связанных с нарушением Конституции Президентом, Председателем и членами Верховного Государственного Хурала, Премьер-министром и членами Правительства, Главным Судьей Верховного Суда и Генеральным Прокурором, а также решение вопроса о наличии юридических оснований для импичмента Президента, Председателя (спикера) Великого Государственного Хурала, премьер-министра, и для отзыва членов Великого Государственного Хурала [9]. Соответствующие выводы представляются Государственному Хуралу, который и уполномочен принимать окончательное решение об ответственности. Конституционный Суд Албании участвует в установлении факта нарушения депутатом Кувенда (парламента) запрета возглавлять прибыльную деятельность, которая создается за счет средств государства или местной власти, или обогащаться за их счет (п. 3 ст. 70 Конституции Республики Албания), а также в подтверждении фактов нарушения судьей Верховного Суда конституции, выразившегося в совершении преступления или поступков, серьезно дискредитирующих положение и личность судьи (ст. 140 Конституции Республики Албания). Дела о правомочности Президента и о несовместимости его функций с другой деятельностью также находятся в компетенции Конституционного Суда Албании (п. «g» ст. 131 Конституции Республики Албания; ст. 64 Закона Республики Албания «Об организации и деятельности Конституционного Суда Республики Албания» [10]). Конституционный Суд Молдовы наделен полномочием констатировать обстоятельства, оправдывающие роспуск Парламента и временное отстранение от должности Президента Республики Молдова (п. «f» ч. 1 ст. 4 Кодекса конституционной юрисдикции Республики Молдова). В первом случае право обращения в Конституционный суд принадлежит Президенту, а во втором — Парламенту (ст. 38 Кодекса конституционной юрисдикции Республики Молдова [11]).

Конституционный Суд Республики Беларусь по предложению Президента дает заключение о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами Парламента Конституции Республики Беларусь (ст. 116 Конституции Республики Беларусь), что является основанием для досрочного прекращения их полномочий (ст. 94 Конституции Республики Беларусь). При этом в отрешении от должности главы государства Конституционный Суд Республики Беларусь не участвует (ст. 88, 116 Конституции Республики Беларусь). Согласно ст. 105 Конституции Литовской Республики Конституционный Суд по просьбе Сейма представляет заключения относительно того, противоречат ли Конституции конкретные действия членов

Сейма и государственных лиц, в отношении которых возбуждено дело об импичменте.

В некоторых, довольно редких случаях, конституционные суды участвуют и в конституционно-правовой ответственности региональных и муниципальных органов власти. Конституционный Суд Армении дает заключение об основаниях отрешения от должности руководителя муниципалитета по обращению Правительства Республики Армения (ст. 100, 101 Конституции Республики Армения). Конституционный Суд Венгрии дает обязательное заключение при роспуске муниципальных представительных органов в случае нарушения ими Конституции (раздел 34 Акта Венгрии о Конституционном Суде 2011 г. [12]). Конституционный Суд Республики Беларусь наделен полномочием по установлению фактов систематического или грубого нарушения местными Советами депутатов требований законодательства, что может явиться основанием для его роспуска Национальным Собранием Республики Беларусь (ст. 3, 85 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» [13]).

3. Заключение о соблюдении процедуры в ходе импичмента должностного лица является мало распространенной формой участия конституционного суда в конституционно-правовой ответственности, однако требует упоминания, поскольку таким полномочием обладает Конституционный Суд Российской Федерации. Конституционный Совет Казахстана участвует в процедуре отрешения Президента от должности посредством дачи заключения о соблюдении установленных конституционных процедур (ч. 2 ст. 47 Конституции Республики Казахстан). Согласно ст. 151 Конституции Украины по обращению Верховной Рады Украины Конституционный Суд Украины дает заключение о соблюдении конституционной процедуры расследования и рассмотрения дела о смещении Президента Украины с поста в порядке импичмента.

4. Проверка конституционности (или законности) решений о применении конституционно-правовой ответственности — полномочие конституционных судов, демонстрирующее возможность осуществления ими последующего контроля за применением мер конституционно-правовой ответственности.

Наиболее распространен такой контроль в отношении актов парламента об утрате депутатского мандата. Согласно ст. 54 Конституции Грузии вопрос о признании или досрочном прекращении полномочий члена Парламента решает Парламент. Это решение может быть обжаловано в Конституционном Суде (ст. 19, 40 Органического закона Грузии о Конституционном Суде Грузии от 31 января 1996 г.). Действуя на основании ст. 41 Основного закона Федеративной Республики Германии Бундестаг решает вопрос об утрате депутатом членства в Бундестаге. Жалобы на решения Бундестага

относительно потери места в Бундестаге, могут быть поданы в Федеральный Конституционный Суд физическим лицом или группой лиц, которые имеют право голоса и чьи возражения Бундестаг отклонил, парламентской группы или меньшинства в Бундестаге, если это меньшинство содержит, по меньшей мере, 1/10 от установленного законом числа представителей. Конституционный Суд Португальской Республики по требованию депутатов рассматривает дела об утрате мандата в Ассамблее Республики и в областных законодательных ассамблеях (ст. 223 Конституции Португальской Республики). Процедура предполагает оспаривание решения Ассамблеи Республики или областной законодательной ассамблеи об утрате мандата на том основании, что оно нарушает Конституцию, закон или правила процедуры. Субъектами-заявителями по данной категории дел могут быть: депутат, утративший место в парламенте, парламентская фракция, по крайней мере, 10 членов соответствующего парламента (ст. 91-А, 91-В Закона о Конституционном Суде Португальской Республики [14]). Согласно п. «f» ч. 1 ст. 3 и ст. 54 Кодекса Турецкой Республики об учреждении и правилах процедуры Конституционного Суда к компетенции последнего отнесено рассмотрение жалоб на решения Великого Национального Собрания Турции о лишении депутатского иммунитета членов парламента или лишении статуса члена парламента в связи с нарушением положений Конституции, кодекса или регламента Великого Национального Собрания Турции [15].

В некоторых странах обжалованию в Конституционном Суде подлежат решения о конституционно-правовой ответственности иных должностных лиц. К компетенции Конституционного Суда Албании отнесены дела о проверке конституционности решений Народного Собрания об освобождении от должности Президента Республики (ч. 3 ст. 90 Конституции), судей Верховного Суда (ст. 140 Конституции), глав муниципалитетов и муниципальных образований (ст. 115 Конституции). В Конституционном Суде Сербии могут быть обжалованы решения Высшего Судебного Совета о прекращении полномочий судей, а также решения о прекращении полномочий прокуроров и заместителей прокуроров (ст. 167 Конституции Республики Сербия, ст. 45 Закона Республики Сербия «О Конституционном Суде» [16]). Согласно ст. 97, 98 Конституционного акта Хорватии «О Конституционном Суде» Конституционный Суд Хорватии рассматривает апелляции, поданные судьями против решений Национального Судебного Совета о смещении с должности и дисциплинарной ответственности. Решение Конституционного Суда о принятии апелляции должно отменять оспариваемое решение, и вопрос должен возвращаться в Национальный Судебный Совет для возобновления разбирательства.

При этом Национальный Судебный Совет должен принять другое решение вместо отмененного, основываясь на правовом мнении Конституционного Суда о нарушении конституционных прав подателя апелляции, выраженное в отменяющем решении [17].

Общепризнанно, что в демократическом правовом государстве суд является универсальным механизмом по разрешению любых юридических конфликтов. Особое место судов в системе органов, занятых преодолением конфликтов, объясняется устойчивостью судебной системы, строгостью процессуальной формы, гарантиями объективного рассмотрения дел, обеспечения конституционности и законности и пр. Законодательство и практика зарубежных государств показывает, что конституционные суды, как самостоятельные и независимые органы государственной власти, занимающие особое место в системе разделения властей, наделены важной ролью в реализации конституционно-правовой ответственности. Во-первых, они выступают в качестве основной инстанции, осуществляющей квалификацию деяния в качестве правонарушения. Во-вторых, могут непосредственно применять меры (санкции) конституционно-правовой ответственности. И, в-третьих, законодательством предусмотрено осуществление функции последующего судебного контроля за применением ответственности в целях защиты прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений. Применение мер конституционно-правовой ответственности непосредственно конституционными судами, а также их участие в осуществлении последующего конституционного контроля наделяет конституционную ответственность качеством юридической ответственности, снижает ее политизированность.

К сожалению, подобными полномочиями Конституционный Суд Российской Федерации не обладает, что справедливо критикуется учеными. Зачастую в Российской Федерации конституционная ответственность характеризуется как политическая, а не юридическая. В большей степени этому способствует исключение судов и, прежде всего, Конституционного Суда из процесса ее применения. Стоит согласиться с С. А. Авакьяном, что «в интересах защиты высших должностных лиц государства от необоснованных обвинений и смещения с должности следовало бы подумать о перенятии опыта тех стран, которые отдают в ведение конституционных судов вопросы государственно-правовой ответственности ... в отношении президентов, депутатов парламента, членов правительств и высших судов государства» [18]. По-нашему мнению, это способствовало бы и усилению роли российского Конституционного Суда в системе разделения властей, повышению его авторитета как особого судебного органа.

Литература:

1. Никитина А. В. Судебное установление фактов, имеющих значение для применения конституционно-правовой ответственности // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 6. — С. 104–111.
2. Никитина А. В. К вопросу о роли суда в реализации конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц публичной власти в Российской Федерации // Право: современные тенденции: материалы III междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). — Краснодар: Новация, 2016. — С. 27–30.
3. On the Organisation of the Constitutional Court of the Slovak Republic, on the Proceedings before the Constitutional Court and the status of its Judges: Act of the National Council of the Slovak Republic of January 20, 1993 // URL: https://www.ustavnysud.sk/documents/10182/992132/a_38_1993.pdf/8cb54500-9cc7-4b5c-8d98-ba3b7bc41d95 (дата последнего обращения — 23 сентября 2016 г.).
4. Gesetz vom 27 November 2003 über den Staatsgerichtshof (StGHG) // URL: <http://www.stgh.li/default.asp> (дата последнего обращения — 16 сентября 2016 г.).
5. Constitutional Court Act of 16 August 1991 // URL: <http://constcourt.bg/en/legislation> (дата последнего обращения — 16 сентября 2016 г.).
6. Constitutional Court Act of 16 June 1993 // URL: http://www.usoud.cz/fileadmin/user_upload/ustavni_soud_www/Pravni_uprava/AJ/Constitutional_court_act_182_1993.pdf (дата последнего обращения — 28 сентября 2016 г.).
7. О Конституционном Суде: Закон Республики Армения от 1 июня 2006 г. // URL: <http://www.concourt.am/russian/constitutions/index.htm> (дата последнего обращения — 16 сентября 2016 г.).
8. Organic Law of Georgia on the Constitutional Court of Georgia of 31 January 1996 // URL: <http://constcourt.ge/en/court/legislation/law.page> (дата последнего обращения — 15 сентября 2016 г.).
9. The Law of Mongolia on the Constitutional Court (Tsets) of 8 May 1992 // URL: <http://conscourt.gov.mn> (дата последнего обращения — 16 сентября 2016 г.).
10. On the organization and functioning of the Constitutional Court of the Republic of Albania of 10 February 2000 № 8577 // URL: http://www.gjk.gov.al/web/Legal_Base_of_the_Constitutional_Court_98_2.php (дата последнего обращения — 16 сентября 2016 г.).
11. Кодекс конституционной юрисдикции Республики Молдова № 502-XIII от 16 июня 1995 г. // URL: <http://www.constcourt.md/public/files/file/Baza%20legala/CodJC.rus.pdf> (дата последнего обращения — 19 сентября 2016 г.).
12. Act CLI of 2011 On the Constitutional Court // URL: <http://hunconcourt.hu/rules/act-on-the-cc> (дата последнего обращения — 16 сентября 2016 г.).
13. О конституционном судопроизводстве: Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З // URL: <http://www.kc.gov.by/main.aspx?guid=21735> (дата последнего обращения — 28 сентября 2016 г.).
14. Constitutional Court Law no. 28/82, of 15 November // URL: <http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/en/tclaw.html> (дата последнего обращения — 28 сентября 2016 г.).
15. Code on Establishment and Rules of Procedure of the Constitutional Court № 6216 of 30 March 2011 // URL: <http://www.constitutionalcourt.gov.tr/inlinepages/legislation/LawOnConstitutionalCourt.html> (дата последнего обращения — 25 сентября 2016 г.).
16. Law on the Constitutional Court of 2007 // URL: <http://www.ustavni.sud.rs/page/view/en-GB/237-100030/law-on-the-constitutional-court> (дата последнего обращения — 23 сентября 2016 г.).
17. The Constitutional Act on the Constitutional Court of the Republic of Croatia, consolidated text of 2002 // URL: http://www.usud.hr/sites/default/files/dokumenti/The_Constitutional_Act_on_the_Constitutional_Court_of_the_Republic_of_Croatia_consolidated_text_Official_Gazette_No_49-02.pdf (дата последнего обращения — 28 сентября 2016 г.).
18. Авакьян С. А. Проблемы теории и практики конституционного контроля и правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 1995. — № 4. — С. 14–27.

К вопросу о правовых основаниях ограничения права на публичное судебное разбирательство в конституционных (уставных) судах субъектов РФ

Петришин Алексей Петрович, аспирант

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье критикуются положения законов субъектов Российской Федерации, устанавливающие основания ограничения права на публичное судебное разбирательство в конституционных (уставных) судах субъектов РФ, предлагаются варианты законодательного решения данной проблемы.

Ключевые слова: гласность правосудия, открытое судебное разбирательство, право на публичное судебное разбирательство, конституционные (уставные) суды

Гласность правосудия — важнейший конституционный принцип его осуществления, при котором законодательство и правоприменительная практика гарантируют, с одной стороны, сторонам спора, юридического конфликта право на публичное судебное разбирательство дела в целях максимально эффективной и справедливой защиты их прав и законных интересов, с другой стороны, обществу, в лице каждого и представителей средств массовой информации, возможность наблюдать за открытым для него процессом функционирования правосудия, осуществлять общественный контроль за отправлением правосудия, его качеством и результатами, беспрепятственно получать исчерпывающую (в рамках, установленных законом) информацию о ходе и результатах судебного разбирательства.

Как известно, любое конституционное право может быть ограничено только федеральным законом и только в конституционно-значимых целях (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Применительно к праву на публичное судебное разбирательство гарантии этого установлены также в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, в соответствии с положениями которой слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Статус конституционных (уставных) судов субъектов РФ, основываясь на положениях ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», регулируется сегодня законами субъектов Российской Федерации. При этом законодательством охватываются не только компетенция и статус судей этих судов, но и правила и процедуры конституционного судопроизводства, включая принципы его осуществления. В отсутствие базового федерального закона, определяющего принципы осуществления конституционного судопроизводства в субъектах Российской Федерации, а также норм конституционного права, в общем виде устанавливающих основания для ограничения принципа гласности правосудия во всех видах судопроизводств, региональному законодателю приходится самостоятельно устанавливать случаи проведения закрытых судебных разбирательств в конституционных (уставных) судах субъектов РФ, что, по сути, является нарушением конституционных положений.

В частности, во многих законах о конституционных (уставных) судах субъектов РФ указывается на то,

что проведение закрытых заседаний конституционного (уставного) суда допускается лишь в случаях, предусмотренных законом соответствующего субъекта РФ (например, ст. 31, 54 Закона Республики Адыгея «О Конституционном Суде Республики Адыгея» [1]; ст. 29, 51 Конституционного закона Республики Ингушетия «О Конституционном Суде Республики Ингушетия» [2]; ст. 16, 38 Закона Кабардино-Балкарской Республики «О Конституционном Суде Кабардино-Балкарской Республики» [3]; ст. 39 и 64 Конституционного закона Республики Саха (Якутия) «О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве» [4]; ст. 16, 37 Закона Республики Северная Осетия-Алания «О Конституционном Суде Республики Северная Осетия-Алания» [5]; ст. 42, 71 Закона Иркутской области «Об Уставном Суде Иркутской области» [6] и законах других субъектов РФ).

Следуя содержанию ст. 55 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ», который использовался в качестве модели при принятии региональных законов, законодатели субъектов РФ определили аналогичные случаи проведения закрытых заседаний в конституционных (уставных) судах: закрытые заседания назначаются в случаях, когда это необходимо для защиты охраняемой законом тайны, обеспечения безопасности граждан, защиты общественной нравственности.

Стремление соответствовать федеральному законодательству, но при этом учесть и региональные особенности, приводит весьма к парадоксальным примерам. Норму, противоречащую конституционным положениям, и приводящую к внутренней коллизии, содержит Закон Республики Коми «О Конституционном Суде Республики Коми». Согласно ст. 27 данного закона рассмотрение дел в заседаниях Конституционного Суда Республики Коми проводится открыто. Закрытые заседания допускаются лишь в случаях, предусмотренных федеральным законом. Однако, ст. 49 содержит уже другое положение: «заседания Конституционного Суда Республики Коми проходят открыто, за исключением случаев, предусмотренных настоящим законом». При этом статья 50 содержит указание на случаи, когда назначается закрытое судебное заседание [7].

Справедливости ради необходимо отметить, что ряд региональных законов содержит и соответствующие

Конституции РФ нормы. Например, согласно ст. 33 и 58 Закона Республики Башкортостан «О Конституционном Суде Республики Башкортостан» рассмотрение дел на заседаниях Конституционного Суда Республики Башкортостан проводится открыто. Проведение закрытых заседаний допускается лишь в случаях, предусмотренных федеральным законом [8]. Аналогичные нормы содержатся в ст. 29 Закона Республики Карелия «О Конституционном Суде Республики Карелия» [9], ст. 29 и 51 Закона Республики Марий Эл «О Конституционном Суде Республики Марий Эл» [10]. Проведение закрытых заседаний в Конституционном Суде Республики Дагестан, Конституционном Суде Карачаево-Черкесской Республики допускается лишь в случаях, «предусмотренных законодательством Российской Федерации» (ст. 8 Закона Республики Дагестан «О Конституционном Суде Республики Дагестан» [11]; ст. 9 Закона Карачаево-Черкесской Республики «О Конституционном Суде Карачаево-Черкесской Республики» [12]). Правда, стоит отметить, что ни один федеральный закон не устанавливает случаи проведения закрытого судебного заседания в конституционных (уставных) субъектах РФ.

Закон Республики Татарстан «О Конституционном Суде Республики Татарстан» вовсе не содержит изъятий из принципа гласности. Согласно ст. 32 рассмотрение дел в заседаниях Конституционного суда Республики Татарстан проводится открыто. Решения Конституционного суда Республики Татарстан провозглашаются публично. Иных статей, посвященных открытому или закрытому судебному разбирательству в указанном законе нет [13].

Законы Санкт-Петербурга и Свердловской области об уставных судах ссылаются на федеральное законодательство, как на правовое основание, устанавливающее случаи проведения закрытых процессов. Однако, нормы этих законов содержат дополнительные ограничения как права на публичное судебное разбирательство, так и права присутствовать в судебном заседании. Согласно ч. 3 ст. 10 Закона Санкт-Петербурга «Об Уставном Суде Санкт-Петербурга» [14] и аналогичной по содержанию ч. 4 ст. 12 Областного закона Свердловской области «Об Уставном Суде Свердловской области» [15] звукозапись, наряду с видео-, кино- и фотосъемкой, трансляцией судебных заседаний допускается не свободно, а лишь с разрешения председательствующего в судебном заседании. Звукозапись представляет собой аналог аудиозаписи, которая, в соответствии с российским процессуальным законодательством, является свободной, осуществляемой без разрешения председательствующего, во всех видах судебных процессов. В части 2 ст. 12 Закона Свердловской области также определено, что в зал судебного заседания не допускаются лица до четырнадцати лет.

Безусловно, в некоторых случаях рассмотрение дел в закрытых заседаниях региональных конституционных (уставных) судов является необходимым, однако, установление законом субъекта РФ ограничений права

на публичное судебное разбирательство участников конституционного судопроизводства не допустимо. Это приводит автора к мысли о необходимости закрепления общих целей, в пределах которых ограничения рассматриваемого нами права могут быть зафиксированы в федеральном законе. Таким законом может стать Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», статья 9 которого сегодня лишь воспроизводит положения Конституции РФ.

Рассмотрение принципа гласности правосудия с точки зрения конституционно-правовой науки, через призму основного, общепризнанного права на публичное судебное разбирательство, делает необходимым регулирование в рамках названной статьи общих, конституционно значимых направлений, ориентиров, которых должен придерживаться законодатель, устанавливая (с учетом специфики того или иного вида судопроизводства) конкретные ограничения права на открытое, публичное разбирательство — в процессуальных законах. Что касается конституционных (уставных) судов субъектов РФ, положения этой статьи могли бы стать основанием для ограничения гласности при осуществлении регионального конституционного судопроизводства, исключая необходимость установления таких оснований в законах субъектов Российской Федерации.

Предлагаем следующую редакцию ст. 9 названного выше закона:

«1. Каждый имеет право на публичное судебное разбирательство своего дела, гарантированное тем, что такое разбирательство во всех судах является открытым, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом.

2. Каждый имеет право присутствовать в открытом судебном заседании с целью осуществления общественного контроля за правосудием. Представители средств массовой информации имеют право на свободный доступ на слушание дела в открытом судебном заседании без какой-либо дискриминации и без предварительной аккредитации.

3. Каждому обеспечивается право получать информацию об осуществлении правосудия и иные сведения о судебной власти в объеме, формах и из источников, предусмотренных федеральным законом. При отсутствии законно установленных ограничений в предоставлении данной информации, государство обязано ее предоставить любому заинтересованному в ней лицу.

4. Ограничения прав, предусмотренных частями 1—3 настоящей статьи, допускается только в целях обеспечения общественного порядка, безопасности государства, здоровья и безопасности граждан (в том числе участников судебного разбирательства, их родственников и близких), защиты интересов несовершеннолетних, недопущения разглашения сведений, составляющих охраняемую законом тайну, защиты нравственных ценностей, обеспечения неприкосновенности частной жизни, чести и достоинства личности, и по соответствующим этим целям основаниям, установленным федеральным законом.

5. В целях охраны тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан, их содержание может быть оглашено и исследовано судом в открытом судебном заседании только с согласия лиц, между которыми осуществлялись переписка, обмен почтовыми, телеграфными или иными сообщениями. Без согласия этих лиц их переписка, телефонные переговоры,

почтовые, телеграфные или иные сообщения оглашаются и исследуются в закрытом судебном заседании.

6. Принятые судебные акты оглашаются в судебном заседании публично. Ограничение объема оглашаемого судебного акта может быть установлено федеральным законом только в целях, указанных частью 4 настоящей статьи».

Литература:

1. О Конституционном Суде Республики Адыгея: Закон Республики Адыгея от 17 июня 1996 г. № 11 (в ред. Закона Республики Адыгея от 4 апреля 2013 г. № 173) // Ведомости Государственного Собрания — Хасэ Республики Адыгея. — 1996. — № 6.
2. О Конституционном Суде Республики Ингушетия: Конституционный закон Республики Ингушетия от 28 декабря 2001 г. № 10-РКЗ (в ред. Конституционного закона Республики Ингушетия от 30 ноября 2015 г. № 3-РКЗ) // Ингушетия. — 2002. — 16 января.
3. О Конституционном Суде Кабардино-Балкарской Республики: Закон Кабардино-Балкарской Республики от 12 декабря 1997 г. № 38-РЗ (в ред. Закона Кабардино-Балкарской Республики от 16 ноября 2015 г. № 49-РЗ) // Кабардино-Балкарская правда. — 1997. — 23 декабря, 25 декабря.
4. О Конституционном Суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве: Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2002 г. 16-з № 363-II (в ред. Конституционного закона Республики Саха (Якутия) от 14 марта 2016 г. 1571-3 № 701-V) // Якутские ведомости. — 2002. — 3 июля.
5. О Конституционном Суде Республики Северная Осетия-Алания: Закон Республики Северная Осетия-Алания от 15 июня 2001 г. № 17-РЗ (в ред. Закона Республики Северная Осетия-Алания от 14 июля 2011 г. № 3-РКЗ) // Северная Осетия. — 2001. — 5 июля.
6. Об Уставном Суде Иркутской области: Закон Иркутской области от 28 ноября 2014 г. № 135-ОЗ (в ред. Закона Иркутской области от 1 октября 2015 г. № 71-ОЗ) // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. — 2014. — № 17.
7. О Конституционном Суде Республики Коми: Закон Республики Коми от 31 октября 1994 г. № 7-РЗ (в ред. Закона Республики Коми от 22 июня 2015 г. № 43-РЗ) // Ведомости Верховного Совета Республики Коми. — 1994. — № 11. — Ст. 160.
8. О Конституционном Суде Республики Башкортостан: Закон Республики Башкортостан от 27 октября 1992 г. № ВС-13/7 (в ред. Закона Республики Башкортостан от 29 апреля 2014 г. № 81-з) // Ведомости Государственного Собрания — Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. — 2004. — № 3. — Ст. 91.
9. О Конституционном Суде Республики Карелия: Закон Республики Карелия от 7 июля 2004 г. № 790-ЗРК (в ред. Закона Республики Карелия от 4 апреля 2016 г. № 2006-ЗРК) // Собрание законодательства Республики Карелия. — 2004. — № 7.
10. О Конституционном суде Республики Марий Эл: Закон Республики Марий Эл от 11 марта 1997 г. № 14-З (в ред. Закона Республики Марий Эл от 23 октября 2013 г. № 37-З) // Марийская правда. — 1997. — № 51.
11. О Конституционном Суде Республики Дагестан: Закон Республики Дагестан от 2 февраля 2010 г. № 8 (в ред. Закона Республики Дагестан от 8 мая 2015 г. № 53) // Собрание законодательства Республики Дагестан. — 2010. — № 3. — Ст. 54.
12. О Конституционном Суде Карачаево-Черкесской Республики: Закон Карачаево-Черкесской Республики от 21 июня 2004 г. № 5-РЗ (в ред. Закона Карачаево-Черкесской Республики от 5 июля 2011 г. № 34-РЗ) // День республики. — 2004. — № 104–105.
13. О Конституционном суде Республики Татарстан: Закон Республики Татарстан от 22 декабря 1992 г. № 1708-XII (в ред. Закона Республики Татарстан от 26 марта 2016 г. № 12-ЗРТ) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. — 1998. — № 11. — Ст. 312.
14. Об Уставном суде Санкт-Петербурга: Закон Санкт-Петербурга от 5 июня 2000 г. № 241–21 (в ред. Закона Санкт-Петербурга от 23 апреля 2014 г. № 201–39) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. — 2000. — № 9.
15. Об Уставном Суде Свердловской области: Областной закон от 6 мая 1997 г. № 29-ОЗ (в ред. Областного закона Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 155-ОЗ) // Собрание законодательства Свердловской области. — 1997. — № 5. — Ст. 930.

Антитабачное законодательство и его социальная значимость

Тяпкина Галина Владимировна, студент;

Наруцкая Наталья Владимировна, кандидат юридических наук

Рязанский филиал Московской академии экономики и права

Проблема табачной зависимости признана международной, вследствие чего в 1987 году Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ) учредила 31 мая как Всемирный день без табака, что способствовало привлечению всемирного внимания к табачной эпидемии и ее смертельным последствиям. По данным ВОЗ именно от потребления табака умирает каждый десятый взрослый человек в мире. В одном из своих информационных бюллетеней ВОЗ приводит следующую ужасающую статистику: «ежегодно табак приводит почти к 6 миллионам случаев смерти, из которых более 5 миллионов случаев происходит среди потребителей и бывших потребителей табака, и более 600 000 — среди некурящих людей, подвергающихся воздействию вторичного табачного дыма. Если не будут приняты срочные меры, число ежегодных случаев смерти к 2030 году может превысить восемь миллионов» [1].

Осознание мирового сообщества всей опасности табачной зависимости привело к необходимости принятия Рамочной конвенции по борьбе ВОЗ против табака [2]. Российская Федерация присоединилась к указанной Конвенции в 2008 году [3] и на протяжении последних лет Россия проводит активную антитабачную политику, что привело к сокращению доли курящих граждан в России. Сегодня около 31 % граждан России подвержены табачной зависимости, в то время как в 2013 году эта доля составляла 41 %. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее — ВЦИОМ) не курят сегодня 69 % россиян, в том числе 57 % сообщают, что никогда не были подвержены этой вредной привычке. По результатам всероссийского опроса (объем выборки 1600 человек), проводимого ВЦИОМ 21–22 мая 2016 года, более четверти курильщиков (28 %), за последний год они снизили объемы потребления сигарет, и прежде всего это люди пенсионного возраста (41 %). Напротив, больше стали курить 16 % (в 2014 г. — 10 %). Выше эта доля среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга (21 %). Более половины (54 %) не изменили своих привычек, и курят также, как раньше [4].

Перспективе снижения доли курящего населения в России способствовало принятие «антитабачного» федерального закона № 15-ФЗ от 23.02.2013 г. «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [5]. Целью данного закона является охрана здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака, реализация принципов и мер, указанных в Рамочной конвенции по борьбе ВОЗ против табака.

В соответствии с положениями Рамочной конвенции по борьбе ВОЗ против табака и Федерального закона

от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ в России распространяются запреты и ограничения на продажу табачных изделий, вводятся ценовые и налоговые меры, направленные на сокращение спроса на табачные изделия, устанавливаются требования к упаковке и маркировке табачных изделий, вводится запрет рекламы и стимулирования продажи табака и т. д.

Также в противовес курению проводятся акции по ведению здорового образа жизни, поддерживаются и развиваются общественные и спортивные, молодежные программы, ведется просвещение населения и информирование его о вреде потребления табака и вредном воздействии окружающего табачного дыма.

Запрет курения в России действует на постепенное уменьшение количества мест, отведенных для курения, включая прямой запрет на курение на территории административных и общественных учреждений, на рабочих местах, в помещениях общего пользования многоквартирных домов и детских площадках. Касается он и средств общественного транспорта, предназначенного не только для городских маршрутов, но и поездов, судов дальнего следования.

Число граждан, курящих только в разрешенных законом местах в 2015–2016 гг. держится на уровне 56–55 %. При этом нарушителей «антитабачного закона» стало заметно меньше: с 42 % в 2014 г. до 33 % в 2016 г. [4]

Отводится в антитабачной российской компании и место медицинской и социальной помощи для тех, кто желает избавиться от никотиновой зависимости, бросить курить навсегда.

Кодекс РФ об административных правонарушениях предусматривает систему штрафов и санкций для нарушителей закона. Так, курение граждан в неотведенных для этого местах обойдется в сумму до трех тысяч рублей (ч. 2 ст. 6.24 КоАП предусматривает за нарушение установленного федеральным законом запрета курения табака на детских площадках административный штраф в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей). Продажа несовершеннолетнему табачной продукции или табачных изделий — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц — от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от ста тысяч до ста пятидесяти тысяч рублей (ч. 3 ст. 14.53 КоАП). Нарушение рекламодателем, рекламопроизводителем или рекламораспространителем запрета рекламы табака, табачной продукции, табачных изделий или курительных принадлежностей влечет наложение административного штрафа на юридических лиц до шестисот тысяч рублей (ч. 4 ст. 14.3.1 КоАП).

Обратим особое внимание, что борьба с курильщиками не является задачей поставленной перед государством и обществом. Наоборот, закон о запрете курения создаёт условия для улучшения медицинской помощи им. Борются с табачными компаниями, с продвижением табака, с тем, чтобы оградить людей, которые поневоле становятся пассивными курильщиками, и, конечно же, детей. В этом же направлении работают законодатели и в настоящее время.

Так, в рамках реализации Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [6], Правительством Российской Федерации намечена разработка и реализация Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2016–2020 годы [7], ожидаемым результатом которой является снижение распространенности потребления табака среди взрослого населения до 26 процентов в 2020 году.

Разработка и реализация Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2016–2020 годы входит в план мероприятий Концепции демографической политики России на период до 2025 г. Планом предусмотрен комплекс мер по упреждающему реагированию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране. Он включает 51 мероприятие, в том числе предусмотрены меры по повышению рождаемости, снижению предотвратимых причин смертности, сокращению материнской и младенческой смертности, улучшению репродуктивного здоровья. В план включены мероприятия по снижению смертности, формированию мотивации к здоровому образу жизни.

В мае 2016 года министр здравоохранения России Вероника Скворцова сделала ряд заявлений относительно деятельности вверенного ей министерства в области борьбы с табакокурением: «Министерство здравоохранения разработало концепцию осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2016–2020 годы и дальнейшую перспективу. Главной задачей, которую мы ставим перед собой, является обеспечение условий, при которых доступ к табачной продукции для нового поколения, то есть наших граждан, родившихся после 2015 года, на протяжении всей жизни будет невозможным» [8]. Планируется запрет продажи табака лицам до 21 года. Также Министерство здравоохранения предложило ввести в России обезличенные пачки сигарет для того, чтобы продукция табачных компаний визуально не различалась. В этом случае государство сможет бороться с привлекательностью сигарет, в том числе при помощи изменения внешнего вида табачной продукции.

В России могут запретить курение и в машине. Впрочем, этот запрет предлагают ввести в рамках проекта антитабачной концепции на 2016–2020 годы

опять же в тех случаях, когда в одном салоне с курящим находятся несовершеннолетние. Министерство здравоохранения предлагает также наложить вето на использование при производстве табачных изделий ароматизаторов, поскольку такой табак нередко привлекает несовершеннолетних. Именно в этом возрасте большинство курильщиков по статистике начинают курить, поэтому целый ряд мер в разработанном министерством проекте новой антитабачной концепции нацелен на защиту детей от табака и табачного дыма.

Представители законодательной ветви власти также предпринимают существенные шаги в направлении противодействия табачной зависимости у населения. 12 апреля 2016 года в Государственной Думе был зарегистрирован законопроект № 1043343–6, внесенный депутатом Д. Ю. Носовым. Проектом федерального закона предлагается дополнить статью 19 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» частью 9, установив, что розничная торговля табачной продукцией не допускается с 23.00 часов до 08.00 часов по местному времени, за исключением розничной продажи табачной продукции, осуществляемой магазинами беспроцентной торговли». [9]. В Пояснительной записке к законопроекту указано, что он (законопроект) направлен на совершенствование правоприменения Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» и формирование среды, которая будет подталкивать и мотивировать потребителей отказаться от табака, что положительно скажется на снижении количества заболеваний, связанных с его потреблением, снижении смертности и увеличению продолжительности жизни населения Российской Федерации.

Итак, в реализации «антитабачного» закона существует множество трудностей. Для многих курильщиков он так и остается устрашающим элементом. Вместе с тем, мы должны понимать, что запретительные меры являются недостаточным условием в борьбе с табачной зависимостью. Важно, чтобы в семье, в обществе, особенно в молодежной среде сформировалось отрицательное отношение к курению. В связи с этим, приобретает особую значимость деятельность общественных организаций, средств массовой информации, педагогических коллективов. Их социально-значимая работа, наряду с принятием предлагаемых поправок к «антитабачному» закону, при активном применении системы наказаний к нарушителям указанного закона, могут привести к результатам, которые ожидаются в рамках реализации Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [7] — увеличение численности населения до 147,5 млн человек к 2020 году, увеличение продолжительности жизни до 74 лет.

Литература:

1. Всемирная организация здравоохранения. Табак // Информационный бюллетень. Май 2015. № 339 [электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs339/ru/> (дата обращения: 20.06.2016).
2. Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака (Женева, 21 мая 2003 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 46. Ст. 5249.
3. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 51-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 17. Ст. 1758.
4. Курить или не курить: мониторинг [Электронный ресурс]: Всероссийский центр изучения общественного мнения // Пресс-выпуск № 3116 от 31 мая 2016 г. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115711>
5. Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 8. Ст. 721.
6. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.
7. Распоряжение Правительства России от 14 апреля 2016 г. № 669-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016–2020 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71281980/>
8. Цитата по: Российская газета. 30.05.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/05/30/rodivshimsiasposle-2015-goda-uslozhniat-dostup-k-sigaretam.html>
9. Законопроект № 1043343–6 «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (в части запрета розничной торговли табачными изделиями с 23.00 часов до 08.00 часов по местному времени)» [Электронный ресурс] // Государственная Дума [официальный сайт]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/SpravkaNew?OpenAgent&RN=1043343–6&02>

Конституционный строй – центральный институт российского права и правовой интеграл демократической сущности публичной власти

Югов Анатолий Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)

О соотношении понятий «конституционный строй» и «Основы конституционного строя».

Принятый на Всероссийском референдуме и, следовательно, выражающий консолидированную волю российского народа Основной Закон страны в качестве первоочередной задачи в главе первой первого раздела закрепляет Основы конституционного строя. И это закономерно. Приоритетное положение этого конституционного института объясняется тем, что его нормы имеют определяющее значение для понимания и функционирования всех других правовых институтов. Поэтому представляется исключительно важным выяснить, в чём проявляется сущность, содержание и форма конституционного строя. Решение же этой задачи изначально требует предварительного ответа на вопрос о соотношении понятий «конституционный строй» и «Основы конституционного строя».

Ознакомление с обширной литературой по вопросу о понимании и содержании конституционного строя России показывает, что авторы не всегда одинаково определяют его наименование, что, скорее всего, отражает разную оценку

места этого института в правовой системе страны в целом. В ряде работ речь идёт только об «Основах конституционного строя», где внимание акцентируется на первой главе Основного Закона РФ [1], но значительно чаще этот же институт рассматривается как «конституционный строй» [2], то есть вся совокупность правовых норм закрепляющих самые главные высшей юридической силы принципы и ценности, которые обязательны для позитивного развития всех других общественных отношений, независимо от того, в каких источниках они содержатся. Однако встречающиеся в литературе различия в наименовании этого института не должны закрывать от нас главного его содержания, которое заключается в том, что конституционный строй это ведущий и головной институт не только отрасли конституционного (кратологического) права, но и юридический интеграл демократической сущности всей системы общественных отношений. Исключительно отчётливо выразил такое понимание конституционного строя Д. А. Керимов, по мнению которого конституционный строй — это «система господствующих экономических

и социально-политических отношений в их конституционной форме, воплощающих суверенитет народа, свободы и права человека и определяющих сущность общества в целом» [3, с.258]. На практике это, в частности, проявляется в том, что с помощью и посредством правовых норм данного института устанавливаются и закрепляются основные принципы организации и функционирования официальной публичной власти. Такие принципы публичной власти как цивилизованный характер власти, гуманный характер власти, демократический характер власти, идея разделения властей, идея конституционализма и законности, принцип идеологического и политического многообразия.

Сравнительное осмысление научно-теоретических разработок, в которых освещаются вопросы «конституционного строя» и «Основ конституционного строя» и их сопоставление с принципами конституционного строя, закреплёнными в первой главе Основного Закона России 1993 года, приводит к выводу о том, что принципиального различия между понятиями «конституционный строй» и «Основы конституционного строя» — нет. Использование термина «Основы» обусловлено, по всей видимости, тем, что исследование в конкретном излагаемом варианте ограничено только той частью этого института, которая представлена в тексте Основного Закона. В связи с этим важно уточнить наименование этого института в учебной литературе. Предпочтение необходимо отдать наименованию «Конституционный строй» с тем, чтобы представление о нём было наиболее полным и не ограничивалось только первой главой Конституции РФ, хотя, конечно, она имеет доминирующее значение для понимания сущности этого феномена. В процессе изучения следует обратить внимание на такие вопросы, как использование его названия с позиций широкого подхода, место данного института в системе отрасли конституционного права и среди других институтов правовой системы в целом, особый характер общественных отношений составляющих предмет правового регулирования, специфические особенности по юридической форме и содержанию, практика реализации правовых норм.

Сущность конституционного строя России.

Сущность конституционного строя в реальной политической практике объективирована через его основные черты, которые в своей совокупности составляют универсальную форму отражения, развития и удовлетворения высших интересов личности, общества и государства во всех сферах социума.

Системное исследование этих основных черт, которые пронизывают весь спектр социальной, экономической и духовно-нравственной жизни общества, убеждает в том, что на основе действующей Конституции РФ и конституционного законодательства в России утверждается конституционный строй цивилизованных, гуманных, демократических, динамичных и правовых отношений.

Цивилизованный характер общественных отношений, определяющих сущность конституционного строя,

означает, что, во-первых, Основной Закон России делает однозначный и отчётливый выбор между добром и злом в пользу добра. Идеалы добра и справедливости закрепляются в Преамбуле Конституции РФ в качестве основополагающих ценностей, которые определяют сущность этого правового акта и устанавливаемых им институтов. Что вполне объяснимо. Во все времена этика оказывала решающее влияние на развитие общественной жизни, в том числе на право. Суть этого влияния в том, что общее понимание добра и зла консолидирует общество, сплачивает людей и формирует прочный моральный фундамент государственности; и, наоборот, отсутствие такого понимания или извращённые представления о добре и зле порождают конфликты и споры и разрушают общественные и государственные структуры. Согласно этой нравственной позиции конституционными устоями общества признаются такие поведенческие правила, как «делай людям добро» и «поступай так, как бы ты хотел, чтоб другие относились к тебе». Во-вторых, Конституция провозглашает верность идеалам социальной справедливости, которая предполагает создание материальных и юридических условий для достойного и благополучного развития каждой личности и общества в целом. В-третьих, признаётся правовое равенство всех населяющих Россию народов. В-четвёртых, общечеловеческие нравственные ценности, в том числе уважение человеческого достоинства, недопустимость совершения антизаконных действий, признание равноправия всех форм собственности и другие защищаются как нравственная основа конституционного строя. В-пятых, общепризнанные принципы и нормы международного права определены как органическая составная часть российской правовой системы.

Гуманный характер конституционного строя означает, что, во-первых, человек, его жизнь, здоровье, честь и достоинство законодательно провозглашены высшей ценностью общества. По Российской Конституции гуманное общество — это такое общество, которое осознаёт свою ответственность за каждого человека. Интересы человека в таком обществе превыше всего, а личность воспринимается как эпицентр общественного мироздания. Во-вторых, милосердие понимается как реальное и конкретное проявление добра, внимания и заботы общества по отношению к конкретному человеку. В-третьих, законодательно запрещены жестокие меры наказания. В частности, часть 2 статьи 21 Конституции РФ гласит: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». В-четвёртых, конституционно закреплена обязанность государства обеспечивать социальную защиту населения. Реализация этого института требует от всех государственных органов и организаций и общественных формирований постоянной заботы о слабо защищённых группах населения (престарелых, инвалидах, детях,

больных). В-пятых, Российская Конституция содержит отказ от законодательного закрепления исключительного или привилегированного положения какой-либо одной социальной группы или отдельных объединений граждан.

Демократизм российского конституционного строя проявляется в том, что в социальной практике, в том числе в сфере государственного управления, как основополагающие идеи реализуются следующие положения: во-первых, вся власть в стране принадлежит народу. Народ является единственным источником любой власти в обществе, ему принадлежит первичная суверенная политическая воля, которая лежит в основе официальной публичной власти, в том числе государственной и муниципальной власти. Согласно части 4 статьи 3 Конституции РФ «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону». Во-вторых, признаётся свобода политического развития, в том числе свободные выборы и свобода деятельности политических партий и общественных движений на основе и в соответствии с законом. В-третьих, утверждается принцип свободного экономического развития, в том числе свободное использование труда и свобода предпринимательства. В-четвёртых, признаётся и гарантируется свобода самоопределения и самоуправления народов-этносов, свободное этнокультурное развитие всех этнических сообществ. В-пятых, каждому гарантируется свобода мысли и слова. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. В-шестых, законом жизни демократического общественно-политического строя России является гласность и учёт общественного мнения в политической практике.

Динамизм конституционного строя РФ отчётливо обнаруживается в том, что, во-первых, ему объективно присущи дифференциация и разнообразие общественных интересов, их противоборство, что и является движущей силой социального прогресса. Во-вторых, функционирующие в российском обществе социальная, экономическая и политическая системы обладают не только интегрирующими, но и дифференцирующими функциями. Так, единство и разнообразие функций политической системы проявляется в том, что единая суверенная воля народа, как источник публичной власти, не отрицает, а допускает возможность существования различных политических партий, которые ведут борьбу за обладание государственной властью. В-третьих, динамизм конституционного строя находит своё выражение в поступательной смене форм общественно-политического развития. Конкретно это проявляется, например, в постоянном изменении социальной структуры общества, в наполнении его новыми социальными группами населения ведущими общественно-полезную деятельность, такими как фермеры, предприниматели, коммерсанты, кооператоры и так далее.

Правовой характер российского конституционного строя следует понимать таким образом, что составляющие его

общественные отношения отражают приверженность данного общества идеалам конституционализма и законности. В соответствии с этим свойством конституционного строя социальная жизнь в обществе протекает в соответствии и при строгом соблюдении таких важнейших положений, как: 1/ Приоритет Конституции РФ в существующей законодательной системе; 2/ Верховенство закона среди других нормативно-правовых актов; 3/ Законность, понимаемая как обязательное соблюдение закона и как необходимое условие нормального социального и экономического развития общества; 4/ Правовая справедливость как требование безусловного и честного исполнения предписаний закона и других законодательных актов всеми гражданами и должностными лицами; 5/ Легитимность законодательных установлений, то есть: а/ официальное опубликование законов и иных нормативно-правовых актов, б/ нравственный характер законов и подзаконных актов, в/ достаточное социально-экономическое обоснование правовых актов, г/ оптимальное сочетание в законе противоборствующих интересов; д/ разумное соотношение в правовом акте между сущим и должным, желаемым и возможным.

Содержание конституционного строя России представляет собой сложное явление современной общественно-политической жизни, которое имеет два аспекта: социальный и правовой.

Социальное содержание конституционного строя отражает фактическую конституцию и включает в себя реально и объективно существующие принципы и ценности, которые решающим образом определяют развитие общества в целом.

Систему основных принципов общественного развития России в настоящее время составляют такие идеи, как: 1) Принцип народного суверенитета (ст. 3 Конституции РФ); 2) Признание и защита прав человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ); 3) Принцип верховенства права, то есть идея правового государства (ст.ст. 1, 4 и 15 Конституции РФ); 4) Принцип разделения властей (ст. ст. 5, 10 и 11 Конституции РФ); 5) Принцип свободного развития институтов гражданского общества (ст.ст. 13, 30 и другие статьи Конституции РФ); 6) Принцип свободного экономического развития (ст. 8 Конституции РФ); 7) Принцип равноправия и самоопределения народов (часть 3 статьи 5 Конституции РФ); 8) Идея соблюдения общепризнанных принципов международного права (часть 4 ст. 15 и ст. 79 Конституции РФ).

В числе высших общедемократических ценностей действующее конституционное законодательство устанавливает такие, как: 1. Признание человека высшей ценностью общества (ст. 2 Конституции РФ); 2) Равенство всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ); 3) Свобода мысли и слова, как проявление духовной свободы личности (ст. 29 Конституции РФ); 4) Свободные выборы как основа легитимной публичной власти (часть 3 ст. 3 Конституции

РФ); 5) Равноправие всех форм собственности (часть 2 ст. 8 Конституции РФ); 6) Культурное разнообразие, включающее в себя идеологический, политический, религиозный, этнический и языковой плюрализм (ст.ст. 13, 14, 26 и др. Конституции РФ). Наряду с этим в части 3 статьи 55 Конституции РФ в качестве общедемократических ценностей, которые имеют безусловно принципиальное значение для положительного и прогрессивного поступательного развития российского общества, определены такие институты и социальные состояния, как защита основ конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасность государства.

Принципы и ценности, составляющие социальное содержание конституционного строя, объединяют интересы и цели всех участников конституционно-правовых отношений, и в первую очередь обеспечивают согласованное и гармоничное взаимодействие трёх главных субъектов конституционного права — личности, общества и государства.

Правовое содержание конституционного строя не одинарно, оно представляет собой головной и центральный особо сложный политико-правовой институт, нормы которого устанавливают и закрепляют самые важные и наиболее существенные отношения во всех сферах общественной жизни и содержат гарантии, обеспечивающие реальное осуществление народом принадлежащей ему всей полноты власти.

Исключительная глубина и масштабы правового регулирования этого института обуславливают специфику и особенности его структурной организации. Структура конституционного строя широко дифференцирована и указывает на конкретные сферы высшего законодательного регулирования тех общественных отношений, которые составляют основное содержание народовластия. Важнейшими составными частями этого суперсложного института являются такие, тоже достаточно сложные, институты, как: 1) Конституционные основы народовластия; 2) Конституционные основы свободы личности; 3) Конституционные основы устройства и развития государства; 4) Конституционные основы гражданского общества; 5) Конституционные основы внутренней политики; 6) Конституционные основы внешней политики; 7) Конституционные основы оборонной политики; 8) Конституционные основы национальной политики и так далее в разрезе основных форм общественного развития.

Нельзя не обратить внимание на то, что новейшая практика конституционного регулирования общественных отношений подтверждает предлагаемый нами вариант структуризации правового содержания этого института. Так, например, Конституция Республики Тыва, принятая на референдуме 6 мая 2001 года, содержит не только главу с названием «Основы конституционного строя» (глава 1), но и включает в своё содержание несколько глав, в которых содержание конституционного строя закрепляется применительно к различным сферам общественной жизни, — это

такие главы как: «Основы социальной политики» (глава 5), «Основы экономической политики» (глава 6), «Основы финансовой политики» (глава 7), «Основы экологической политики» (глава 8).

В ограниченных рамках научного сообщения представляется возможным более подробно раскрыть только содержание первичной основы конституционного строя, какой является институт народовластия.

Народовластие, то есть народный суверенитет — это такой уникальный феномен современной общественно-политической жизни, который формируется, оформляется и существует как результат проявления и реализации суверенной общей политической воли граждан соответствующего государства.

Опираясь на известные теоретические разработки [4] и практику реализации российского законодательства о публичной власти можно прийти к выводу, что в свете современных научных представлений народный суверенитет имеет три смысловых значения:

Во-первых, это доминирующая идея современного прогрессивного политического и правового мировоззрения в сфере представлений об организации официальной публичной власти, которая отражается в философских учениях, политических теориях, взглядах политиков и ученых.

Во-вторых, это конституционный принцип демократического общественно-политического развития, утверждающий всевластие народа и предполагающий определяющее значение воли народа для формирования и развития всех политико-правовых институтов.

В-третьих, это важнейший политико-правовой институт конституционного права, нормы которого содержатся в действующей Конституции РФ, в признаваемых Российским государством международно-правовых актах о правах человека и гражданина, в федеральных и региональных законах о порядке подготовки и проведения выборов в представительные органы публичной власти и в целом ряде других российских законов, имеющих конституционное значение.

Регулируемое правовыми нормами данного института реальное содержание народного суверенитета трёхмерно. Во-первых, это определенное состояние народа как социальной общности, а именно состояние его независимости и самостоятельности. Во-вторых, это совокупность политико-правовых свойств власти народа, которые реализуются им в различных формах. В числе составляющих фактическое содержание народного суверенитета свойств власти народа большинство исследователей называют единство власти народа, верховенство власти народа, полноту власти народа, неограниченность власти народа и неотчуждаемость власти народа [5, с.134—136]. В-третьих, это процесс реализации народом принадлежащих ему суверенных прав: процесс, который предполагает активную деятельность данной социальной общности в конкретных организационных, политических и правовых формах.

В конституционно-правовой науке наибольшее внимание уделяется раскрытию фактического содержания

народного суверенитета. В имеющихся исследованиях раскрывается конкретное содержание всех названных выше свойств власти народа, составляющих содержание суверенитета.

Единство власти народа означает, что единым и единственным источником официальной публичной власти в обществе является суверенный народ, как совокупность всех граждан данного государства. Это значит, что в основе всех публично-властных отношений лежит общая, согласованная и интегрированная воля народа. Особенно отчётливо единство власти народа проявляется во время проведения свободных выборов в представительные органы публичной власти, создание которых становится возможным только в случае совпадения воли абсолютного или относительного большинства избирателей соответствующей территории.

Верховенство власти народа проявляется в том, что народ через правовые акты определяет весь строй конституционных отношений; устанавливает форму государства; формирует органы публичной, в том числе государственной власти и контролирует их деятельность. Юридическим выражением верховенства власти народа является верховенство закона над другими правовыми актами.

Полнота власти народа указывает на то, что народ непосредственно или через представительные органы сам осуществляет весь объём принадлежащей ему власти. О полноте власти народа свидетельствует тот факт, что народ является источником народного и государственного суверенитета.

Неограниченность власти народа реализуется в том, что воля народа, выражающая его суверенитет, охватывает все без исключения сферы общественной жизни. В этом смысле воля народа универсальна, постоянна и вездесуща. Неограниченность власти народа формирует такое качественное состояние народного суверенитета, которое нельзя ограничить, сузить или уменьшить. Неограниченность власти народа указывает и на всеобщность юридических актов исходящих от народа. Все организации, должностные лица и иные субъекты правоотношений обязаны уважать и соблюдать интересы народа, выраженные в законах.

Неотчуждаемость власти народа заключается в том, что народ никому не передаёт свою суверенную политическую волю, а осуществляет её сам в определённых организационных формах. Согласно Российской Конституции никакая часть общества, никакая отдельная организация и никакое отдельное лицо не могут присвоить себе исключительную власть в государстве. А узурпация официальной публичной власти считается тягчайшим преступлением. Ярким примером неотчуждаемости власти народа является ситуация, при которой органы государства осуществляют государственную власть на основе доверия народа выраженного на выборах, но при этом народ, сохраняющий суверенитет за собой, контролирует деятельность органов государства. То есть народ во время выборов передаёт представительным органам не суверенитет, а только права на временное использование властных функций.

Несомненная ценность действующей Российской Конституции состоит в том, что, определяя своё отношение к проблемам власти и народного суверенитета, она решает вопрос о конституционных формах демократии, то есть способах осуществления народного суверенитета. Обладая суверенитетом российский народ в соответствии с частью 2 статьи 3 Конституции Российской Федерации осуществляет принадлежащую ему власть как непосредственно, то есть через институты прямой демократии, так и через своих выборных представителей, то есть посредством опосредованной демократии. Таким образом, можно утверждать, что действующая федеральная Конституция предусматривает две основные конституционные формы демократии: первая форма — прямая или непосредственная, а вторая — представительная или опосредованная.

Первая форма конституционной демократии, то есть прямое народовластие реализуется через такие институты как референдумы, выборы, отзыв выборных должностных лиц, народная правотворческая инициатива, общие собрания граждан, публичные слушания, указы избирателей и так далее.

Вторая форма конституционной демократии, то есть представительное народовластие реализуется через избираемые народом представительные учреждения. Это законодательные представительные органы государственной власти Российской Федерации и законодательные представительные органы государственной власти субъектов федерации, а также представительные органы муниципальных образований в системе местного самоуправления.

Наряду с фактическим или материальным содержанием, которое проявляется в свойствах публичной власти, народный суверенитет имеет отчётливо выраженное юридическое содержание. Его составляют суверенные права народа.

В числе суверенных прав, составляющих юридическое содержание народного суверенитета, которые народ реализует в процессе осуществления народовластия, необходимо выделить: а) право на осуществление публичной власти; б) право на государственную территорию Российской Федерации; в) право на принятие законов и решение важных вопросов государственной и местной жизни; г) право на свободное экономическое развитие; д) право на свободное духовное развитие.

В результате системного осмысления определённых выше свойств власти народа и способов её реализации — народный суверенитет можно определить как реализованную народом волю по неограниченному управлению всеми сторонами жизни общества в установленных законом организационно-правовых формах.

На современном этапе общественного развития России очень важно обратить внимание на гарантии реализации суверенных прав народа. Такими гарантиями выступают установленные в Конституции Российской Федерации и действующем законодательстве экономическая, социальная, политическая, духовно-нравственная и правовая основы

развития российского общества. Они же служат основами реальной и полной демократии.

Экономическую основу народного суверенитета составляют земля и другие природные ресурсы, являющиеся достоянием всего российского народа, а также свобода экономического выбора, свобода экономической деятельности, свободный труд, принцип справедливой оплаты труда (равная оплата за равный труд).

Содержание социальной основы народного суверенитета составляют такие компоненты, как социальный мир и согласие, социально-экономическая свобода личности, тождество общественных и межличностных отношений, равные юридические возможности для развития всех членов общества, сотрудничество и равные правовые условия развития всех социальных слоев и групп населения.

Политическая основа народного суверенитета — это свобода проявления политической воли через институты прямой демократии, признание за гражданами права избирать и быть избранными в органы публичной власти, свобода объединения в политические партии, общественные движения, союзы граждан; суверенное право народа на контроль за деятельностью органов власти; свобода митингов, демонстраций и уличных шествий.

Составными частями духовно-нравственной основы народного суверенитета являются законодательно признаваемая терпимость инакомыслия, свобода совести, свобода печати, свобода мысли и слова, право народа на пользование достижениями культуры, свобода творчества и преподавания, нравственный характер законов.

Правовая основа народного суверенитета состоит из таких феноменов, как конституционное закрепление принадлежности народу всей власти; верховенство закона в системе нормативно-правовых актов; обязанность правового государства соблюдать законы и обеспечивать права граждан; конституционно-правовое признание и защита естественных прав человека; юридические гарантии основных прав и свобод.

Юридическая форма конституционного строя, как правового института особого назначения, отличается тем, что образующие этот институт нормы содержатся в правовых актах, которые либо по своей юридической силе превосходят обычные и текущие правовые акты, либо в силу своей политической и социальной ценности имеют основополагающее и директивное значение. На «ключевой» и определяющий характер юридической формы конституционного строя указывает также значительное разнообразие источников, в которых содержатся нормы данного института. В их числе кроме Конституции РФ следует указать такие, как: 1) Общероссийские декларации — Декларация о государственном суверенитете РСФСР, Декларация прав и свобод человека и гражданина, Декларация о языках народов России; 2) Федеративный договор от 31 марта 1992 года о разграничении предметов ведения и полномочий между

федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти субъектов федерации; 3) Международно-правовые акты, например, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; Международный пакт о гражданских и политических правах и другие; 4) Федеральные конституционные законы, например, ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» и другие; 5) Федеральные законы имеющие характер кодифицированных актов, например, ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и другие; 6) Основные Законы субъектов Российской Федерации.

Составляющие правовой институт конституционного строя России правовые нормы имеют своим целевым назначением разрешить целый ряд первоочередных задач. Во-первых, определить содержание политической философии, которая декларирует теоретические основы понимания всех общественно-политических и правовых институтов Российского государства, в том числе и институтов, составляющих отрасль конституционного права;

Во-вторых, сформулировать и установить основные принципы внутренней и внешней политики Российской Федерации;

В-третьих, закрепить гарантии необратимости поступательного развития в российском обществе идей демократии, гуманизма и законности;

В-четвёртых, гарантировать условия стабильного развития в России политической, экономической и правовой системы;

В-пятых, отразить и зафиксировать приверженность Российского государства общепризнанным признанным принципам международного права.

Успешное развитие институтов конституционного строя Российской Федерации обеспечивается гарантиями, которые установлены в тексте самого Основного Закона 1993 года. В числе таких генеральных гарантий, обеспечивающих незыблемость и нерушимость конституционного строя Российской Федерации, действующая федеральная Конституция определяет следующие положения:

Первое: Согласно части 2 статьи 80 Основного Закона самым главным гарантом Конституции РФ и конституционного строя является Президент Российской Федерации.

Второе: Согласно части 2 статьи 16 Конституции РФ никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя РФ;

Третье: Согласно части 5 статьи 13 Конституции РФ запрещается создание и деятельность любых общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя;

Четвёртое: Согласно части 3 статьи 55 Конституции РФ в целях защиты основ конституционного строя права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены на определенный срок федеральным законом;

Пятое: Согласно части 1 статьи 77 Конституции РФ субъекты Российской Федерации устанавливают собственную систему органов государственной власти самостоятельно, но в соответствии с основами конституционного строя РФ;

Шестое: Согласно части 1 статьи 135 Основного Закона России положения главы первой Конституции РФ, закрепляющие основы конституционного строя, в принципе не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием, а изменить эти положения можно только путём принятия новой Конституции;

Седьмое: В соответствии со статьями 102 (пункт «ж»), 125 и 128 Конституции РФ создан и успешно функционирует Конституционный Суд РФ, важнейшей задачей которого является защита конституционного строя России.

Системное исследование сущности, содержания и формы конституционного строя убедительно доказывает, что вся власть в нашей стране принадлежит многонациональному российскому народу, который осуществляет её свободно и независимо в интересах благополучия и достойного существования каждого человека и гражданина.

Литература:

1. Бутусова Н. В. Основы конституционного строя Российской Федерации как правовой институт и предмет конституционно-правового регулирования // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. 2003. № 6; Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. Понятие, содержание, вопросы становления. М.: 1994.
2. Авакьян С. А. Понятие конституционного строя / Конституционное право России. Т. 1. М.: Юрист, 2005. С. 321–331; Боброва Н. А. Конституционный строй и конституционализм в России. Под ред. В. О. Лучина. М.: 2003; Мамонов В. В. Конституционный строй Российской Федерации: понятие, основы, гарантии // Государство и право. 2004. № 10; Бондарь Н. С. Конституционный строй как государственно-правовое выражение гражданского общества России // Конституционное развитие России. Саратов. Межвузовский сборник научных статей. 2003. Вып. 4.
3. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М.: 2008.
4. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципе политического права. М.; 1983; Ленин В. И. Материалы по пересмотру программы (май) // Полн. собр. соч. Т. 32; Денисов А. И. Общая система социалистической демократии. М., 1975; Григорян Л. А. Народовластие в СССР. М., 1972; Безуглов А. А. Суверенитет советского народа. М., 1975; Ржевский В. А. Общественно-политический строй СССР как воплощение суверенитета советского народа. Ростов н/Д., 1974; Кабышев В. Т. Народовластие развитого социализма. Саратов, 1979; Скуратов Ю. И. Народный суверенитет развитого социализма (конституционные вопросы). Красноярск, 1983.
5. Конституционное право. Учебник для бакалавров. Отв. редактор В. И. Фадеев. М.: ООО «Проспект», 2013.

5. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Вопросы введения дисквалификации за нарушение антикоррупционных ограничений и запретов

Беловецкий Даниил Дмитриевич, аспирант

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В статье рассматриваются вопросы введения дисквалификации за нарушение антикоррупционных ограничений и запретов, приводится общее описание процессуальных особенностей применения данного вида административного наказания, а также условия его введения при совершенствовании законодательства об административных правонарушениях.

Ключевые слова: коррупция; административная ответственность; дисциплинарная ответственность; расторжение трудового договора; дисквалификация

The introduction to disqualification for violation of anti-corruption restrictions and prohibitions

Belovetskiy Daniil Dmitriyevich., PhD student

The introduction of disqualification for violation of anti-corruption restrictions and prohibitions is considered, a general description of the procedural peculiarities of application of this type of administrative liability as well as the preconditions for the introduction of the same in the course of development of legislation on administrative offenses are provided.

Key words: corruption; administrative liability; disciplinary liability; termination of employment; disqualification

Особенностью противодействия коррупции является то, что данное явление неразрывно связано именно с эмоционально-волевой сферой поведения человека в процессе его взаимодействия с другими людьми по поводу материальных или нематериальных благ. Антикоррупционное законодательство поэтому направлено на создание условий, в которых коррупционное взаимодействие будет, в идеале, исключено, но, как минимум, затруднено. Действенность ограничений и запретов [4, 5, 2], направленных на предупреждение коррупционных проявлений и установленных законом от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» [6], призвана обеспечить, в том числе, мера дисциплинарной ответственности в виде увольнения в связи с утратой доверия.

Такая мера дисциплинарной ответственности введена Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» [3] в отношении государственных гражданских служащих (п. 7 ст. 20), муниципальных служащих (п. 7 ст. 20), а также лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности

субъектов Российской Федерации, муниципальные должности (п. 14 ст. 21) за нарушение отдельных положений антикоррупционного законодательства Российской Федерации. Обязательность применения такой меры дисциплинарной ответственности предусматривается также в отношении работников органов прокуратуры (п. 4 ст. 3), органов внутренних дел (ст. 4), таможенных органов (ст. 9), военнослужащих (ст. 11), государственных гражданских служащих (п. 7 ст. 18), муниципальных служащих (п. 7 ст. 20) и сотрудников Следственного комитета России (ст. 23).

Данный вид дисциплинарной ответственности за нарушение антикоррупционных ограничений имеет большой профилактический потенциал (естественно, обусловленный качеством правоприменительной практики, которая не всегда созвучно ожиданиям законодателя, населения и экспертного сообщества). Анализируя практику применения данного вида административной ответственности А. В. Кудашкин указал, что расторжение с государственным служащим служебного контракта по инициативе представителя нанимателя не является препятствием к его дальнейшему трудоустройству, что не позволяет решить задачи предотвращения дальнейших правонарушений со стороны уволенного лица [2, с. 68].

В этой связи исследователи [2, 7] указывают на необходимость введения административной ответственности за нарушение ряда антикоррупционных ограничений, предусматривающую дисквалификацию нарушителя, предусмотренную статьей 3.11 КоАП РФ [1], поскольку в соответствии с частью 1 статьи 3.1 КоАП РФ целью административного наказания является предупреждение правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами, решая тем самым вопросы общей и частной превенции. Таким образом применение дисквалификации соответствует целям административного законодательства и является адекватной мерой, позволяющей исключить лицо, нарушившее антикоррупционные запреты, из управления процессами, имеющими значение для общества [Кудашкин, Ростовцева].

Признавая справедливость нареканий к действенности дисциплинарной ответственности в виде увольнения в связи с утратой доверия в плане предупреждения коррупции, представляется, тем не менее, что вопрос о введении дисквалификации нуждается в дополнительном осмыслении с точки зрения, как минимум, встраивания такой меры в систему юридической ответственности. Дело в том, что КоАП РФ не содержит специальных процессуальных форм его реализации помимо того, что в соответствии с частью 2 статьи 32.11 КоАП РФ исполнение постановления о дисквалификации производится путем прекращения договора (контракта) с дисквалифицированным лицом.

Анализ положений КоАП РФ, устанавливающих особенности исполнения постановлений о назначении административного наказания, показывает, что в отношении дисквалификации не может быть применена отсрочка (1 статьи 31.5 КоАП РФ), рассрочка применяется исключительно в отношении исполнения наказания в виде административного штрафа (ч. 2 ст. 31.5 КоАП РФ).

В соответствии с частью 1 статьи 31.6 КоАП РФ исполнение постановлений о назначении административных наказаний (за исключением случаев назначения наказаний в виде административного ареста, обязательных работ или административного приостановления деятельности в соответствии с ч. 2 ст. 31.6 КоАП РФ), вступивших в законную силу, может быть приостановлено юрисдикционным органом (судом или должностным лицом, вынесшим постановление) в случае принесения протеста. В силу того, что расторжение договора с лицом, которому назначено наказание в виде дисквалификации, находится в компетенции работодателя (трудовой договор) или заказчика (гражданско-правовой договор) исполнение будет опосредовано либо нормами трудового законодательства, законодательства о государственной гражданской службе, муниципальной и иных видах службы, либо гражданского права.

Применение дисквалификации предполагает расторжение трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, в соответствии с пунктом 8 части 1 ст. 83 ТК РФ [8], который предусматривает расторжение договора с работником в случае, если он дисквалифицирован

или подвергнут иному административному наказанию, исключающему возможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору. Соответственно, увольнение в связи с дисквалификацией с точки зрения трудового законодательства не рассматривается как разновидность дисциплинарной ответственности, что соответствует принципу не применения двойной ответственности.

Тем не менее, если процедура расторжения гражданско-правового договора является более длительной и позволит своевременно учитывать возможность приостановления исполнения, то нормы трудового законодательства и законодательства, регулирующего различные виды служебной деятельности, позволяют привести постановление о дисквалификации практически незамедлительно с момента вступления такого постановления в законную силу. Поэтому возможность приостановления исполнения постановления о дисквалификации в отношении работников и служащих на практике может быть весьма проблематичной.

С учетом того, что форма исполнения постановления о назначении дисквалификации связано с наличием юридического факта (прекращения договора), то строго говоря, по основаниям, предусмотренным ст. 31.7 КоАП РФ, исполнение может быть прекращено исключительно на стадии расторжения соответствующего договора. Каких-либо правил поворота исполнения дисквалификации в случаях, когда договор уже расторгнут, КоАП РФ не предусматривает.

В любом случае, дисквалификация по своей сути (расторжение договора с дисквалифицированным лицом) не отличается от увольнения в связи с утратой доверия, предусмотренного антикоррупционным законодательством, а также по инициативе работодателя в случаях совершения работником противоправных действий. В случае расторжения трудового договора (служебного контракта) постановление о дисквалификации является основанием (необходимым юридическим фактом) для принятия решения работодателем о расторжении трудового договора (служебного контракта), опосредованного либо трудовым законодательством, либо законодательством, устанавливающим особенности службы соответствующего вида.

Принципиальными отличиями дисквалификации от увольнения можно признать то, что, во-первых, постановление о дисквалификации является специальным основанием для расторжения гражданско-правового договора определенного вида (о выполнении работ или оказании услуг), стороной в котором выступает дисквалифицированное лицо, и, во-вторых, последствия дисквалификации следуют за правонарушителем подлежат реализации как работодателем, где было допущено правонарушение, так и работодателями на последующих местах работы нарушителя.

Тем не менее, необходимо также учитывать, что в современном российском законодательстве отсутствуют какие-либо ограничения на заключение трудовых или гражданско-правовых договоров с лицами, подвергнутым дисквалификации даже в течение срока, когда лицо

считается подвергнутым соответствующему наказанию в соответствии со статьей 4.6 КоАП РФ (со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления), поскольку для этого потребуется внесение изменений в нормативные правовые акты, устанавливающие условия занятия определенных должностей или исполнения определенных функций, не связанных с трудовыми (служебными) отношениями (например, деятельности в составе коллегиальных органов, которые уполномочены принимать решения направлениях

расходования средств, деятельности в качестве эксперта при различных фондах и т. п.)

Таким образом, введение административной ответственности за нарушение антикоррупционных ограничений, предусматривающей дисквалификацию, потребует проработки вопроса о субъектах ответственности, круга полномочий, осуществление которых должно быть исключено для лиц, подвергнутых дисквалификации, а также уточнение формы исполнения постановления о назначении дисквалификации, предусмотренной частью 2 статьи 32.11 КоАП РФ.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. — № 6. — Ст. 636.
2. Кудашкин А. В. Административно-правовые санкции за коррупционные правонарушения // Административное и муниципальное право. — 2010. — № 7 (31). — С. 62–69.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ // СЗ РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6730.
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. — 2004. — № 31. — Ст. 3215.
5. О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ // СЗ РФ. — 2007. — № 10. — Ст. 1152.
6. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. — 2008. — № 52 (Ч. 1). — Ст. 6228.
7. Ростовцева Ю. В. Административная ответственность за коррупционные правонарушения в системе государственной службы // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2012. — № 3. — С. 57–60.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.

6. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Стратегический вектор обеспечения международной информационной безопасности на пространстве СНГ

Вус Михаил Александрович, кандидат технических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН

Макаров Олег Сергеевич, доктор юридических наук, доцент
Институт национальной безопасности Республики Беларусь (г. Минск)

Освещаются вопросы подготовки Стратегии обеспечения информационной безопасности государств — участников СНГ, представляющей платформу для дальнейшего развития исследований и решения проблем укрепления информационной безопасности на пространстве взаимодействия государств — участников СНГ.

Ключевые слова: информационная безопасность, СНГ, стратегия обеспечения, информационный суверенитет

Covers the preparation of the Strategy for information security of the States — participants of the CIS, representing a platform for the further development of research and problem solving to enhance information security in the interaction space of States — participants of the CIS.

Key words: information security, CIS, strategy support, information sovereignty

Содружество Независимых Государств (СНГ), отмечающее своё 25-летие, внесло существенный вклад во взаимодействие государств — участников. Уникальную работу по формированию общего правового пространства проводит Межпарламентская Ассамблея (МПА СНГ). Сегодня, в условиях стремительного развития информационной сферы и глобализующегося мира, особую актуальность приобретают вопросы формирования активной согласованной информационной политики государств — участников СНГ, развития общего информационного пространства, создания совместного потенциала по противодействию информационным угрозам правам и свободам граждан и интересам государства и общества.

Научная и нормотворческая активность в СНГ в области обеспечения международной информационной безопасности имеет исторический задел и тенденцию к нарастанию. [1, с. 8–11] Ещё в 2008 г. Советом глав правительств СНГ была утверждена Концепция сотрудничества государств — участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности, представляющая согласованную совокупность официальных взглядов и положений о целях, принципах и основных направлениях межгосударственного сотрудничества в сфере обеспечения информационной безопасности. Позже была утверждена Стратегия сотрудничества государств — участников СНГ в построении и развитии информационного общества (2012), отражающая общее видение путей построения информационного общества на пространстве СНГ. Одним из основных направлений сотрудничества в этом документе определена гармонизация

законодательства и нормативно-технической базы в области информационно-коммуникационных технологий. Отдельным направлением обозначена проблема обеспечения информационной безопасности.

В последние годы наблюдается активность в правовом обеспечении международной информационной безопасности уже на уровне документов прямого действия. Так, например, в 2014 г. было ратифицировано Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности [2], а в 2015 г. — Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [3].

На межгосударственном уровне проходит сегодня апробацию инициатива введения в политический оборот понятия «информационный суверенитет», ведется работа по внедрению данного подхода в систему правовых воззрений союзнических государств. Продвигается позиция, согласно которой информационная безопасность является состоянием, достигаемым только симметричной защищенностью совокупности прав и интересов субъектов как в плане обеспечения защиты информационных ресурсов, инфраструктуры, технологий, так и в аспекте защиты конституционного строя, устоев общества, культурных ценностей, нравственности, морали, психического здоровья человека. [4, с. 27–30]. В результате формируется альтернатива «западному подходу», рассматривающему информационную безопасность только как защиту

от преступных посягательств на информационные ресурсы и инфраструктуру и при этом, не желающему видеть в правовом поле информационное воздействие на психику человека, его духовные ценности. [5, с 94–103]

В русле данных тенденций по заказу МПА СНГ коллективом российских и белорусских ученых был разработан проект документа «Стратегия обеспечения информационной безопасности государств — участников СНГ». Разработка этого документа (Стратегии) обуславливалась, в первую очередь:

- актуальностью дальнейшего развития системы организационно-правовых мер обеспечения информационной безопасности государств — участников СНГ и перехода от концептуально-доктринального определения теоретических основ информационной безопасности к стратегическому планированию направлений достижения приемлемого (заданного) уровня информационной безопасности;
- необходимостью охраны и защиты информационных интересов национальных государств — участников СНГ и Содружества в целом в контексте динамичного изменения геополитической обстановки и возникновения новых угроз информационному развитию и государственному суверенитету, расширения спектра информационных угроз, реализующихся в экономической, политической, социальной, научно-технологической, военной и иных сферах;
- важностью международной интеграции законодательства государств — участников СНГ в сфере информационной безопасности, согласования подходов правового регулирования национального и модельного законодательства.

Методологическая основа разработанной интернациональным научным коллективом Стратегии информационной безопасности базируется на концептуальных положениях заключённых государствами — участниками Содружества договоров и соглашений и на национальных концепциях безопасности. Её нормативную базу составляют Конституции стран Содружества, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры государств — участников СНГ, стратегии, концепции и доктрины развития информационного общества, национальное законодательство государств — участников СНГ, регулирующие вопросы формирования и развития системы обеспечения национальной и информационной безопасности.

Предметом Стратегии выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения информационной безопасности. В состав предметной области охватываемой замыслом Стратегии её разработчиками были отнесены проблемы как в организационно-управленческой области, так и в организационно-технической области. При разработке Стратегии необходимо было сформулировать принципы, на которых государства — участники СНГ включаются в глобальные и международные сетевые

системы и своими усилиями и средствами готовы их реализовывать в интересах всего Содружества и каждого государства — участника СНГ в отдельности, при соблюдении условий обеспечения информационной безопасности.

Стратегия отражает согласованную «... совокупность официально принятых государствами взглядов на состояние, цели, задачи, основные направления и первоочередные мероприятия по дальнейшему развитию системы обеспечения информационной безопасности». [6] Этот документ создает методологическую основу согласования деятельности государств в области совершенствования организационного и правового обеспечения информационной безопасности Содружества и может быть использован при планировании деятельности по обеспечению информационной безопасности государств — участников СНГ.

Основным правовым средством согласования, гармонизации механизмов регулирования информационных отношений, в соответствии с обсуждаемой Стратегией, представляется объединение правового регулирования по выделенным направлениям в единый правовой статус (личности, общества и государства). В качестве правового информационного статуса государства Стратегия определяет информационный суверенитет. Его достижение и поддержание должно обеспечить исключительное право государства, в соответствии с национальным законодательством и нормами международного права, самостоятельно и независимо, с соблюдением баланса интересов объектов безопасности, определять и реализовывать национальные интересы в информационной сфере, проводить внутреннюю и внешнюю государственную информационную политику, распоряжаться собственными информационными ресурсами; формировать инфраструктуру национального информационного пространства, создавать условия для интеграции в мировое информационное пространство.

После прохождения процедур парламентской экспертизы и межпарламентского согласования Стратегия информационной безопасности государств — участников СНГ была принята на 41-м пленарном заседании МПА СНГ (постановление от 28.11.2014 г. № 41–13). [6, с. 27–57] Значение этого принятого МПА СНГ документа состоит в том, что он представляет платформу для решения проблем укрепления информационной безопасности на пространстве взаимодействия государств — участников Содружества.

Принятие Стратегии информационной безопасности государств — участников СНГ придало новый импульс усилиям в направлении создания совместного потенциала по противодействию информационным угрозам правам и свободам граждан и интересам государства и общества, обозначило вектор их приложения, сформировало цели реализации. Однако на сегодня актуальным остаётся вопрос практического внедрения данной разработки в практику международного взаимодействия государств — участников СНГ.

В 2014–2016 гг. рассмотрение Стратегии проходило в рабочих органах Экономического совета

и Исполнительного комитета СНГ. Комиссия по экономическим вопросам Экономического совета СНГ, рассмотрев принятый МПА СНГ документ, направила его на согласование в правительства государств — участников СНГ (2014). Экспертная группа Исполкома СНГ согласовала доработанный с учётом поступивших от ряда государств Содружества замечаний документ (2015). В 2016 г. документ направлен в Совет постоянных полномочных представителей государств — участников Содружества при уставных и других органах Содружества для включения вопроса о его рассмотрении в повестку дня очередного заседания Совета министров иностранных дел государств — участников СНГ.

Разработанные российскими и белорусскими учёными в 2013 г. теоретические конструкции Стратегии информационной безопасности государств — участников СНГ остаются актуальными и сегодня. Вместе с тем представляется, что в условиях возрастающей динамики информационных отношений, при настойчивом социальном заказе на концептуальные и правовые основы информационной безопасности затягивание процесса принятия Стратегии является сдерживающим фактором развития сотрудничества в области совершенствования международной информационной безопасности на пространстве Содружества Независимых Государств.

Литература:

1. Парламентское измерение информационной безопасности в рамках СНГ и ОДКБ на современном этапе / Бондуровский В. В. и др. // Информатизация и связь. 2014, № 3.
2. Закон Республики Беларусь № 179-З 14.07.2014 «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности».
3. Закон Республики Беларусь № 234-З 04.01.2015 «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности».
4. Кучерявый М. М. Информационное измерение политики национальной безопасности России в условиях современного глобального мира: автореферат дис. доктора политич. наук, сп. 23 00 04. — СПб., 2014.
5. Смирнов А. И., Кохтюлина И. Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России / А. И. Смирнов, И. Н. Кохтюлина. — М.: ВНИИГеосистем. — 276 с.
6. Концепция совершенствования правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации: проект. — Режим доступа: <http://www.agentura.ru/dossier/russia/sovbez/docs/concept/>. — Дата доступа: 22.09.2016.
7. Информационный бюллетень МПА СНГ. № 62. Часть 2. — 2015.

7. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Правовой статус центральных банков межнациональных союзов через призму их прав, обязанностей и элементов независимости деятельности

Полякова Александра Андреевна, магистрант
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ключевые слова: центральные банки, межнациональный союз, правовой статус центральных банков, права и обязанности центральных банков, Европейский Центральный Банк, независимость центральных банков

В настоящее время, национальная экономика каждого государства неизбежно интегрируется в международную систему хозяйственных связей, т. е. выходит за национальные рамки и поэтому неизбежно испытывает влияние международного фактора. Как следствие, государства стараются создать единое правовое, торговое, валютное пространство для упрощения взаимодействия друг с другом, то есть объединяются в союзы. Многогранное и всестороннее развитие экономических и валютных отношений в рамках того или иного союза, включая банковские отношения в качестве их неотъемлемой составной части, объективно обуславливает появление специфического регулятора — центрального банка межнационального союза.

В первую очередь, необходимо выделить понятие межнационального союза, применяемого в данном исследовании. Для этого целесообразно обозначить основные признаки (критерии) данной правовой категории.

Межнациональный союз это, прежде всего, объединение двух или более суверенных государств. Суверенитет является одним из важнейших признаков государства и означает верховенство и независимость государства, государственной власти внутри и вне общества, на территории, на которой возникло, существует и действует данное государство, и по отношению к другим иностранным государствам. [5] Таким образом, под понятие «межнациональный союз» не могут попадать конфедерации или регионалистские государства, в которых субъекты обладают лишь относительной автономией, например Италия или Испания.

Объединение государств в союзы должно носить экономический характер, то есть направлено на поддержание межнациональных хозяйственных связей, например на развитие торговых, банковских отношений между государствами, поддержание стабильности совместной валюты, координация экономической политики стран-участниц и т. д. Чаще всего союзы государств образуются на основе валютных союзов. [3]

Существуют, так же, военно-политические союзы, соглашения государств, с целью совместных действий для решения общих политических, экономических и военных

задач (Союз трех императоров (1873—1886)). Однако, впоследствии, в мирное время, такие союзы преобразовываются в исключительно экономические. В настоящее время так же существуют военно-политические соглашения между государствами (НАТО, Шанхайская организация сотрудничества и т. д.), а так же международные организации, имеющие военную составляющую (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Европейский союз), но такие военно-политические блоки не всегда имеют единое экономическое, валютное и торговое пространство.

В межнациональных союзах могут быть органы власти, состоящие из представителей государств, входящих в союз. Это может быть законодательный орган межнационального союза, например Европейский парламент, или же орган, определяющий валютную политику союза, например Восточно-карибский центральный банк, Европейский центральный банк.

В межнациональных союзах так же возможна система правовых актов, принципов деятельности союза. Например, в рамках ЕС действуют Принципы деятельности Европейского союза, куда входят принцип законности, принцип гласности, принцип национальной индивидуальности, принцип устойчивого развития и др.

Таким образом, межнациональный союз — это объединение двух или более суверенных государств, в целях поддержания экономических связей, обладающее системой органов управления и совокупностью правовых норм и принципов, обладающих юридической силой на территории всех государств, входящих в союз.

Ведущим кредитно-финансовым и валютным регулятором является центральный банк межнационального союза, объединяющий денежные системы государств, входящих в союз, с целью проведения единой независимой политики, обеспечения устойчивости и стабильности валюты и цен на территории союза.

Открытым считается и вопрос о правовом статусе таких банков, поскольку он напрямую зависит от специфики того или иного союза. Правовой статус — это установленное

нормами права положение субъектов, совокупность их прав и обязанностей. Ключевым элементом правового статуса является правосубъектность, то есть способность иметь и осуществлять непосредственно или через представителя права и юридические обязанности.

Таким образом, исследование правового статуса центральных банков межнациональных союзов, должно осуществляться через призму их прав и обязанностей. Например, несмотря на то, что Европейский центральный банк выступает как общая организация представителей центральных банков государств-членов, последние обязаны подчиняться решениям ЕЦБ, принятым в рамках его предметной компетенции как основного структурного звена европейской системы центральных банков. [1] Это ясно следует из текста ст. 14 (3) Статута европейской системы центральных банков, которая объявляет центральные банки неотъемлемой частью системы и требует от них подчинения указаниям и инструкциям Европейского центрального банка.

Наряду с ЕЦБ и другие центральные банки межнациональных союзов имеют широкий круг прав и полномочий, что обуславливает их юридическую природу и особый правовой статус, который выделяет их в системе национальных банков. Они обладают исключительным правом на эмиссию банкнот, осуществляют надзор за деятельностью кредитных организаций с целью поддержания стабильности финансовой системы союза. Центральные банки межнациональных союзов, так же, имеют большое влияние на международную арену.

Круг обязанностей (функций, как основных направлений деятельности) центральных банков межнациональных союзов так же достаточно широк. Прежде всего, это орган валютного регулирования, основная цель которого состоит в поддержании валюты того или иного союза с использованием специфических механизмов (специфические они в виду того, что при осуществлении валютного регулирования происходит стык права и экономики). Например, Восточно-карибский Центральный банк располагает «Основными принципами деятельности банков Восточно-карибского бассейна», где указывается на необходимость осуществления банками политики, направленной на развитие Восточно-карибского доллара. [7]

Развитие и укрепление банковской системы межнационального союза так же является одним из основных направлений деятельности центрального банка. В составе Центрального Банка государств Западной Африки существует Комитет по финансовой стабильности союза, одной из целей которого является обеспечение стабильности банковской системы путем пруденциального регулирования и надзора.

Важным элементом регулирования является денежно-кредитная политика, которую устанавливает Центральный банк межнационального союза. Это своего рода синтез экономических и политических инструментов облаченных в правовые документы. ЕЦБ регулирует распределение

денежной массы между финансовыми учреждениями, государством и компаниями. Для этого используются традиционные экономические инструменты денежно-кредитного регулирования: операции на открытом рынке, суточные ссуды и депозиты, норматив минимальных обязательных резервов. Отличие от национальных денежных систем состоит в том, что вся денежно-кредитная политика Европейского Центрального Банка проводится на децентрализованной основе. ЕЦБ принимает решения и устанавливает правила их исполнения. Практические же действия совершают национальные центральные банки в строгом соответствии с денежно-кредитной политикой, устанавливаемой в нормативных документах ЕЦБ. [4]

Говоря о правовом статусе центральных банков межнациональных союзов необходимо упомянуть и об их независимости. Независимость любого центрального банка должна состоять из следующих элементов:

- 1) организационная независимость;
- 2) функциональная независимость;
- 3) финансовая независимость.

Организационная независимость заключается в наличии в центральном банке межнационального союза собственной структуры органов. Например, Комитет денежно-кредитной политики и Совет директоров Центрального Банка государств Западной Африки и т.д. Организационная независимость включает в себя и наделение центрального банка правосубъектностью. Например в отличие от Европейского Центрального Банка другие институты и органы, входящие в структуру Европейский союз (например, Европейская комиссия, Европейский совет), не обладают статусом самостоятельного юридического лица. ЕЦБ может, в частности, приобретать и отчуждать движимое и недвижимое имущество, выступать стороной в суде. [6]

Функциональная независимость гарантирует центральному банку свой круг уникальных полномочий (полномочие по осуществлению денежно-кредитного регулирования, эмиссия денежных знаков союза и т.д.). Например, функциональная независимость ЕЦБ означает наделение полномочиями принимать независимые (автономные) решения в пределах своей компетенции и независимо от политических органов Европейского Союза.

И, наконец, финансовая независимость означает, что вся деятельность центрального банка межнационального союза не должна финансироваться за счет средств каких-либо союзных органов, а финансирование должно осуществляться за счет собственных средств банка. Например, собственный бюджет Европейского Центрального Банка пополняется за счет доходов от эмиссии банкнот евро; от разницы в процентных ставках по кредитам и депозитам ЕЦБ; от инвестиций, вложенных в официальные валютные резервы стран — членов Европейского Союза, которые ЕЦБ хранит и обслуживает. [2]

Однако, степень независимости того или иного органа различна. Например, степень независимости центрального

банка не идет в сравнение со степенью независимости судебной власти, которая существенно выше.

Центральные банки межнациональных союзов являются ключевыми звеньями банковской системы, как союза, так и мировой банковской системы в целом. Действуя как органы валютного регулирования, центральные банки

межнациональных союзов уравнивают влияние со стороны национальных центральных банков государств, а так же они оказываются встроенным в структуру союзов, обладая при этом уникальной степенью независимости при проведении в жизнь единой валютной политики и выполнении иных своих функций.

Литература:

1. Гудима В. В. Современный правовой статус Европейского центрального банка и Европейский фонд финансовой стабильности // Вестник Московского университета МВД России. — М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2014, № 8. — С. 125–126.
2. Ерпылева Н. Ю. Современный правовой статус Европейского центрального банка // Банковское право. — М.: Юрист, 2010, № 5. — С. 35–43.
3. Ерпылева Н. Ю. Международное банковское право. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
4. Касаткина А. С. Правовой статус Европейского центрального банка // Банковское право. — М.: Юрист, 2009, № 6. — С. 32–36.
5. Марченко М. Н. Проблемы определения конституционного статуса Европейского союза // Федерализм и регионализм: приоритеты XXI века: Материалы 3-й Международной научной конференции. — Владикавказ: Изд-во Владикавказ. ин-та управления, 2011. — С. 9–19.
6. Чегринцев Е. А. Независимость центральных банков: Европейский Центральный банк и Центральный банк Российской Федерации // Банк России в XXI веке. Сборник статей. — М.: Юстицинформ, 2003. — С. 153–160.
7. The Eastern Caribbean economic and Currency Union: Macroeconomics and financial systems / Alfred Schipe, Aleona Ceborafi, Nita Thaker — Washington D. C., 2013—653 p.

8. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Низкая эффективность и сложность механизма как ключевая проблема института банкротства физических лиц в Российской Федерации

Криворот Денис Александрович, студент
Тюменский государственный университет

С 1 октября 2015 года вступили в силу нормы, посвященные так называемому потребительскому банкротству физических лиц. Несмотря на то, что российская судебная практика и доктрина ранее уже сталкивались с банкротством физического лица при рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей, после введения в действие новых положений Закона о банкротстве, отечественная правовая система получила концептуально новый правовой институт, существенно отличающийся от института банкротства юридических лиц своими целями и средствами их достижения.

На этапе введения института банкротства граждан учеными и общественными деятелями ни раз высказывались предположения о том, что новая процедура может обернуться комплексом проблем для должников, кредиторов, судебной системы и общества в целом. Практика того, как процедуры банкротства физических лиц развивались в течение месяцев, показывает, что далеко не все пессимистические прогнозы оказались близки к реальности. Вместе с тем, стоит отметить, что ряд существующих проблем, связанных с потребительским банкротством, на этапе разработки и введения нового института остался вне поля зрения исследователей.

Основную сложность в определении и последующем разрешении проблем в сфере потребительского банкротства составляет их комплексность и взаимосвязанность. Поправки в закон «О несостоятельности (банкротстве)» были введены с целью урегулирования отношений между гражданами и, прежде всего, кредитными организациями. При этом в основе новых норм лежат экономические интересы государства, которое заинтересовано в том, чтобы процедура несостоятельности применялась в исключительных случаях и заканчивалась полным погашением долгов. Также закон предоставляет гарантии лицам, участвующим в деле, но сторонами материальных не являющимися, в первую очередь — финансовым управляющим. И не стоит забывать о суде как о самостоятельном участнике общественных отношений по банкротству физических лиц.

В итоге нормы о банкротстве физических лиц должны балансировать между интересами должников, кредиторов, арбитражных управляющих, суда, государства и общества

в целом. При этом перевес в сторону защиты интересов какого-либо из участников правоотношения непременно повлечет ухудшение положения другого участника. Например, увеличение оклада арбитражного управляющего приведет к удорожанию процедуры банкротства и к ухудшению положения должника, которому это вознаграждение придется оплатить. А в случае перераспределения суммы вознаграждения и оплаты её или её части за счет государственных средств будут нарушены экономические интересы государства.

Основопологающей проблемой нового правового института является чрезмерная сложность процедуры, выраженная в сочетании нескольких альтернативных вариантов развития событий в качестве обязательных элементов банкротства.

В частности, в ходе процедуры банкротства помимо разрешения разногласий суд принимает решения о выборе процедуры несостоятельности, об установлении требований кредиторов, об условиях реализации имущества гражданина. При этом зачастую каждое из данных решений принимается в рамках отдельного судебного заседания в полноценном состязательном процессе с широким кругом участников.

Одновременно с этим закон предоставляет широкий круг полномочий финансовому управляющему. Однако практически каждое его действие в последствии должно быть утверждено судом, что затягивает процедуру и увеличивает объем работы для каждого из участников процесса. При этом законом предусмотрено обеспечение ответственности финансового управляющего компенсационным фондом саморегулируемой организации. То есть фактически закон предусматривает двойную защиту от потенциально неправомερных действий финансового управляющего: непосредственное утверждение его решений судом и ответственность, объем которой в разы превышает размер вознаграждения.

Похожая ситуация складывается и относительно документов, которые нужно подготовить для того, чтобы запустить механизм банкротства. Должник обязан раскрыть перед судом внушительный перечень документов, которые ему предстоит запросить в банках, налоговой службе,

заге и ряде других учреждений. После чего суд проверяет все эти документы, а после начала производства их снова проверяет назначенный судом финансовый управляющий. Таким образом, необходимый пакет документов фактически проходит тройную проверку, что затягивает производство на самой начальной стадии. При этом у суда имеются соответствующие базы данных, с помощью которых можно получить необходимую информацию о должнике.

Представляется, что процедура банкротства, будучи детально регламентированной в законе, для среднестатистического гражданина-должника является сложной для восприятия правовой конструкцией. В связи с этим ознакомление потенциального банкрота с нормами на начальном этапе процесса несостоятельности может стать серьезной проблемой. Кроме того, самостоятельно собрать необходимый пакет документов и грамотно сформулировать свои требования в заявлении способен далеко не каждый гражданин, а лишние средства для обращения за консультацией у должника, который и так находится в затруднительном финансовом положении, может и не быть. По этой причине начать сложную, длительную и для обычного гражданина достаточно абстрактную процедуру банкротства решаются далеко не все должники, попавшие в тяжелую жизненную ситуацию.

Одной из причин сложившейся ситуации является правовой нигилизм и низкая информированность граждан. Согласно данным опросов в мае 2015 года о внедрении нового правового института были информированы лишь 9% граждан, а в конце 2015 года — 15%. Несмотря на то, что сведения о новом правовом институте широко освещаются в прессе, большинство граждан просто не знает о новой правовой возможности.

Также негативным фактором является искажение норм закона в средствах массовой информации, а также в некоторых официальных источниках. Так на сайтах многих юридических компаний можно найти информацию о том, что они предоставляют правовое сопровождение при банкротстве физических лиц. И при этом одним из требований к потенциальным банкротам является сумма долга, превышающая 500 тысяч рублей. Возможно, таким образом юридические фирмы и организации арбитражных управляющих пытаются уменьшить число невыгодных для себя дел и компенсировать скромное вознаграждение за счет процентов от реализованного имущества. Однако при этом они вводят в заблуждение должников, которые из-за этого неверно воспринимают положения закона и упускают из виду возможность подачи заявления и при меньшем размере долга.

Об этом явственно свидетельствуют статистические данные. Так должники с суммой долга менее 500 тысяч рублей составляют чуть более 13% от общего числа должников. Например, этот показатель меньше, чем число должников с многомиллионными обязательствами.

Вышеназванные трудности в правовом обеспечении и реализации процедур несостоятельности физических лиц

являются предпосылками для еще одной проблемы, которая является для многих исследователей достаточно неожиданной. Речь идет о небольшом количестве дел о банкротстве физических лиц — не более 40 тысяч дел за все время существования нового института.

При этом ожидаемое число дел по банкротству граждан в десятки раз превышает фактические данные. На этапе вступления в силу анализируемых новелл эксперты утверждали, что увеличение нагрузки в связи с введением нового правового института приведет к тому, что на рассмотрение одного дела у арбитражного судьи будет не более трех минут времени. По подсчетам судей Верховного Суда РФ число дел только в судах Москвы и Московской области могло достигнуть отметки в 4 миллиона дел в год. Однако данные прогнозы не оправдались.

Это является наглядным подтверждением тезиса о том, что механизм потребительского банкротства, разработанный российским законодателем, несовершенен и нуждается в корректировке и доработке.

Специальное правовое обеспечение банкротства физических лиц, несомненно, явилось важным шагом на пути к построению правового государства, но явно недостаточным для регулирования столь сложной системы общественных отношений. Положения, посвященные несостоятельности физических лиц, пока еще далеки от идеала, однако их совершенствование представляется возможным и реальным.

В частности, целесообразным представляется максимальное упрощение процедуры банкротства граждан на начальном этапе. Например, можно сократить число документов, необходимых для возбуждения дела о банкротстве, и компенсировать их за счет имеющихся у судов баз данных. Благодаря этому самый первый этап процедуры станет проще и доступнее для должников, желающих воспользоваться правом на подачу заявления о признании себя банкротом.

Кроме того, практическую пользу будет иметь разграничение, а не дублирование части полномочий финансового управляющего и суда. При этом нужно соблюсти баланс интересов и не допустить злоупотреблений со стороны финансовых управляющих. Также целесообразно будет на законодательном уровне определить возможность рассмотрения в рамках одного судебного заседания сразу нескольких вопросов, фактически объединив некоторые из стадий производства и сократив тем самым продолжительность разбирательства.

Не стоит забывать и о просветительских мерах. В частности, официальные источники информации должны содержать доходчивую и подробную информацию о новом правовом институте. Информация не должна искажаться и подаваться в сокращенном виде, тем самым уровень правовой грамотности граждан перестанет быть одним из определяющих факторов для инициации процедуры банкротства.

Литература:

1. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127 — ФЗ: по сост. на 2 июня 2016 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника: федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 476 — ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 1 (ч. 1). — Ст. 29.
3. Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 июня 2016 г. № 154 — ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 27. — Ст. 3945.
4. Гуреев В. А. Банкротство физических лиц. Часть I. Основные изменения в законодательстве о несостоятельности / В. А. Гуреев. — М.: Редакция «Российской газеты», 2015. — 176 с.
5. Лотфуллин Р. К. Что дает банкротам институт банкротства граждан? / Р. К. Лотфуллин // Банковское дело. — 2015. — № 11. — С. 82–86.
6. Олевинский Э. Ю. Правовое регулирование несостоятельности граждан. Коротко о главном / Э. Ю. Олевинский // Закон. — 2015. — № 11. — С. 53–62.
7. Раудин В. В. Расширительное толкование / В. В. Раудин // эж-ЮРИСТ. — 2015. — № 44.
8. Сорокин А. А. Банкротство физических лиц / А. А. Сорокин // Жилищное право. — 2016. — № 1. — С. 47–52.
9. Чашин А. Н. Банкротство граждан (физических лиц) / А. Н. Чашин. — М.: Дело и сервис, 2016. — 64 с.

9. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Прекращения права общей долевой собственности

Абакаров Ислам Мурадович, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

Согласно ст. 244 Гражданского кодекса право общей собственности возникает при наличии нескольких собственников на один объект имущества. При таком множестве субъектов права собственности на конкретное имущество образуется необходимость регулирования не только внешних отношений, а именно отношений собственников и третьих лиц, но и внутренних, образующихся между сособственниками. Именно эта необходимость и послужила одним из оснований появления института права общей собственности.

Законодателем выделяется два вида общей собственности: долевая и совместная. Общая долевая собственность возникает при определении доли каждого из собственников, совместная же собственность без определения таких долей. При этом они фиксируются при разделении имущества, наличествующего в общей собственности, между субъектами совместной собственности и выдела из него доли.

По общему правилу доли сособственников являются равными, если законом или договором не установлено иное. Из этого следует, что соглашением между сособственниками может быть установлен механизм выявления, и изменения их долей ввиду их действий по приращению общего имущества.

Реализация содержания права общей долевой собственности может происходить по соглашению всех сособственников, а при не достижении компромисса спор разрешается судом.

Касаясь вопроса о правомочии участника общей долевой собственности отчуждения его доли, стоит заметить, что данный вид распоряжения имуществом имеет две формы: безвозмездную и возмездную. При безвозмездном отчуждении своей доли, собственник не связан неограничениями закона. Таким образом, такие сделки по отчуждению доли в праве собственности как дарение, передачи в качестве отступного, внесение в уставной капитал хозяйственного общества, не дают право другим сособственникам на получение доли в порядке, предусмотренном ст. 250 ГК РФ. При возмездном же отчуждении сособственник обязан соблюдать право преимущественной покупки в интересах других сособственников.

Законодатель защищает права сособственников участника общей долевой собственности, вознамерившегося продать свою долю, предоставляя ему право преимущественной

покупки доли на равных условиях. В этой защите выражается приоритетный интерес сособственников по недопущению расширения субъектного состава правоотношения. Так при продаже своей доли сособственник обязан уведомить других сособственников об этом, при этом указав цену и другие аспекты продажи. Если в соответствии с п. 2 ст. 250 участники долевой собственности откажутся от покупки или не приобретут продаваемую долю в праве собственности на недвижимое имущество в течение месяца, а в праве собственности на движимое имущество в течение десяти дней со дня уведомления, продавец вправе продать свою долю любому лицу.

Преследуя окончательную цель любого сособственника — индивидуализировать свою долю [Мананкова Р. П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. — 215 с], участники могут разделить долевое имущество по соглашению, таким образом, прекратив действие общей долевой собственности для всех её участников. Кроме этого, любой из участников долевой собственности имеет право требовать выдел своей доли в любой момент, так как это право есть элемент правомочия по распоряжению долей.

Кредитор также вправе потребовать выдела доли должника из общей собственности в случае отсутствия у последнего другого имущества. В случае невозможности выделения доли должника в натуре или если против этого выступают иные участники права общей долевой собственности в ст. 255 Гражданского установлен специальный порядок обращения взыскания на такую долю. В этом случае кредитор вправе требовать продажи должником своей доли остальным участникам общей собственности по цене, соразмерной рыночной стоимости этой доли, с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга. В случае отказа участников общей собственности от приобретения доли должника кредитор вправе требовать по суду обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов.

Таким образом, дальнейшее развитие права общей долевой собственности в части её прекращения требуют дальнейшего анализа. Важно реализовать необходимую защиту прав сособственников путём дальнейшего совершенствования законодательства в этой сфере.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2016).
2. Агафонова Н. Н. Гражданское право: учебник: в 3 и. И. 1: учеб. В. П. Мозолин. — М.: Проспект, 2016
3. Мананкова Р. П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977.

Особенности законодательства по вопросу компенсации ущерба, причиненного в результате правомерных действий органами власти и их должностными лицами

Абашкина Елена Николаевна, магистрант

Международный институт экономики и права, филиал в г. Тамбове

В статье рассматривается возможность компенсации ущерба, причиненного личности или имуществу гражданина, а также имуществу организации, правомерными действиями государственных или муниципальных органов, их должностных лиц, а также иных лиц, которым государство делегировало властные полномочия. Автор анализирует изменения законодательства и проблемы его применения.

Ключевые слова: возмещение вреда, компенсация ущерба, гражданско-правовая ответственность

Согласно статье 2 Конституции Российской Федерации (РФ) человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства [1]. И как правовое государство (ст. 1 Конституции РФ), Россия, в случае нарушения прав человека, должна обеспечить справедливое и быстрое восстановление данных прав, возместить причиненный ущерб.

Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (п. 2 ст. 15 Конституции РФ), но, к сожалению даже действуя в рамках закона можно причинить окружающим физическим и юридическим лицам вред, который подлежит возмещению.

Существуют и такие ситуации, когда возникает некое столкновение интересов, охраняемых законом, для предотвращения вреда одному из них появляется необходимость в причинении вреда иному охраняемому законом интересу. Например, чтобы остановить распространение пожара при интенсивном ветре вдоль деревенской улицы, глава органа местного самоуправления сельского поселения распорядился разобрать несколько очередных дома, несмотря на возражения его владельцев. Тем самым пожар был остановлен и спасены другие дома вдоль улицы. Совершенные действия были направлены на спасение большого числа жилых домов и надворных построек других жителей этого сельского поселения, защиту которых при сложившихся обстоятельствах обеспечить другими, не связанными с причинением вреда средствами оказалось невозможно.

При данных обстоятельствах на современном этапе, вопрос гражданско-правовой ответственности за вред,

причиненный правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, а также их должностных лиц, является важным и актуальным.

Одной из особенностей гражданско-правовой ответственности является ее компенсационный характер, а основной целью — восстановление имущественной сферы потерпевшего.

30 декабря 2012 г. был принят Федеральный закон № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [8]. Именно благодаря этому закону в Гражданском кодексе (ГК) РФ появилась статья 16.1, которая стала одной из важнейших новелл российского законодательства. Она касается возможности компенсации ущерба, причиненного личности или имуществу гражданина, а также имуществу организации, правомерными действиями государственных или муниципальных органов, их должностных лиц или иных лиц, обладающих государственно-властными полномочиями [2]. Вероятно, что со временем это поможет предотвратить причинение вреда со стороны властных органов и их должностных лиц, а также укрепит законность.

Деятельность некоторых государственных органов, в частности, полиции, таможенных, пограничных органов, неразрывно связана с риском причинения вреда жизни и здоровью, а также имуществу физических и юридических лиц, что вытекает из их полномочий на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Однако вред зачастую причиняется не только лицам, совершающим правонарушения, но и иным лицам, возможно, случайно оказавшимся в это же время в этом же месте. К сожалению, нередкими являются ситуации, когда в ходе проведения специальных мероприятий

(в частности — в рамках контртеррористической операции) причиняется вред личности либо имуществу физических или юридических лиц. Так, например, вред может быть причинен зданиям, сооружениям, в которых скрывается террорист, входящим в собственность граждан или организаций; могут быть разбиты стекла, входные двери, повреждена дорогостоящая оргтехника.

В подобных ситуациях действует предел причинения правомерного вреда, который также применим и в условиях крайней необходимости, и при реквизиции имущества — причинение меньшего вреда во избежание большего.

В любом случае, например, задерживая лицо, совершившее преступление, сотрудники полиции совершают общественно-полезные действия, изолируя от общества преступника. Данные действия сотрудников полиции не теряют полезного социального эффекта, даже если осуществлены с причинением вреда третьим лицам.

В то же время именно подобные ситуации дают возможность требовать компенсации, когда государственный орган принимает правомерный правовой акт либо совершает правомерные действия: изъятие в установленном законом порядке имущества для государственных нужд, правомерный односторонний отказ от исполнения государственного контракта и т. д. Действия имеют чрезвычайный характер, совершаются в экстремальных ситуациях в целях самозащиты или защиты интересов третьих лиц (общества, государства, граждан, организаций), поэтому и являются социально полезными, общественно необходимыми.

Хотя в статье 16.1 ГК РФ речь идет о компенсации ущерба, мы также можем говорить и о возмещении вреда, опираясь на слова В. Казанцева. Он подчеркивает: «В юриспруденции нет четкого определения понятия ущерба, однако учеными, как правило, выделяются две его разновидности — убытки и вред. Убытки — это ущерб, который выражен в денежной форме; вред — это уничтожение либо умаление личного или имущественного блага» [10]. В соответствии с данным делением понятие «вред» входит в состав понятия «ущерб».

Компенсации подлежит реальный ущерб и зачастую размер выплачиваемых компенсаций не способен покрыть суммы, требуемые для возмещения причиненного вреда. Сама по себе компенсация состоит в максимальном восстановлении негативных последствий, возникших в результате совершения правомерных действий.

Ущерб компенсируется только в тех случаях, которые предусмотрены законом. Компенсация производится не за счет причинившего вред должностного лица либо органа власти, а за счет казны соответствующего уровня на основании судебного решения либо нормативно-правового акта.

Подобные ограничения в нашем законодательстве существовали и до появления статьи 16.1 ГК РФ. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 22 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении

государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [5] вред, причиненный юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям правомерными действиями должностных лиц органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля, возмещению не подлежит, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. Аналогичная норма закреплена в ч. 3 ст. 25 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [6] в отношении вреда, причиненного лицам правомерными действиями таможенных органов и их должностных лиц.

Помимо этого, п. 2 ст. 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [4], предусмотрено, что возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Согласно п. 3 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. В возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия причинителя вреда не нарушают нравственные принципы общества.

В Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 мая 2015 года по делу № А66–13965/2014 находим: «В предусмотренных статьей 16.1 ГК РФ случаях компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, возможна только, если это прямо предусмотрено законом. Истец на нормы такого закона не ссылается. При таких обстоятельствах оснований для удовлетворения жалобы и отмены обжалуемых судебных актов не имеется» [9].

Ряд законодательных актов, определяющих ситуации правомерного причинения вреда сотрудниками правоохранительных органов, одновременно предусматривают освобождение последних от ответственности за такой вред. Например, согласно п. 9 ст. 18 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» сотрудник полиции не несет ответственности за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, установленными законами [7].

Личный состав пожарной охраны, иные участники тушения пожара, ликвидации катастрофы, аварии, иной чрезвычайной ситуации, действовавшие в условиях крайней необходимости, от возмещения причиненного ущерба освобождаются (ст. 22 ФЗ «О пожарной безопасности»)[3].

В п. 3 ст. 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» так же закреплено: «Вред, причиненный при пресечении

террористического акта правомерными действиями здорью и имуществу лица, участвующего в террористическом акте, а также вред, вызванный смертью этого лица, возмещению не подлежит».

В то же время в приведенных законах речь идет об освобождении от ответственности конкретных сотрудников, являющихся непосредственными причинителями вреда. Исполняя служебные обязанности, должностные лица государственных органов, могут причинить вред в условиях крайней необходимости при тушении пожара, задержании лица, совершившего преступление или подозреваемого в совершении преступления, при освобождении заложников, при проведении оперативно-розыскных мероприятий и при выполнении других служебных обязанностей. Это обстоятельство само по себе не исключает предъявление исков о возмещении вреда к соответствующим подразделениям МВД, МЧС и т. д.

При решении вопроса о компенсации ущерба применяя ст. 16.1 ГК РФ следует оценивать несколько ключевых моментов: характер действий, причинивших вред (были ли они правомерными), факт причиненного ущерба именно в ходе действий соответствующих органов, а также существование правовой нормы, непосредственно закрепляющей ответственность за вред, причиненный этими действиями. Суд должен установить причинно-следственную связь, на основании которой будет вынесено решение.

Безусловно, в ст. 16.1 ГК РФ есть свои недостатки. Например, там не прописано, есть ли возможность

решать вопросы компенсации ущерба в досудебном порядке. Самостоятельно ст. 16.1 ГК РФ применяться также не может. Это следует из ее буквального толкования. Точного перечня правомерных действий, причиняющих вред, тоже нет, но его следует разработать, так как это существенный пробел в законодательстве. Отсутствует и определение размера возмещения в случаях, когда ущерб причинен правомерными действиями.

Ответственность за действия органов власти лежит на государстве, выплаты производятся за счет казны соответствующего уровня. И это достаточно спорный момент. С одной стороны, государственные и муниципальные органы действуют в рамках закона на основании полученных распоряжений, с другой — если всю ответственность на себя будет брать государство, то органы власти, их должностные лица могут небрежно относиться к своей работе: выбить дверь квартиры в ситуации, когда этого можно избежать; разбить витрины и нанести большой вред, например, магазину, чем возможно. Они не платят за это, и им может быть все равно. Поэтому, необходимо предусмотреть механизм привлечения виновных должностных лиц к ответственности.

На сегодняшний день, рассмотрение в суде дел о возмещении физическим и юридическим лицам вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов или органов местного самоуправления, как показывает судебная практика, зачастую заканчиваются отказом в удовлетворении исковых требований.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ, 26.01.2009, № 4, ст. 445.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 52-ФЗ (в ред. Федерального закона от 03.07.2016 № 354-ФЗ) // СЗ РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
3. Федеральный закон от 21 декабря 1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (в действующей ред.) // СЗ РФ, 26.12.1994, № 35, ст. 3649.
4. Федеральный закон от 06 марта 2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в действующей ред.) // СЗ РФ, 13.03.2006, № 11, ст. 1146.
5. Федеральный закон от 26 декабря 2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (в действующей ред.) // СЗ РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6249.
6. Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (в действующей ред.) // СЗ РФ, 29.11.2010, № 48, ст. 6252.
7. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (в действующей ред.) // СЗ РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.
8. Федеральный закон от 30 декабря 2012 № 302-ФЗ (в ред. Федерального закона от 04.03.2013 № 21-ФЗ) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7627.
9. Постановлении АС СЗО от 22 мая 2015 года по делу № А66–13965/2014 // СПС Право.ру.
10. Казанцев В. Возмещение морального вреда // Российская юстиция. 1996. — № 5. — С. 48–49.

Некоторые проблемы назначения судебной экспертизы по гражданским делам

Блинков Игорь Александрович, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

Нередко при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции может возникнуть ситуация, когда без проведения судебной экспертизы не обойтись. Согласно ст. 79 ГПК РФ при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу. Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам.

Каждая из сторон и другие лица, участвующие в деле, вправе представить суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертизы. Окончательный круг вопросов, по которым требуется заключение эксперта, определяется судом. Отклонение предложенных вопросов суд обязан мотивировать.

При назначении судебной экспертизы может возникнуть проблема формулирования правильных, точных, недвусмысленных вопросов, которые необходимо поставить на рассмотрение перед экспертом. Как правило, лица, участвующие в деле и суд не обладают специальными знаниями в области науки, техники, искусства, ремесла, соответственно определить круг вопросов, ответ на которые даст возможность установить имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела обстоятельства, представляется проблематичным. Так, например, при назначении судебно-медицинской экспертизы по делу о возмещении ущерба в связи с ненадлежащим оказанием медицинской услуги, представитель истца или сам истец должны таким образом сформулировать вопросы, чтобы доказать вину ответчика. Каким образом, возможно, это сделать, не обладая медицинским образованием и специальной терминологией? Чтобы определить предмет экспертизы, истцу или представителю истца необходимо ознакомиться с правилами оказания медицинских услуг, методиками, обычаями оказания отдельных услуг. Медицинские учреждения, являющиеся по делу ответчиками в лице должностных лиц обладают специальными познаниями в той области медицины, в которой они оказывали медицинскую помощь, могут увести суд от конкретных, детализирующих вопросов в сторону абстрактных. Ставить на рассмотрение, к примеру, стандартный вопрос — «Своевременно ли и правильно была оказана медицинская услуга, если нет, то какие последствия это вызвало?». Хотя, вопрос — «Требовалось ли проведение инструментальных методов обследования, таких как ультразвуковое исследование мягких тканей левой половины грудной клетки, компьютерная или магнитно-резонансная томография при диагностировании пациента» — является более точным и обстоятельным, не дающим возможности не отразить судебно-медицинскому эксперту факт врачебной ошибки. В большинстве

случаев суд склонится в сторону общего, абстрактного вопроса и будет прав, т. к. будет действовать четко в пределах своей компетенции, но в таком случае имеется риск вынесения некачественного решения.

Если вопросы взаимосвязаны, они должны задаваться в логической последовательности. В методической литературе по судебной экспертизе имеются примерные перечни вопросов для различных родов и видов судебных экспертиз. Однако при использовании типовых вопросов всегда надо учитывать специфику конкретной экспертной задачи, не включать в постановление вопросы, не имеющие отношения к делу и задаваемые «на всякий случай». Это увеличивает сроки производства судебной экспертизы, а так же ее стоимость.

В ст. 187 ГПК РФ указано, что заключение эксперта исследуется в судебном заседании, оценивается судом наряду с другими доказательствами и не имеет для суда заранее установленной силы. Несогласие суда с заключением эксперта должно быть мотивировано в решении суда по делу либо в определении суда о назначении дополнительной или повторной экспертизы. Несмотря на данное указание, на практике, зачастую заключение эксперта является основным доказательством по делу, имеющем определенный перевес перед другими доказательствами. Ввиду того, что процент назначения повторных и дополнительных экспертиз не велик, сторонам, а так же суду необходимо принимать все соответствующие меры заблаговременно, для того чтобы получить качественное экспертное заключение, а соответственно обоснованное и законное решение. Любая экспертиза обладает своим предметом и объектами от которых зависят методики исследования. Постановка точных вопросов с данной точки зрения является важным моментом на который стоит обратить внимание.

Первоочередным требованием, которому должны удовлетворять ставящиеся перед экспертом вопросы, является практическая необходимость их разрешения. Иными словами, каждый вопрос должен быть обусловлен конкретными вытекающими обстоятельствами гражданского дела, а его разрешение должно давать ответ на обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Надо, чтобы вопросы относились к одной отрасли знаний (исключение составляют комплексные экспертизы), при этом необходимо руководствоваться принципом реальности, т. е. учитывать практическую возможность решения тех или иных вопросов, исходя из достигнутого современного научно-технического уровня. Перед экспертом соответствующей специальности нельзя ставить вопросы, разрешение которых не входит в его компетенцию, сферу знаний.

Недопустимо ставить на разрешение экспертизы вопросы правового характера, ответ на которые является

компетенцией самого суда (квалификация выявленных фактов в качестве виновных действий, определение виновности лица и т. п.). В этой связи следует иметь в виду, что выяснение соответствия каких-либо действий существующим правилам является прерогативой эксперта, если для такого определения необходимы специальные познания (вопросы, касающиеся соблюдения техники безопасности, эксплуатации транспорта, ведения определенных видов работ и др.).

Рассмотрим случай назначения автотехнической экспертизы по одному гражданскому делу. Водитель А, проезжая нерегулируемый перекресток на автомобиле, в результате несвоевременного торможения столкнулся с автомобилем водителя Б., который двигался справа. В результате осмотра места происшествия сотрудники ГИБДД установили, что видимость у водителя А, была ограничена разросшимися кронами деревьев, а также наличием сумерек. Однако в административном материале было указано, что А, заметив автомобиль Б, не начал своевременного торможения. Поэтому Б. обратилась с иском о возмещении ущерба в суд. В суде А утверждал, что начал торможение, как только увидел автомобиль второго участника, и ходатайствовал о назначении судебной автотехнической экспертизы, предложив вынести вопрос о возможности провести полное торможение автомобиля с места, где он увидел автомобиль Б. Эксперт пришел к заключению, что полная остановка автомобиля была невозможна. Ущерб водителю Б. был возмещен трестом по озеленению, который нарушил соответствующие нормы содержания зеленых насаждений. Часто перед экспертами ставятся вопросы о возможности водителя транспортного средства предвидеть появление препятствия на пути следования и принятия мер к снижению скорости или остановке ТС. Однако решение таких вопросов не входит в компетенцию судебных экспертов, а является исключительной обязанностью суда, что подтвердил Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» указав, что судам следует иметь в виду, что в компетенцию судебной автотехнической экспертизы входит решение только специальных технических вопросов, связанных с дорожно-транспортным происшествием. [1, с. 218] Поэтому при назначении экспертизы суды не вправе ставить перед экспертами правовые вопросы, решение которых относится исключительно к компетенции суда (например, о степени виновности участника дорожного движения). При анализе и оценке заключений автотехнических экспертиз судам следует также исходить из того, что объектом экспертного исследования могут быть обстоятельства, связанные с фактическими действиями водителя транспортного средства и других участников дорожного движения.

Так, согласно ст. 86 ГПК, в случае, если эксперт при проведении экспертизы установит имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе включить выводы об этих обстоятельствах в свое заключение. Однако в экспертной практике часто господствует принцип: «Каков вопрос — таков ответ». [2, с. 96]

Л. А. Коростелёва, эксперт группы бухгалтерских экспертиз, указывает, что «Принцип «каков вопрос — таков ответ» применительно к судебной экспертизе означает, что, если вопрос, поставленный на разрешение, сформулирован ненадлежащим образом, то и выводы эксперта будут носить справочный характер, не вычленив из совокупности данных те факты, которые должны найти своё подтверждение, что в конечном итоге приведёт к потере заключением доказательственного значения». [3, 63]

Можно выделить несколько основных проблем постановки вопросов при производстве судебной экспертизы:

- вопрос должен относиться к объекту и предмету экспертизы;
- вопрос эксперту должен быть поставлен конкретно, с однозначным и понятным смысловым содержанием;
- вопрос эксперту должен предполагать конкретный ответ на него.

Кроме того, на мой взгляд, значимым обстоятельством является отсутствие специальных познаний у участников судопроизводства и как следствие, невозможность сформулировать корректные вопросы перед экспертом. Существует множество методических рекомендаций по постановке вопросов экспертам, но они не могут предусматривать всех жизненных ситуаций.

Например, компьютерно-сетевая экспертиза преследует цель исследования фактов и обстоятельств, связанных с использованием сетевых телекоммуникационных технологий в целях установления определенных обстоятельств. При производстве такой экспертизы определяются характеристики и свойства вычислительной (информационной) сети, устанавливается архитектура, конфигурация, сетевых компонентов, организация доступа к данным, устанавливается соответствие характеристик сети типовым для данного класса средств сетевой технологии, определяется принадлежность средства сетевой технологии к серверной или клиентской части приложений, выясняется фактическое состояние сетевого средства, наличия неисправностей, дефектов и т. п., устанавливается первоначальное состояние вычислительной сети в целом и каждого сетевого средства в отдельности, уточняются изменения, внесенные в первоначальную конфигурацию.

В сложных случаях, когда для формулирования вопросов необходимы специальные знания, суд и участники дела испытывают определенные затруднения, тактически грамотным решением является привлечение к подготовке вопросов эксперта, который будет проводить экспертизу.

На данный момент в процессуальном законодательстве отсутствует механизм обеспечивающий возможность

согласования вопросов с лицом, обладающим специальными познаниями. Учитывая данные обстоятельства, считаю необходимым внесение изменений в процесс подготовки к производству судебной экспертизы.

Если бы существовала возможность допроса лица, обладающего специальными познаниями в соответствующей

области до этапа назначения судебной экспертизы, то на мой взгляд, повысился бы качественный уровень правосудия в целом. Нередко экспертные исследования содержат формулировку «данные обстоятельства установить экспертным путём не представляется возможным». С учетом данного предложения такого в нетипичных случаях должно стать меньше.

Литература:

1. Ягольницкий Н. А. Постановка вопросов эксперту при проведении автотехнической экспертизы по делам о дорожно-транспортных преступлениях // Грамота. № 4 (30) 2013. — С. 218.
2. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе // Норма. — 2006. — С. 96.
3. Коростелёва Л. А. Требования к вопросам, решаемым судебно-бухгалтерской экспертизой // Вектор науки ТГУ. Серия «Экономика и управление» № 2 (2), 2010. — С. 63.

Возмещение морального вреда при перевозке пассажиров и багажа

Дмитриева Кристина Витальевна, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена изучению актуального вопроса о компенсации морального вреда при неисполнении либо ненадлежащем исполнении договора перевозки пассажиров и багажа. Изучаются положения законодательства, на которых базируется данная сфера. Рассматриваются недостатки и несовершенства законодательства при регулировании вопроса о размере возмещаемого морального вреда.

Ключевые слова: договор перевозки пассажиров и багажа, компенсация морального вреда, размер морального вреда

Non-pecuniary damage for the carriage of passengers and luggage

Dmitriyeva Cristina Vitalievna, Undergraduate
Saratov state academy of law

Article examines current issue of the non-pecuniary damage in the non-performance or improper performance of the contract of carriage of passengers and baggage. Study the legal provisions on which to base this sphere. Consider the flaws and imperfections in the legislation regulating the issue of the amount of recoverable non-pecuniary damage.

Keywords: the carriage of passengers and baggage, non-pecuniary damage, the size of non-pecuniary damage

В том случае, если обязательства из договора перевозки пассажиров и багажа не исполняются либо исполняются ненадлежащим образом, то к тем сторонам договора, которые допустили соответствующие нарушения, применяется ответственность, которая установлена ГК РФ [3], другими транспортными кодексами и уставами и, кроме того, соглашением сторон. При этом любые соглашения организаций транспорта с пассажирами и владельцами грузов, предусматривающие ограничение либо устранение определенной в законе ответственности перевозчика, являются недействительными, кроме тех случаев, когда возможность данных соглашений прямо предусмотрена транспортными уставами и кодексами (ст. 793 ГК РФ).

Для того, чтобы перейти к анализу заявленной проблемы, необходимо определить общие правила ответственности перевозчика, предусмотренные законодательством, так как возмещение морального вреда является частным случаем ответственности в транспортной сфере и прямо не предусмотрен в статьях Гражданского кодекса, посвященных перевозке, а также в статьях транспортных уставов и кодексов.

Договор перевозки пассажиров и багажа, исходя из характера деятельности перевозчика, является публичным (ст. 426 ГК РФ [2]), а по способу заключения — договором присоединения (ст. 428 ГК РФ). Вследствие чего, по мнению И. Боровик, в отношении данного договора

любое соглашение перевозчика и пассажира, включая соглашение, содержащее условия, предусматривающие повышение пределов ответственности перевозчика, может означать исключительно то, что в стандартно определенные условия договора перевозки пассажиров, обычно размещаемые отдельным текстом на проездном билете, должны включаться также факультативные условия, которые бы предусматривали повышение ответственности перевозчика, имеющие распространение на любого пассажира, который приобретает билет [10].

Общее правило применения ответственности в гражданском праве — должник отвечает при наличии его вины. Вследствие этого, должник будет признан виновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась, он принял все необходимые меры для того, чтобы обязательство было исполнено надлежащим образом (часть 2 пункт 1 статьи 401 ГК РФ). Наряду с этим, ответственность за нарушение обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности строится по другому: в этом случае должник несет ответственность, если не докажет, что исполнение обязательства надлежащим образом стало невозможным ввиду непреодолимой силы (чрезвычайных обстоятельств, которые невозможно предотвратить при данных условиях) (пункт 3 статьи 401 ГК).

Бесспорно, что обязательство по перевозке пассажиров связано с осуществлением перевозчиком предпринимательской деятельности. Тем не менее, основанием, освобождающим перевозчика от ответственности, может быть не только непреодолимая сила, а также и иные обстоятельства, не свидетельствующие о вине перевозчика, а носящие специальный характер. К примеру, основанием, влекущим освобождение перевозчика от ответственности за задержку отправления пассажира, является необходимость устранить неисправность транспортного средства, которая угрожает жизни и здоровью пассажира, причем во всех случаях, включая и случаи, когда перевозчик не является собственником транспортного средства.

В данной сфере наличествует проблема, которая связана с тем, что к отношениям по договору перевозки пассажира применяется законодательство о защите прав потребителей. Конкретно, указанная проблема состоит в следующем: возможно ли компенсировать пассажиру моральный вред, причиненный ему вследствие неисполнения либо же ненадлежащего исполнения договора перевозки пассажира?

Пункт 2 статьи 1099 ГК РФ содержит в себе общее правило — моральный вред, который причиняется путем совершения действий (либо бездействия), нарушающих имущественные права граждан, подлежит компенсации. Случаи данной компенсации предусмотрены законом, а именно в отраслевом законодательстве, в разделах, посвященных ответственности.

Что же касается сферы перевозок, то физические лица, совершающие поездку различными видами транспорта приобретают статус как пассажира, так и потребителя. Данный

вывод подтверждается следующими нормативно-правовыми актами.

Во-первых, статьей 15 Закона РФ «О защите права потребителей» [5] предусмотрена обязанность компенсации потребителям (пассажирам) морального вреда, но данная обязанность является неоднозначной [13; 14]. Во-вторых, по вопросу о компенсации морального вреда пассажирам выработана многолетняя судебная практика [7], но мы в данном случае обратимся конкретно к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [8]. Пункт 25 данного постановления содержит разъяснение: поскольку моральный вред возмещается в денежной или иной материальной форме в размерах, определяемых судом независимо от имущественного вреда, подлежащего возмещению, размер иска не может быть поставлен в зависимость от стоимости товара либо суммы неустойки, подлежащей взысканию, а должен основываться на характере и объеме нравственных и физических страданий, которые были причинены потребителю, в каждом определенном случае.

В-третьих, статья 9 Федерального закона от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 26.11.2001 г. № 147-ФЗ, от 09.04.2009 г. № 56-ФЗ) [6] говорит о том, что гражданин, желающий приобрести товары (работы, услуги) для личных нужд, использует при этом права, предоставленные потребителю Законом РФ «О защите прав потребителей». Фактически данная статья приравнивает пассажира к потребителю.

Несмотря на то, что законом пассажиру придается статус потребителя, в науке по вопросу возмещения ему морального вреда существует две противоположные точки зрения. Так, в подтверждение мнения о том, что пассажир имеет право на компенсацию морального вреда, профессор О.Н. Садиков говорит, что пассажир, который в результате задержки отправления либо прибытия транспортного средства претерпел страдания любого рода, имеет полное право обратиться к способам защиты, которые предусмотрены Законом «О защите прав потребителей», а именно, пассажир имеет право потребовать возместить ему на основании статьи 15 вышеуказанного закона причиненный моральный вред (например, такой вред может выражаться в опоздании на какое-либо мероприятие, последующий маршрут и т.д.) [11]. В.В. Залесский также придерживается той точки зрения, что пассажир как потребитель имеет право на такой вид защиты своих нарушенных прав как компенсация морального вреда [13].

В.В. Витрянский придерживается иной точки зрения. Он считает, что ситуации, предполагающие возмещение пассажиру морального вреда, являются лишь исключением из общего правила [9]. В частности, об этом свидетельствует ссылка на пункт 2 статьи 1099 ГК РФ, который как раз и представляет собой исключение из общего правила.

Также В. В. Витрянский в обоснование своей позиции отмечает, что базовые правила, касающиеся компенсации морального вреда, устанавливаются не Законом «О защите прав потребителей», а Гражданским кодексом РФ (статья 151 ГК РФ). Таким образом, позиция В. В. Витрянского выражается в том, что неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств по договору в первую очередь затрагивает имущественные права граждан, для защиты которых используются иные меры гражданско-правовой ответственности, а компенсация морального вреда применяется в качестве исключительной меры.

Трудности, связанные с компенсацией морального вреда в данной сфере, также обусловлены тем фактом, что в транспортном законодательстве нет статьи, которая указывала бы на возможность такой компенсации. Исходя из принципов толкования, можно сделать вывод, что нормы Закона РФ «О защите прав потребителей» применяются в том случае, если они не противоречат Гражданскому кодексу РФ и отраслевому транспортному законодательству. А также, необходимо отметить, что статья 1100 ГК РФ содержит положение о компенсации морального вреда независимо от вины причинителя вреда, если такой вред причинен источником повышенной опасности (статья 1079 ГК РФ). Несомненно, что любое транспортное средство, поименованное в транспортном законодательстве, является источником повышенной опасности, из чего следует вывод, что правило о компенсации морального вреда применяется независимо от того, закреплено оно в отраслевых транспортных уставах или нет [18].

При рассмотрении вопроса о компенсации морального вреда логично было бы дать понятие данного правового явления.

Из анализа Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», юридической литературы по данной теме, возможно дать следующее определение морального вреда: это физические либо нравственные страдания, которые причинены путем действия (бездействия), посягающие на принадлежащие гражданину нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. д.) либо нарушающие личные неимущественные права (право на использование своего имени, право авторства и т. д.) либо нарушающие имущественные права граждан.

Что касается размера и порядка возмещения морального вреда, то на практике выработана следующая процедура:

1. Истец обосновывает и доказывает размер требуемого морального вреда, указывает его конкретную сумму.

2. Ответчик выражает свое отношение к данной сумме, выдвигает и обосновывает свои возражения либо вносит свое предложение о размере суммы.

3. Суд, выслушав доводы сторон, оценивает их и принимает решение, мотивированное соответствующим образом [12].

Данный подход к исчислению размера подлежащего компенсации морального вреда является классическим, основанным на принципе состязательности сторон (статья 123 Конституции РФ [1]) и подтвержденным многолетней судебной практикой. Но, несмотря на все критерии определения размера морального вреда, решающим фактором в данном вопросе является усмотрение судьи по конкретному делу.

Представляется, что истцам при формулировании требований так называемой «просительной» части искового заявления следует обосновывать не только сумму, подлежащую компенсации в качестве имущественного вреда, но и сумму, подлежащую взысканию с ответчика в качестве компенсации морального вреда (на практике же о втором зачастую забывают). Так как, основным видом ответственности в сфере перевозок, помимо штрафа, является возмещение имущественного вреда, то возмещение морального вреда автоматически становится дополнительным (факультативным, а, следовательно, необязательным) видом ответственности перевозчика при перевозке пассажиров и багажа. Денежное выражение морального вреда не должно быть как завышенным, так и заниженным, из этого следует вывод, что недостаточно лишь указать сумму, подлежащую взысканию с ответчика, необходимо указать, из чего данная сумма складывается, а именно, какие конкретно физические или нравственные [7] страдания понес гражданин в результате нарушения его прав как пассажира, с указанием наступивших для него неблагоприятных последствий. В свою очередь, завышение либо занижение судом суммы, подлежащей взысканию в качестве морального вреда, суд последующей инстанции может расценить как нарушение принципа разумности и справедливости (статья 1101 ГК и статьи 6.1, 99, 100, 107 ГПК РФ [4]).

Примером исполнения перевозчиком обязанности по возмещению морального вреда может послужить гражданское дело по иску двух граждан к авиационной компании ОАО «Континент» о возмещении ущерба, компенсации морального вреда, вызванного неисполнением договора перевозки пассажира. Суть иска такова: данные граждане приобрели авиабилеты, но обязательства по договору ответчиком выполнены не были, так как рейс был сорван из-за банкротства авиакомпании. Стоимость данных авиабилетов истцам не была возмещена. Помимо этого, они были вынуждены воспользоваться услугами другой авиакомпании. Так как права истцов как потребителей были нарушены, суд полностью удовлетворил иски граждан, в том числе и о компенсации морального вреда [19].

Таким образом, на основе анализа позиций ученых-цивилистов, норм общегражданского и отраслевого транспортного законодательства, а также сложившейся судебной практики, можно сделать вывод, что компенсация морального вреда при перевозке пассажиров и багажа — полноценный институт гражданско-правовой ответственности в транспортной сфере, требующий

подробного теоретического изучения, а так же законодательного регулирования. Указанный способ защиты прав широко и повсеместно используется пассажирами при урегулировании споров как в досудебном порядке, так и в судебном. В настоящий момент остается

неурегулированным вопрос размера возмещаемого морального вреда, который решается на усмотрение суда, поэтому представляется необходимым в дальнейшем урегулировать порядок расчета морального вреда на законодательном уровне.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // «Российская газета». 1993. № 237; «Собрание законодательства РФ». 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1994. № 32. Ст. 3301; 2015. № 42. Ст. 2304.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ. (в ред. от 29.06.2015 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996. № 5. Ст. 410; 2015. № 27. Ст. 4001.
4. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2015 № 393-ФЗ) // «Собрание законодательства РФ». 2002. № 46. Ст. 4532; 2016. № 1 (часть I). Ст. 13.
5. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (в ред. ФЗ от 13.07.2015 г. № 233-ФЗ) // «Собрание законодательства РФ». 1996. № 3. Ст. 140; 2015. 29 (часть I). Ст. 4359.
6. Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» в ред. Федеральных законов от 26.11.2001 г. № 147-ФЗ, от 09.04.2009 г. № 56-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 1996. № 5. Ст. 411; 2001. № 49. Ст. 4553; 2009. № 15. Ст. 1778.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 6) // «Российская газета». — 1995. — № 29. — С. 46; 2007. — № 37. — С. 43.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // «Российская газета». — 2012. — № 5829. — С. 56.
9. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга четвертая: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. // М.: Статут. — 2006. — С. 334.
10. Боровик И. Ответственность перевозчика за нарушение обязательств железнодорожной перевозки грузов // Транспортное право. — 2007. — № 1. — С. 23–30.
11. Гражданское право России. Обязательственное право: Курс лекций (под ред. Садикова О. Н.). // М.: Юрист — 2004. — 776 с.
12. Жуйков В. Возмещение морального вреда. // Бюллетень Верховного суда РФ. — 1994. — № 11. — С.15.
13. Залесский В. В. О защите прав пассажира в отношениях с транспортной организацией — перевозчиком // Право и экономика. — 2000. — № 9. — С. 51–23.
14. Садиков О. Н. Гражданское право России. Обязательственное право. — М. — Юридическая фирма КОНТРАКТ: ИНФРА-М. — 2006. — С.458 (автор главы О. Н. Садиков).
15. Санникова Л. В. О правовой природе транспортных обязательств // Юрист. — 2007. — № 5. — С. 22–32.
16. Суханов Е. А. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1: Общая часть. 4-е изд. // Статут. 2015. 958 с.
17. Суханов Е. А. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 2: Обязательственное право. 4-е изд. // Статут. 2014. 1208 с.
18. Ткаченко Е. В., Клеандров М. И. Порядок исполнения договора на оказание услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования // Транспортное право. — 2006. — № 3. — С. 20–31.
19. Решение Видновского городского суда Московской области от 27 января 2012 г. // Архив Видновского городского суда за 2012 г. Дело № 2–0146/2012.

Проблемные вопросы судебной подведомственности споров, возникающих из трудовых отношений

Иванова Марина Борисовна, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

Существующая сегодня система и процессуальная форма защиты прав в сфере трудовых правоотношений имеют ряд специфических особенностей. Нормы трудового и смежных с ним отраслей права носящие материально-правовой характер не могут не воздействовать на процедуру разрешения трудовых споров. Это воздействие сильно изменяет структуру процессуального рассмотрения дел по спорам, возникающих из трудовых и иных, связанных с ними правоотношений, и обуславливает необходимость создания иного процессуального порядка рассмотрения и разрешения трудовых дел, так как существующий на сегодняшний день порядок во многом не соответствует гражданской процессуальной форме.

Несмотря на всю важность проблемных вопросов процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения дел, возникающих из трудовых правоотношений, разрешению этих вопросов не уделялось должного внимания.

В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 22 ГПК РФ и статей 382, 391 Трудового кодекса РФ дела по спорам, возникшим из трудовых правоотношений, подведомственны судам общей юрисдикции.

Если говорить о категории подведомственности, то можно привести высказывание И. М. Зайцева, который определяет подведомственность как свойство дел, в силу которых их рассмотрение и разрешение отнесено законом к ведению определённого юридического органа [1, с. 127].

Исходя из этого, под подведомственностью трудовых споров можно понимать распределение компетенции по рассмотрению трудовых споров между юрисдикционными органами, правомочными рассматривать такие споры и выносить решение, обязательное для исполнения всеми субъектами трудовых правоотношений.

Компетенция юрисдикционного органа по рассмотрению трудовых споров определяется разновидностью этого спора по субъектам, принимающим участие в споре, и по предмету этого спора.

Трудовые споры, как известно, подведомственны как судам общей юрисдикции, так и специально уполномоченным на то органам — комиссиям по трудовым спорам, трудовому арбитражу, а также иным органам, наделенным юрисдикционными полномочиями в соответствии с существующим законодательством РФ, например Федеральной инспекции по труду.

Трудовой кодекс РФ не содержит положений об обязательности предварительного внесудебного порядка разрешения трудового спора комиссией по трудовым спорам, лицо, считающее, что его права нарушены, по собственному усмотрению выбирает способ разрешения индивидуального трудового спора и вправе либо первоначально

обратиться в комиссию по трудовым спорам (кроме дел, которые рассматриваются непосредственно судом), а в случае несогласия с ее решением — в суд в десятидневный срок со дня вручения ему копии решения комиссии, либо сразу обратиться в суд. Если индивидуальный трудовой спор не рассмотрен комиссией по трудовым спорам в десятидневный срок со дня подачи работником заявления, он вправе перенести его рассмотрение в суд.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [2] при принятии искового заявления судья обязан определить, вытекает ли спор из трудовых правоотношений, т. е. из таких отношений, которые основаны на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы), подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором, а также подсудно ли дело суду в который подано заявление.

В ходе разрешения трудовых споров нормы трудового кодекса РФ действуют на всех работников, находящихся в трудовых отношениях с работодателем, и соответственно подлежат обязательному применению всеми работодателями (юридическими или физическими лицами) независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности.

Трудовой кодекс РФ не распространяется на военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы, членов советов директоров (наблюдательных советов) организаций (за исключением лиц, заключивших с данной организацией трудовой договор), лиц, работающих на основании договоров гражданско-правового характера, других лиц, если это установлено федеральным законом, кроме случаев, когда вышеуказанные лица в установленном Кодексом порядке одновременно не выступают в качестве работодателей или их представителей.

Если между сторонами заключен договор гражданско-правового характера, однако в ходе судебного разбирательства будет установлено, что этим договором фактически регулируются трудовые отношения между работником

и работодателем, к таким отношениям в силу части четвертой статьи 11 ТК РФ должны применяться положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права.

Нормы, определяющие подведомственность трудовых споров содержатся в статьях 308, 348, 390, 391, 412, 413 трудового кодекса РФ, а также в ст. 22 гражданско-процессуального кодекса РФ. Так же, независимо от того, какой закон определяет подведомственность, эти нормы относятся к гражданскому процессуальному институту подведомственности.

Большинство учебников и учебных пособий по гражданскому процессу классифицируют подведомственность на исключительную (единичную) и множественную, которая, в свою очередь, делится на императивную и альтернативную, или смешанную [3, с.106]. Такая классификация используется для определения подведомственности трудовых споров.

При исключительной подведомственности спор о трудовых отношениях разрешается лишь одним органом — судом (например рассмотрение дел по заявлению работника о восстановлении на работе, о переводе на другую работу, а также иные дела, перечисленные в ст. 391 трудового кодекса РФ).

При множественной подведомственности трудовые дела могут рассматриваться как например КТС, так и судом.

При императивной подведомственности законодательство определяет последовательность обращения в разные органы. Так, согласно статье 385 трудового кодекса РФ, до обращения в комиссию по трудовым спорам работник должен осуществить действия по разрешению разногласий посредством проведения переговоров с работодателем или же, при обращении в суд с заявлением об установлении юридического факта о подтверждении трудового стажа работник должен обратиться в орган, который вправе удостоверить тот или иной юридический факт и выдать соответствующие документы.

Альтернативная подведомственность предполагает, что заинтересованное лицо само избирает орган, в который желает обратиться за защитой своих нарушенных трудовых прав.

Литература:

1. Зайцев И. М. Судебная подведомственность гражданских дел // Викут М. А., Зайцев И. М. Гражданский процесс в России: учебник. М., 2001.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 3, март, 2007.
3. Решетникова КВ., Яркое В. В. Гражданский процесс. М., 2002.; Гражданский процесс: учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М., 1999.

Что касается индивидуальных трудовых споров, то независимо от предмета и субъекта спора к ним применяется «принцип универсальной подведомственности юридических дел судам общей юрисдикции».

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» отмечено, что в силу пункта 1 части 1 статьи 22 ГПК РФ и статей 382, 391 трудового кодекса РФ дела по спорам, вытекающих из трудовых правоотношений, подведомственны судам общей юрисдикции.

Существенный объём гражданских дел по трудовым спорам, подведомственен судам общей юрисдикции и разрешается в исковом производстве. Такие споры могут быть связаны как с нарушением субъективного права (например, когда в ходе действий одного из участников ущемляются чьи-то блага), так с оспариванием взаимоотношений (когда в результате поведения участника спора становится неясным содержание правоотношения).

В ходе рассмотрения трудового спора в исковом производстве следует руководствоваться следующими основными признаками искового производства:

- существованием спора о праве, который должен рассматривать суд;
- равенством участников спора;
- предмет рассматриваемого спора — нарушенное, оспоренное право или охраняемый законом интерес;
- средством обращения в суд является
- исковое заявление, отвечающее требованиям ст. 131 ГПК РФ.

Принимая исковое заявление, перед судьей стоит задача корректно определить подведомственность этого спора, выяснить, из каких конкретно взаимоотношений (трудовых или гражданско-правовых) образовался спор, решить вопрос о принятии или отказе в принятии иска.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что существующее законодательство в области регулирования трудовых споров имеет как сильные, так и слабые, проблемные стороны. Необходима дальнейшая научная разработка этой темы в целях совершенствования существующего законодательства.

Историко-теоретические особенности социализации российского права

Кицай Юлиана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

В российском законодательстве отсутствует понятие социального предпринимательства, социальных предприятий (социализированных организаций), критериев закрепления за социализированными организациями статуса социального предприятия, системы государственного содействия и поддержки социализированных организаций на всех уровнях власти [4]. Причем в большинстве стран мира данные предприятия успешно действуют в качестве фундамента социальной экономики, а корпоративное законодательство обеспечивает правовые основы их деятельности.

В связи с этим в развитие конституционного принципа социального государства в качестве первоочередного направления социализации гражданского законодательства необходима разработка его составной части — Концепции социализации корпоративного законодательства. Для этого следует вначале определиться, что понимается под «социализацией права».

Несмотря на то, что сегодня появляются исследования, не только традиционно посвященные правовой социализации личности [10], но и социализации права, тем не менее, единство среди ученых по данной проблематике отсутствует. Вместе с тем отрадно, что в настоящее время проблема социализации поднимается в научной литературе во взаимосвязи с проблематикой структурирования права [15], предлагая научному сообществу поучаствовать в дискуссии о системе права и законодательстве.

В ходе ранних дискуссий, проходивших в СССР в 1938—1940 и в 1956—1958 гг., вопрос о специальной социализации права подниматься не мог, поскольку официально страна признавалась социалистической и соответственно советское право также было социалистическим. В ходе дискуссии в 1982 г., хотя вопрос о социализации права и не поднимался, но, тем не менее, была отмечена тенденция к появлению комплексных правовых образований в праве (комплексных институтов, комплексных отраслей) [2, с. 156—160, 184—196], что в последующем в постсоциалистический период стало базисом для обоснования возможности появления на пересечении частного и публичного права, отсутствовавших по идеологическим причинам в советской правовой системе, права социального. Причина в том, что вопрос о традиционном для зарубежного «капиталистического» права делении на право частное и публичное в советское время также не принимался во внимание. Однако в научных кругах деление на право частное и публичное было достаточно популярно. Несмотря на существование в научной литературе со времен Ульпиана различных теорий по предложению критериев разделения права на частное и публичное, формальный критерий, основанный на выводе о существовании двух ведущих режимов (диспозитивного и императивного), в советское время был

наиболее жизнеспособным, что и сегодня поддерживается большинством цивилистов.

Появление комплексности права — процесс не случайный, а объективный, обусловленный социальным прогрессом, влияющим на динамику общественных отношений в направлении обеспечения возрастающих социально-имущественных потребностей и интересов. Данный процесс в научной литературе принято называть социализацией права: «Именно императивные установления государства являются правовыми средствами социализации» [7, с. 88]. При этом уточняется, что «социализация законодательства осуществляется посредством публичных норм гражданского законодательства, т. е. посредством его публикации. Однако публикация ограничивается установлением публичных начал, в то время как социализация означает направленность законодательства на улучшение социально-экономического положения граждан России» [8, с. 110]. В связи с этим можно согласиться с тем, что под социализацией права «следует понимать нацеленность правового инструментария на обеспечение социальной защищенности граждан и их объединений» [5, с. 95], использование его «как инструмента в целях относительно справедливого распределения материальных благ среди индивидов» [1, с. 38].

При смене парадигмы общественного развития одни институты устаревают и утрачивают свое значение, поскольку отмирает необходимость существования тех или иных экономических отношений, другие — наоборот, появляются вследствие прогресса. С развитием экономических отношений возникают новые юридические отрасли, подотрасли, институты, пытающиеся адекватно отображать социальные изменения, предлагая новые правовые инструменты, соответствующие правовой природе и методу регулирования обновленных общественных отношений. В рыночной экономической системе в считавшиеся в советское время сугубо публичными отрасли стали проникать диспозитивные элементы, наиболее адекватные современному развитию общественных отношений.

Органическое переплетение частного и публичного права создает феномен социального права [13, с. 63], т. е. конвергенцию частного и публичного права [11]. Под юридической сущностью конвергенции частного и публичного права понимается «их сближение, состоящее в проникновении частного права в публичную сферу общественных отношений, а публичного — в частную» [11, с. 222], характеризующееся сочетанием частноправовых и публично-правовых методов регулирования данных общественных отношений [11, с. 224]. В результате конвергенции частного и публичного права появляется новое правовое образование — право социальное как их партнер в обеспечении

частных, публичных и социальных интересов. Если частный интерес опосредует главным образом субъективное право, а публичный интерес — юридическая обязанность, то социальный интерес является категорией юридического долга [15, с. 185].

По мере развития процессов публикации частного права и цивилизации публичного права квалификация правовых отраслей еще более усложняется [15, с. 182]. По мнению исследователей, в научной литературе общие переходные явления в развитии российской многоотраслевой системы права в аспекте его социализации в большей степени сказываются в различии взглядов на отраслевую принадлежность социального обеспечения во взаимосвязи с формированием новой отрасли — социального права.

В результате дифференциация правового регулирования, проявляющаяся в разделении системы права на отрасли, подотрасли и институты, привела к появлению права социального обеспечения, отделившегося от трудового права. Сегодня одни авторы обосновывают вывод о перспективах развития социального обслуживания как подотрасли права социального обеспечения в направлении смыкания с материнской отраслью гражданского права [6, с. 12]. Другие считают необходимым сохранение границ предмета и названия отрасли социального обеспечения [14, с. 328]. Вместе с тем в настоящее время некоторые ученые прогнозируют развитие отрасли права социального обеспечения в комплексную отрасль социального права [12, с. 4]. При этом под социальным правом предлагается понимать упорядоченную совокупность правовых норм, закрепляющих «распределительную справедливость» вне рыночных механизмов [13, с. 51]. Как комплексная отрасль права социальное право, по их мнению, включает совокупность правовых норм, регламентирующих общественные отношения, возникающие в связи и по поводу практической организации и осуществления социальной защиты российского населения в целях смягчения социальной напряженности в обществе [12, с. 11].

По мнению специалистов, в науке социально-обеспечительного права социальная защита российских граждан должна обеспечиваться Социальным кодексом Российской Федерации [12, с. 11]. Не менее перспективным видится необходимость принятия Федеральных законов о социальной экономике или об основах государственного регулирования предпринимательской деятельности, в которых были бы обозначены основные направления развития социальной экономики, цели, принципы и методы государственного регулирования предпринимательства [3, с. 32], в которых должен быть предусмотрен специальный раздел, посвященный социальному предпринимательству и поддержке социальных предприятий [9, с. 39]. Эта позиция основывается на выводе, что в качестве альтернативы правовой модели социальной защиты следует рассматривать социальное предпринимательство. По мнению Я. С. Гришиной, основным системообразующим элементом социального (гуманитарного) права призванного обеспечить социально-имущественные потребности, является предпринимательское право как комплексная отрасль законодательства [9, с. 421].

Вопрос о том, в каком нормативно-правовом акте должен быть нормативно обеспечивающий социально-имущественные потребности граждан специальный раздел — в Социальном кодексе, в Гражданском кодексе или в специальных Федеральных законах, — это вопрос юридической техники. При этом, на наш взгляд, субъектами социального права должны стать социальные предприятия — социализированные организации, являющиеся основой социальной экономики и социального государства, а также граждане, в первую очередь лица, менее социально защищенные, находящиеся в трудной жизненной ситуации, интересы которых должны учитываться при переходе к постиндустриальному обществу. Пока очевидно одно, что система российского законодательства развивается без учета тенденции социализации права, а Гражданский кодекс не соответствует «кодексу социального государства» с социально ориентированной экономикой.

Литература:

1. Александрова А. В., Соломатин А. Ю. Социализация права в условиях модернизации. Европейский и американский подходы // Модернизация права: зарубежный и отечественный опыт: Сборник научных статей. Пенза. НИЦ ПГУ, 2004. С. 38–46.
2. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. 264 с.
3. Андреева Л. В. Развитие коммерческого (торгового) права в свете принятия закона об основах государственного регулирования торговой деятельности // Бизнес и право в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 32–36.
4. Барков А. В. О социальной значимости и актуальности легализации дефиниции «Социальное предпринимательство» в российском законодательстве (Мнение эксперта) // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда (ЭПОС). 2015. № 1. С. 67–69.
5. Барков А. В. Проблемы социализации частного права и законодательства // Концепция частного и публичного права России: Азбука частного права: Монография / Под ред. В. И. Иванова, Ю. С. Харитоновой. М., 2014. С. 91–115.
6. Барков А. В. Рынок социальных услуг: проблемы правового регулирования: автореф. дисс. докт. юрид. наук. М., 2008. 60 с.

7. Богданов Д. Е. Социализация гражданско-правовой ответственности как направление совершенствования действующего законодательства // Актуальные проблемы правоождения. Научно-теоретический журнал. Самара: изд-во СГЭУ, 2008 № 2. С. 83–87.
8. Богданов Е. В. Влияние научных взглядов Леона Дюги на развитие гражданского права // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 32–38.
9. Гришина Я. С. Механизм взаимодействия частных и публичных правовых средств обеспечения социально-имущественных потребностей в условиях моделирования юридической конструкции социального предпринимательства (под ред. проф. Н. А. Барина). Саратов: изд-во «Слово», 2014. 476 с.
10. Жинко А. Н. Социализация законодательства как проблема социализации права // Юридические науки. 2012. № 3. С. 11–14.
11. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М. 2011. 240 с.
12. Лепихов М. И. Право и социальная защита населения в России (социальное право). М.: Былина, 2000. 696 с.
13. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. — 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2009. 879 с.
14. Лушникова М. В., Лушников А. М., Тарусина Н. Н. Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений. Ярославль, 2001. 432 с.
15. Парягина О. А. Проблемы структурирования права в аспекте его социализации // Правоведение. 2004. № 6. С. 177–189.

Роль нотариуса в наследовании земельных участков и имущественных прав на них

Кудряшов Дмитрий Юрьевич, студент
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Наследственные отношения, являющиеся по своей природе гражданско-правовыми, направлены на обеспечение стабильности гражданского оборота. Переход имущества, прав и обязанностей наследодателя к наследникам в порядке универсального правопреемства представляет собой совокупность различных правоотношений, возникающих в связи с необходимостью принятия наследства и определения дальнейшей судьбы наследственной массы. Особенно сложным представляется наследование земельных участков и имущественных прав на них.

В этой связи, государство должно гарантировать возможность перехода имущества, прав и обязанностей наследодателя к наследникам. Это достигается посредством установления механизмов правового регулирования наследственных правоотношений, в которых ключевую роль играет субъект, обеспечивающий переход прав. Государство, такими полномочиями наделило нотариуса. Нотариус в наследственных правоотношениях выступает в качестве властного правоприменительного органа, обеспечивающего охрану прав и законных интересов наследодателя, наследников, кредиторов наследодателя, используя при этом печать с изображением Государственного герба Российской Федерации и действующий, как частное лицо, наделенное публично-правовыми функциями государства. Хотелось бы отметить, институт государственного нотариата в настоящее

время «умер», ему на смену пришел частный нотариат с принципами самофинансирования и саморегулирования.

Как уже было отмечено, наследственные правоотношения, всегда представляются собой совокупность отношений, связанных на выдачу свидетельства о праве на наследство. В силу того, что нотариус наделен со стороны государства властными полномочиями, он осуществляет руководство в процедуре наследования, формирует определенный «модус», который обеспечивает переход права от наследодателя к наследнику. По отношению к наследованию земельных участков ч.3 ГК РФ установлены те же правила, что и к остальному имуществу. Но существуют особенности. При оформлении наследственных прав нотариус проверяет принадлежность земельного участка наследодателю, а так же постановки земельного участка на кадастровый учет. В первую очередь принадлежность земельного участка определяется по запросу в Единый государственный реестр прав, при этом в случае утери или невозможности предоставить наследником правоустанавливающий документ, нотариус может самостоятельно запросить в Росреестре «Справку о содержании правоустанавливающих документов на земельный участок», которая подтвердит возникновение права собственности наследодателя на земельный участок. В случае если наследодатель не проводил Государственную регистрацию права

на земельный участок и в Едином Государственном реестре не содержится сведений о правообладателе, нотариус проводит правовую экспертизу представленных наследником правоустанавливающих документов. Для подтверждения возникновения права собственности на земельный участок нотариус вправе запросить у наследника, архивную справку правоустанавливающего документа и Выписку из похозяйственной книги сельской администрации, которая подтверждает возникновение право собственности у наследодателя на земельный участок и размер земельного участка. При этом нотариус в обязательном порядке проверяет отсутствие сведений о государственной регистрации в Едином государственном реестре и наличие сведений о постановки участка на кадастровый учет. К сожалению похозяйственные книги ведутся местными властями только в сельской местности, таким образом, в случае утери правоустанавливающих документов на участок расположенном в городской черте и отсутствие сведений о государственной регистрации в Едином государственном реестре, у наследника остается только право обратиться в суд для оформления права собственности на земельный участок.

Нотариус в праве отказать в выдаче свидетельства о праве на наследство наследникам, если документы не соответствуют ст. 45 Основ законодательства РФ о нотариате, в частности «В случае, если указанные документы исполнены на бумажных носителях, они не должны иметь подчисток или приписок, зачеркнутых слов либо иных неоговоренных исправлений и не могут быть исполнены карандашом или с помощью легко удаляемых с бумажного носителя красителей. Текст документа должен быть легко читаемым. Целостность документа, состоящего из нескольких листов, должна быть обеспечена путем его скрепления или иным исключаяющим сомнения в его целостности способом». В случае отказа нотариусом в выдаче свидетельства о праве на наследство на земельный участок по тем или иным основаниям, наследственные права оформляются общим порядком, установленным ГК РФ в суде.

При этом во всех наследственных правоотношениях обязательно участие нотариуса, не существует наследственного правоотношения в котором бы не участвовал нотариус, для примера участвовали бы только наследник и наследник. Например, если наследник хочет отказаться от наследства в пользу другого наследника, он может реализовать данное право только, направив соответствующее заявление об отказе от наследства нотариусу. В данной статье не рассматриваются примеры наследования имущества через суд. Нотариус в сфере наследования земельных участков несёт функции «превентивного правосудия», удостоверяя бесспорность факта принадлежности земельного участка или имущественных прав на них и основания для наследования.

Нотариус, занимающийся частной практикой, несет полную имущественную ответственность за вред, причиненный имуществу гражданина или юридического лица

в результате совершения нотариального действия, противоречащего законодательству Российской Федерации, или неправомерного отказа в совершении нотариального действия, а также разглашения сведений о совершенных нотариальных действиях.

Возмещение вреда осуществляется за счет страхового возмещения по заключенному договору страхования гражданской ответственности нотариуса, занимающегося частной практикой, а при его недостаточности — в порядке ст. 1072 Гражданского кодекса РФ за счет имущества такого нотариуса в пределах разницы между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

Согласно ст. 18 Основ законодательства РФ о нотариате размер страховой суммы по договору страхования гражданской ответственности нотариуса не должен быть менее: 5 000 000 рублей.

При этом в случае недостаточности этого возмещения, действует компенсационный фонд региональной нотариальной палаты и Федеральной нотариальной палаты.

Для того чтобы определить роль нотариуса в обеспечении перехода права на земельный участок в порядке наследования, обозначим основные подходы в определении правового статуса нотариуса.

Необходимость установления специальных правил поведения нотариуса, в обеспечении перехода земельных участков в порядке наследования обуславливается межотраслевым регулированием наследования земельных участков с особенностями, установленными земельным законодательством. Хотелось бы отметить, что из содержания земельного законодательства можно сделать вывод о наличии двух видов ограничений:

- 1) «условные» ограничения, вытекающие из необходимости целевого использования земельного участка;
- 2) ограничения, устанавливающие прямой запрет собственнику земельного участка на совершение действий по владению, пользованию, распоряжению земельным участком.

Данные ограничения, влияющие на состав наследственной массы, потенциальных наследников должны быть специально оговорены в нормативно-правовых актах. Например, если к иностранным гражданам, на основе свидетельства о праве на наследство переходят земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, наследник впоследствии обязан произвести отчуждение земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения в течение года со дня возникновения права собственности на эти земельные участки или права собственности на доли в праве общей собственности на земельный участок.

В этой связи считаем необходимым дополнить Методические рекомендации по оформлению наследственных прав, утвержденные Правлением ФНП в части регулирующих особенности оформления наследственных прав на земельные участки сельскохозяйственного назначения при наследовании земельных участков: во-первых,

иностранными гражданами, иностранными юридическими лицами, лицами без гражданства, а также юридическими лицами, в уставном (складочном) капитале которых доля иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства составляет более чем 50 процентов; во-вторых, при невозможности соблюдения предельных размеров и требований к местоположению земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нотариус в наследственных правоотношениях выступает в качестве властного правоприменительного органа, обеспечивающего охрану прав и законных интересов наследодателя, наследников, кредиторов наследодателя. Нотариус наделен со стороны государства властными полномочиями, он осуществляет руководство в процедуре наследования.

Считаем, права и обязанности нотариуса применимо к наследственным правоотношениям, можно разделить на две группы:

- 1) общепрофессиональные
- 2) специально-процедурные.

Общепрофессиональные права и обязанности раскрывают статус нотариуса, подведомственность для возникающих из наследственных отношений.

Специально-процедурные права, конкретизируют общепрофессиональные права и обязанности в рамках наследственных правоотношений. Можно выделить следующие специально-процедурные права нотариуса: толковать завещания, принимая во внимание буквальный смысл содержащихся в нем слов и выражений; удостоверить полномочий исполнителя завещания; для защиты прав наследников, отказополучателей и других заинтересованных принять необходимые меры по охране наследства и управлению им; в целях выявления состава наследства и его охраны закрывать банки, другие кредитные организации и иные юридические лица об имеющихся у этих лиц сведениях об имуществе, принадлежавшем наследодателю;

для охраны наследства производить описание наследственного имущества в присутствии двух свидетелей.

К числу специально-процедурных обязанностей нотариуса можно отнести обязанность: до открытия наследства не разглашать сведения, касающиеся содержания завещания, его совершения, изменения или отмены; предупредить свидетеля, а также гражданина, подписывающего завещание вместо завещателя, о необходимости соблюдать тайну завещания; разъяснить завещателю содержание права на обязательную долю и сделать об этом на завещании соответствующую запись; разъяснить завещателю, совершившему закрытое завещание, необходимость составления закрытого завещания собственноручно; по представлении свидетелем акта о смерти лица, совершившего закрытое завещание, не позднее чем через пятнадцать дней со дня представления свидетельства вскрывает конверт с завещанием в присутствии не менее чем двух свидетелей и пожелавших при этом присутствовать заинтересованных лиц из числа наследников по закону.

Анализ норм земельного, гражданского законодательства, а также норм Основ законодательства о нотариате позволяет сделать вывод об отсутствии специальных правил поведения нотариуса, в обеспечении перехода земельных участков в порядке наследования. Считаем ограничения, установленные земельным законодательством и влияющие на состав наследственной массы, потенциальных наследников должны быть специально оговорены в нормативно-правовых актах, регулирующих нотариальную деятельность.

Постоянно возрастает роль нотариуса в земельных правоотношениях в общем, и при наследовании земельных участков в частности, в частности все больше и больше нотариус использует цифровых средств в процедуре оформления наследственных прав на земельные участки, в частности применяя государственную регистрацию права в электронном виде.

Литература:

1. «Основы законодательства РФ о нотариате» от 11.02.1993 г. № 4462–1.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации.
3. Приказ Минюста России от 16.04.2014 № 78 «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства».
4. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (Утверждены решением Правления Федеральной нотариальной палаты Протокол № 02/07 от 27 февраля 2007 г.)

Особенности правового положения государства-акционера

Лушникова Варвара Алексеевна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

К участникам гражданско-правовых и корпоративных правоотношений относятся не только физические и юридические лица, но и государство. В соответствии со статьей 124 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), оно выступает «в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений...» [2]. Однако, являясь организацией публичной власти, государство выполняет в обществе ряд важных специфических функций, что накладывает определенный отпечаток и на характер его участия в делах корпорации.

Представляется, что проблема некоторой неопределенности правового положения государства как акционера связана, в первую очередь, с отсутствием единого нормативного правового акта или, хотя бы, специального раздела в акционерном законе, регламентирующим такую роль Российской Федерации. Так, в Федеральном законе «Об акционерных обществах» [3] можно встретить всего лишь несколько статей, посвященных данному вопросу. Подобное положение вещей видится недопустимым, принимая во внимание тот факт, что первую десятку «голубых фишек» ММВБ в основном составляют именно компании с государственным участием [1].

В виду ограниченности объема настоящей работы, предметом нашего исследования являются специфические черты правового положения государства как акционера. Заострять внимание на нормах, применимых и к любому другому акционеру, мы не будем.

Пункт 2 статьи 124 ГК РФ закрепляет применение к государству как участнику гражданско-правовых и корпоративных отношений положений, определяющих участие юридических лиц в таких правоотношениях [2]. Являясь юридическими фикциями, ни юридическое лицо, ни государство не могут выражать свою волю самостоятельно, они делают это посредством своих органов. Для государства таким органом в данном случае является Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (далее — Росимущество или Агентство), осуществляющее «полномочия собственника в отношении... акций (долей) акционерных (хозяйственных) обществ...» [7]. Детализация и конкретизация таких полномочий осуществляются в нормах Постановления Правительства РФ «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении открытыми акционерными обществами («Золотой акции»)» (далее — Постановление № 738). Так, в акционерных обществах, все голосующие акции которых находятся в федеральной собственности, Росимущество осуществляет полномочия общего собрания акционеров, решение

которого оформляется распоряжением Агентства. В акционерных обществах, имеющих в качестве собственников голосующих акций не только государство, Росимущество занимается внесением вопросов в повестку дня общего собрания акционеров, назначает представителя для голосования на этом собрании, выдвигает кандидатов для избрания в органы управления, счетную и ревизионную комиссии, может собрать внеочередное общее собрание и пр. [6].

Помимо Росимущества права акционера от имени государства осуществляет Министерство обороны РФ и Управление делами Президента РФ (в отношении акционерных обществ, созданных путем приватизации унитарных предприятий, находящихся в ведении вышеназванных органов, а также, в случае с Министерством обороны, по решению Правительства РФ в отношении иных акционерных обществ) [6]. Отметим, что в дальнейшем мы не будем каждый раз делать оговорку о том, что для указанных обществ вместо Росимущества те или иные полномочия осуществляют Министерство обороны РФ или Управление делами Президента РФ, имея, однако, данный факт в виду.

Позиция Российской Федерации как акционера отражается в директивах, выдаваемых Росимуществом наряду с доверенностями представителям для голосования на общем собрании акционеров. В пункте 17 Постановления № 738 указан перечень вопросов, по которым Агентство обязано выдавать директивы представителям интересов государства в совете директоров (например, утверждение повестки дня общего собрания, увеличение уставного капитала путем размещения дополнительных акций и др.) [6]. Ряд вопросов возникает при сопоставлении данного положения со статьей 71 Федерального закона «Об акционерных обществах», содержащей норму об ответственности членов совета директоров перед обществом за убытки, причиненные их виновными действиями / бездействиями [3]. Оговорки о неприменимости данной нормы к представителям государства, голосующим в соответствии с выданными директивами, закон не содержит. Насколько правильно привлекать к ответственности лицо, выражающее не свою волю? Или же следует привлекать к ответственности только в случае, если лицо выходит за рамки указаний, содержащихся в директиве? Пока данная проблема нормативно не урегулирована, однозначно ответить на эти вопросы не представляется возможным.

Рассматривая вопросы правового положения акционерного общества с единственным акционером, следует обратить внимание на норму пункта 3 статьи 47 Закона об АО: в таком обществе решения по вопросам, отнесенным к компетенции общего собрания акционеров,

принимаются единолично этим акционером. Положения, определяющие порядок и сроки подготовки, созыва и проведения общего собрания, за исключением положений, регламентирующих сроки проведения годового общего собрания, не применяются [3]. Однако возникает некоторое рассогласование при обращении к текстам уставов акционерных обществ с единственным акционером-государством. Например, Устав ОАО «РЖД», 100 процентов акций которого принадлежит Российской Федерации, содержит положения, касающиеся вышеперечисленных вопросов [5].

Еще одна потенциальная проблема участия представителей государства в корпоративных правоотношениях — возможный конфликт публичного интереса государства и интереса акционерного общества, являющегося коммерческой организацией и, как следствие, имеющей в качестве основной цели извлечение прибыли. Мотив для участия государства в делах акционерного общества — реализация его функций с помощью рыночных инструментов.

Особо следует отметить вышеупомянутое специфическое корпоративное право, — «золотую акцию». Данная правовая конструкция позволяет государству осуществлять контроль за приватизируемым предприятием. Из статьи 38 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» следует, что «золотая акция» предоставляет государству широкий круг полномочий: вносить предложения в повестку дня годового общего собрания акционеров, требовать созыва внеочередного собрания; представители РФ, назначенные в совет директоров (наблюдательный совет) имеют право вето при принятии общим собранием акционеров решений по ряду важнейших вопросов (в частности, об изменении уставного капитала, устава общества, его реорганизации и ликвидации) [4]. Государство в случае использования «золотой акции» имеет доступ ко всем документам общества, а не только к тем, что поименованы в пункте 1 статьи 89 акционерного закона [3].

Еще одной особенностью является специальный порядок определения цены (денежной оценки) имущества по сделкам с заинтересованностью для обществ, владельцем от 2 до 50 процентов голосующих акций которого является государство, установленный пунктом 3 статьи 77 ФЗ «Об акционерных обществах» в целях контроля за эффективным использованием имущества акционерного общества, имеющего в качестве акционера Российскую Федерацию. После принятия советом директоров решения общество обязано уведомить о нем Росимущество. В случае получения отрицательного заключения от Агентства, общество должно отказаться от совершения сделки [3].

Интересна также позиция правоприменителя относительно возможности применения конструкции аффилированности к государству. Так, Министерство экономического развития Российской Федерации отмечает, что данные положения, «основанные на участии в уставных капиталах хозяйственных обществ, при применении гл. 11 Закона об АО не распространяются на публично-правовые образования» [8]. Одним из последствий такого разъяснения является следующая ситуация: при совершении сделок, подлежащих одобрению общим собранием акционеров, между акционерными обществами, в которых государство является акционером, его представители будут голосовать на данном собрании, тогда как рядовой акционер в сходной ситуации не был бы допущен до голосования по причине заинтересованности.

Не претендуя на исчерпывающий анализ, в заключение отметим, что положение государства как участника корпоративных правоотношений имеет свою специфику в сравнении с положением рядовых акционеров, что обусловлено его особой ролью в жизни общества, наличием административных ресурсов и репрессивных механизмов. Управление принадлежащими государству акциями в силу своей важности требует создания систематизированной нормативной базы, что позволит повысить эффективность такого управления.

Литература:

1. База расчета Индекса голубых фишек. URL: <http://moex.com/a598> (дата обращения 18.05.16).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 — ФЗ (ред. от 31.01.2016) // Российская газета. 1994. № 238–239.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
4. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 4. Ст. 251.
5. Постановление Правительства РФ от 18.09.2003 № 585 (ред. от 01.04.2016) «О создании открытого акционерного общества «Российские железные дороги» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 39. Ст. 3766.
6. Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 (ред. от 01.11.2012, с изм. от 30.04.2015) «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («Золотой акции»)» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 50. Ст. 5073.
7. Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 (ред. от 25.12.2015) «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 23. Ст. 2721.

8. Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 16.11.2009 № Д06–3271 «О заинтересованности Российской Федерации в совершении акционерными обществами сделок».

Влияние применения доктрины «снятия корпоративной вуали» на судебную практику и реформирование гражданского законодательства Российской Федерации

Муетдинова Зарема Феридовна, студент
Российский государственный университет правосудия

Статья посвящена изучению вопросов истории возникновения доктрины «снятия корпоративной вуали», ее сущности, практики применения в различных правовых системах. Доктрина возникла и широко применяется в странах англо-саксонского права. В Российской Федерации законодательно не закреплена, однако существуют случаи ее фактического применения судами. Возникает вопрос о необходимости формулирования положений доктрины и внесения изменений в законодательство Российской Федерации.

Основополагающим принципом корпоративного права является полная обособленность имущества юридического лица. Это означает, что именно юридическое лицо, а не его собственники, несет ответственность по своим сделкам, долгам и деликтам. Другими словами, ограниченная ответственность предоставляет существенное преимущество акционерам, директорам, должностным лицам и сотрудникам юридического лица, поскольку ни один из них не несет ответственности за действия, предпринятые от имени организации. Однако, существуют исключения из общей концепции ограниченной ответственности, поскольку имеет место практика недобросовестного использования положений закона, в частности, в качестве инструмента обмана кредиторов. Доктрина «приоткрытия корпоративной вуали», также известная как доктрина «прокалывания корпоративного занавеса», является способом привлечения к ответственности должностных лиц, директоров и акционеров по долгам организации. Кроме того, существуют попытки проникновения в «корпоративную завесу», чтобы привлечь к ответственности материнскую организацию по обязательствам дочерней компании.

Доктрина снятия корпоративной вуали зародилась в странах англо-саксонской системы права путем прецедентного правотворчества, а, следовательно, имеет некодифицированный характер. Концепция корпоративной вуали восходит к эпохальному решению Палаты лордов *Salomon V A Salomon and Co Ltd* 1897 г., которым был установлен примат ограниченной ответственности и обособленности юридического лица. Суд постановил о недопустимости привлечения к ответственности участника компании по обязательствам последней, подтвердив таким образом существование так называемой «корпоративной вуали», то есть отдельного существования «юридической личности» компании и «юридической личности» ее участников [1, 85]. По мнению лорда Холсбери, компания с ограниченной ответственностью должна была

рассматриваться «как и любой другой независимый человек со своими правами и обязательствами соответствующими себе». Многочисленные злоупотребления автономностью юридического лица и необходимость защиты прав кредиторов послужили причинами установления исключений из данного принципа и зарождения идеи снятия корпоративной вуали. Названием доктрины было дано американским правоведом Морисом Уормсером, который в 1912 г. опубликовал в *Columbia Law Review* статью «*Piercing the Veil of Corporate Entity*». Автор выступал за «снятие корпоративной вуали» в тех случаях, когда корпорация является лишь «альтер эго» своих акционеров, то есть продолжением их личности и создана для удовлетворения их личных интересов, в том числе для совершения противоправных действий с целью исключения персональной ответственности. [2, 496–518]. Одним из первых американских судебных актов, в котором были сформулированы основания снятия корпоративной вуали, стало принятое в 1905 г. решение федерального окружного суда штата Висконсин в деле *US v. Milwaukee Refrigerator Transit Co.* Согласно утверждению окружного судьи Сэнборна, выраженного в судебном решении: «корпорацию по общему правилу, и пока нет достаточных причин для обратного, следует рассматривать как отдельное юридическое лицо, но когда понятие юридического лица используется для нарушения публичных интересов, оправдания правонарушения, сокрытия обмана, оправдания преступления, то право должно расценивать корпорацию как ассоциацию лиц» [3].

В США судебной практикой был разработан целый перечень факторов, влияющих на возможность «снятия корпоративного занавеса», при этом необходимо учитывать, что корпоративное регулирование относится к предмету ведения штатов, поэтому практическое применение данной доктрины разнится. При применении данной доктрины учитываются следующие критерии: обман или введение в заблуждение посредством использования подконтрольного

юридического лица, смешение имущества, сфер деятельности, недокапитализация зависимой корпорации, а также несоблюдение корпоративных процедур в последней, доминирование участника, а также нарушение требования справедливости. В странах романо-германской правовой системы снятие корпоративной вуали обычно не рассматривается как особая судебная доктрина, однако, наблюдаются отдельные случаи фактического снятия корпоративной вуали на основании нормы о запрете злоупотребления правом либо в порядке восполнения пробела.

Вопрос о возможности применения концепции «приоткрытия корпоративной вуали» в российской правовой действительности на данный момент является одним из наиболее обсуждаемых и довольно проблематичных поскольку в законодательстве отсутствуют сформулированные нормы относительно ее применения. В связи с этим многие практические вопросы, связанные с защитой прав кредиторов корпораций, находятся в «подвешенном состоянии» и до сих пор не нашли правильного решения. Некоторые рассматривают данную концепцию в качестве «выхода из кризиса ограниченной ответственности» как регулятор дисбаланса интересов, возникшего между участниками корпоративных отношений вследствие злоупотребления последней. В частности, председатель ныне ликвидированного Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее ВАС РФ) А. А. Иванов, являющийся сторонником данной концепции, утверждал: «Внедрение этой доктрины в российское арбитражное судопроизводство станет еще одним шагом... к социальной ответственности бизнеса» [4]. Напротив, Е. Суханов не видит необходимости в тотальном внедрении концепции снятия корпоративной вуали в российскую практику, говоря о том, что каждый случай ее применения индивидуален и по сути, бизнес в Российской Федерации строится на том, что закрывается ото всех корпоративными щитами, что однажды прекратится, а соответственно и отпадет необходимость в применении доктрины [5]. И. С. Шиткина выделяет четыре института отражения доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском законодательстве: «при привлечении к ответственности основных обществ по обязательствам дочерних; при привлечении к ответственности иных контролирующих лиц; в процессуальных целях; в публично-правовых отношениях» [6, 2]. Говоря о проблемах внедрения доктрины «снятия корпоративной вуали в судебную практику. А. Иванов в одном из своих интервью отметил: «Это проблема менталитета судей, воспитанных в приверженности формализму, и сторон, которые не заявляют такие требования. Не за горами и то время, когда суды будут рассматривать проблемы «снятия корпоративной вуали». Если стороны будут заявлять и обосновывать такие требования, суды будут вынуждены их рассматривать. На формирование практики уйдет не менее двух лет» [4].

На данном этапе можно сказать, что законодатель фактически отказался от доктрины «снятия корпоративной вуали», но судами формируется «прецедентное право»,

где эта доктрина используется для аргументации применения особых способов защиты нарушенных интересов. Возможность применения доктрины связывается с постановлением Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу Parex bank, где ООО «Олимпия» обратилось с иском к АО «Парекс банк» и «Цитаделе банк» о расторжении договоров и взыскании по нему депозита и процентов [7]. Истец, обосновывая свои требования, ссылался на нарушение АО «Парекс банк» условий добросовестности ведения хозяйственной деятельности путем выделения в результате реорганизации ликвидных активов новосозданному АО «Цитаделе банк», при этом, оставив дебиторскую задолженность и низколиквидные активы в АО «Парекс банк». Сложность дела заключалась в необходимости обоснования его подсудности судам Российской Федерации путем доказывания факта осуществления деятельности ответчиков или наличия имущества на ее территории. Именно в данном постановлении впервые прямо указывается о необходимости применения концепции «снятия корпоративной вуали», в частности о том, что хоть и АО «Парекс банк» и «Цитаделе банк» не числятся в сводном реестре аккредитованных в Российской Федерации представительств иностранных компаний, а также в государственном реестре филиалов юридических лиц, фактически они осуществляли банковскую деятельность через представительства, которые функционировали от их имени, хотя формально и были представительствами третьих лиц. Таким образом, вышеназванные общества фактически являлись субъектами, которые были созданы в целях обхода законодательства Российской Федерации о банковском контроле. Эти обстоятельства подтверждают факт осуществления ответчиками предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации с использованием аффилированных лиц. При этом, в данном постановлении напрямую вопрос о применении доктрины «снятия корпоративной вуали» не поднимается, а лишь упоминается вскользь, однако, этим было положено начало ее применения в Российской Федерации. При этом, преимущественно данное постановление руководством к действию для арбитражных судов не стало. В постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2012 по делу N А56–38334/2011 судья Л. Н. Марченко подчеркнул: «Применение при рассмотрении дела какой-либо доктрины в качестве отдельного процессуального действия АПК РФ не предусмотрено» [8]. Преимущественно арбитражные суды занимают формалистическую позицию и полностью игнорируют требование истцов о применении доктрины снятия корпоративной вуали со ссылкой на несовпадение фактических обстоятельств рассматриваемых дел с прецедентным делом банка Parex. При этом, некоторые суды общей юрисдикции «снимают корпоративную вуаль», к примеру, в 2012 году Мещанский районный суд в деле «Dalemont Limited против Сенаторова» обратил взыскание на активы юридических лиц в счет погашения долга физического лица, ссылаясь

на то, что «через все юридические лица, привлеченные к участию в деле в качестве ответчиков, лицо осуществляет бенефициарное владение имуществом, т. е. является фактическим собственником имущества, на которое истец просил обратить взыскание». Постановление ФАС Московского округа по делу от 05.09.2013 № А40—41781/13—69—197 по заявлению коммандитного товарищества «С+Т Хандельсгезелльшафт мбХ и Ко.КГ» [9], в котором суд не согласился с доводами третейского суда о применении к публично-правовым отношениям «доктрины проникновения за корпоративную вуаль» и отказался исполнять решение третейского суда, основанное на аргументе в пользу этой доктрины. В решении Арбитражного суда Краснодарского края от 10.04.2013 по делу № А32—8406/2011 по иску Ямбулатовой М. М. к ООО «Южная Топливная Компания» и ООО «Южная Гавань» суд первой инстанции указал на то, что применение доктрины «снятия корпоративной вуали» позволило «прийти к выводу о том, что совершением оспариваемых сделок была выражена воля истца на покрытие долга общества, в котором он является руководителем, за счет общества, которое он фактически контролировал» [10]. В решении Арбитражного суда Красноярского края № А33—18291/2011 было упомянуто, что «в науке гражданского права, являющегося источником гражданского права, существует доктрина «снятия корпоративных покровов (вуали)», согласно которой в случае, если юридическое лицо создано лишь для видимости, в целях уклонения от ответственности, то по иску должен отвечать реальный владелец бизнеса». Суд также сослался на Концепцию развития гражданского законодательства, в которой сформулирована «возможность снятия корпоративных покровов», цель которой — «персонифицировать возложение ответственности за деятельность юридического лица» [11]

В российском законодательстве принципы автономности и ограниченной ответственности юридического лица основаны на двух статьях Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [12]. Согласно ст. 56 «Учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечают по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом либо учредительными документами юридического лица», а ст. 105 ГК говорит нам о том, что «дочернее общество не отвечает по долгам основного общества (товарищества)». Можно отметить два основных направления правового регулирования, первым из которых являются нормы о субсидиарной ответственности контролирующих лиц в законодательстве о банкротстве. Согласно пункту 4 ст. 1 Закона о банкротстве: «Если должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие действий и (или) бездействия контролирующих должника лиц, такие лица в случае недостаточности имущества должника несут субсидиарную ответственность по его обязательствам...» [13]. Согласно положениям п. 2 ст. 67.3

ГК РФ наступает солидарная ответственность по сделкам, заключенным дочерним обществом (товариществом) во исполнение указаний или с согласия основного общества (товарищества), за исключением случаев голосования основного хозяйственного товарищества или общества по вопросу об одобрении сделки на общем собрании участников дочернего общества, а также одобрения сделки органом управления основного хозяйственного общества, если необходимость такого одобрения предусмотрена уставом дочернего и (или) основного общества. Положения данной статьи конкретизируются в специальном законодательстве (п. 3 ст. 6 ФЗ «Об акционерных обществах», п. 3 ст. 6 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее ФЗ об АО, об ООО). Кроме того, в соответствии с п. 2 ст. 67.3 ГК РФ наступает субсидиарная ответственность основного общества (товарищества) при несостоятельности (банкротстве) дочернего общества по вине основного общества (товарищества), что также нашло свое отражение в специальном законодательстве (п. 4 ст. 10, п. 1 ст. 189.23 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Вторым направлением правового регулирования являются нормы об ответственности основного общества по сделкам дочернего. Ст. 105 ГК РФ говорит нам о том, что дочернее общество не несет ответственности по долгам основного, при этом хозяйственное общество признается дочерним, если основное хозяйственное общество имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом. Интересным с позиции усиления гражданско-правовой ответственности является п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, допускающий за виновные действия возможность привлечения к ответственности лица, фактически определяющего действия юридического лица, в том числе дающего указания лицам, названным в п. 1 и 2 ст. 53.1 ГК РФ. Иными словами, в данной норме речь идет о возможности привлечения к ответственности «теневых директоров».

Федеральным законом № 99-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее ФЗ № 99) предлагалось ввести в ГК РФ ст. 53.4, где предусматривалась ответственность лиц, контролирующих юридическое лицо, в случаях, когда действия юридического лица совершены во исполнение указаний контролирующего лица, совершение действий направлено на ограничение ответственности контролирующего лица, которую оно понесло бы, если бы действия были совершены самим контролирующим лицом, и при этом такими действиями причинен вред другому лицу, контролирующее лицо было обязано предотвратить причинение вреда другому лицу при совершении действий подконтрольным юридическим лицом, однако не сделало этого [15]. Такой подход более или менее отражает суть доктрины «снятия корпоративной вуали» в западной правовой доктрине. В первоначальной редакции проект Федерального закона № 99 предусматривал отдельный институт «аффилированности», и правовую

регламентацию контролирующих и контролируемых лиц, и унификацию ответственности контролирующих лиц по обязательствам подконтрольных, раскрывая таким образом доктрину «снятия корпоративной вуали». К сожалению, в окончательной редакции данного закона законодатель по тем или иным причинам отказался от введения норм о преодолении принципа ограниченной ответственности, тем самым, не допустив возможность «снятия корпоративной вали» в России. Статья 53.2 ГК РФ закрепляет понятие «аффилированности» и уточняет порядок регулирования отношений «связанности». Данным законом с 01.09.2014 года в рамках статьи 53.1 ГК РФ установлена ответственность за причиняемые убытки лица, имеющего фактическую возможность определять действия юридического лица, однако по смыслу данной статьи контролирующее лицо несет ответственность только перед самим подконтрольным лицом, но не перед третьими лицами, что расходится с положениями доктрины.

Несмотря на все достоинства концепции снятия корпоративной вуали она не должна применяться неограниченно и бесконтрольно, поскольку в противном случае могут пострадать такие основополагающие принципы гражданского права как автономность и ограниченная ответственность юридического лица. В условиях российского права вопросы, связанные с возможностью привлечения к ответственности лица, которое в силу действия указанных принципов эту ответственность не несет на данном этапе разрешаются исключительно на уровне судебных процедур, однако, учитывая, что судебный прецедент в Российской Федерации источником права не является возникает вопрос относительно возможности применения доктрины

«снятия корпоративной вуали» в качестве средства правовой защиты. При этом, по мнению А. Иванова с точки зрения дихотомии «прецедент — не прецедент» российская судебная система находится где-то посередине. При этом окончательный переход к прецедентной системе — это правильное направление движения, потому что в такой системе много серьезных достоинств [16]. Традиционно считается, что суды в Российской Федерации не обладают правотворческими функциями и должны лишь применять законы и иные правовые акты, однако данный тезис не отражает реального положения вещей. Движущей силой развития судебного правотворчества является наличие пробелов в законодательстве, а также неспособность законодателя своевременно реагировать на изменения правовой действительности путем принятия определенных норм. Как видим, доктрина «снятия корпоративной вуали» явно не сформулирована ни законодателем, ни высшими судами, но имеются случаи ее фактического применения. На данный момент практика идет вразрез с законодательством, суды пошли по пути установления правовых норм, в процессе разрешения конкретных дел даже если отсутствуют указания на то в законе. Снятие корпоративной вуали как доктрина ценна в теории, однако, для ее полной реализации на практике необходимо внести изменения в действующее законодательство. По нашему мнению, необходимо дополнить положения Гражданского кодекса Российской Федерации как основного кодифицированного акта, являющегося базой для развития всего текущего гражданского законодательства, нормами, позволяющими преодолеть принцип ограниченной ответственности и регламентировать борьбу со злоупотреблениями в корпоративных отношениях.

Литература:

1. Будьлин С. Л., Иванец Ю. Л. «Срывающая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7. С. 80–125.
2. Wormser M. Piercing the Veil of Corporate Entity // Columbia Law Review. 1912. Vol. 12. P. 496–518.
3. Решение Окружного суда Восточного округа Висконсина по делу U. S. v. Milwaukee Refrigerator Transit Co., 142 F. 247 (E. D. Wis. 1905).
4. Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А. А. Иванова на итоговом совещании председателей арбитражных судов России [Электронный ресурс] // <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/speeches/34406.html>.
5. [Электронный ресурс] // <http://pravo.ru/review/view/70451/>
6. Шиткина И. С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2. С. 2–3.
7. Постановление ВАС РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу № А40–21127/11–98–184).
8. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2012 по делу № А56–38334/2011.
9. Постановление ФАС Московского округа по делу от 05.09.2013 № А40–41781/13–69–197.
10. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 10.04.2013 по делу № А32–8406/2011.
11. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 29.05.2012 по делу № А33–18291/2011 [Электронный ресурс] // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=RAPS003; n=21296>
12. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 01.09.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32.
13. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О несостоятельности (банкротстве)» — [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/

14. Законопроект № 47538–6/7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: [Электронный ресурс] // <http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=47538-6>.
15. Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А. А. Иванова на Третьих сенатских чтениях в Конституционном Суде Российской Федерации 19 марта 2010 года [Электронный ресурс] // <http://arbitr.ru/press-centr/news/speeches/27369.html>.
16. Антонов М. В. «Перспективы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском правопорядке» — [Электронный ресурс] // <http://xn--7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/9144>.

Особенности договора возмездного оказания медицинских услуг

Ракова Юлия Александровна, студент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Право каждого человека на охрану здоровья и медицинскую помощь — общепризнанная норма международного права. Охрана здоровья граждан представляет собой неотъемлемое условие жизни общества, и государство несет ответственность за сохранение и укрепление здоровья своих граждан.

Граждане имеют право как на бесплатную медицинскую помощь, так и на дополнительные медицинские услуги на основе программ добровольного медицинского страхования, а также за счет средств предприятий, учреждений и организаций, своих личных средств. Одним из основных условий предоставления платных медицинских услуг медицинскими организациями является заключение договора возмездного оказания медицинских услуг с заказчиком (потребителем). С точки зрения теории государства и права, договор представляет собой важнейшее средство регулирования гражданско-правовых отношений, заключение которого предполагает необходимость согласования воли его участников, влечет возникновение конкретных правоотношений между ними, определяет требования к порядку и последовательности всех действий, которые совершаются участниками договорных отношений.

Согласно п. 16 Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 04.10.2012 г. № 1006 [1] (далее Правила) договор возмездного оказания медицинских услуг заключается в письменной форме между исполнителем и заказчиком (потребителем). Кто может выступать в роли заказчика и исполнителя? Обратимся к п. 2 Правил: исполнитель — медицинская организация, предоставляющая платные медицинские услуги потребителям [1]. Согласно ч. 11 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ») медицинская организация — юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую

деятельность на основании лицензии, выданной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности [2]. К медицинским организациям приравниваются индивидуальные предприниматели, осуществляющие медицинскую деятельность. Отсюда следует, что исполнителями могут быть как юридические лица, так и индивидуальные предприниматели, имеющие лицензию на осуществление медицинской деятельности, поскольку медицинская деятельность входит в перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии согласно п. 46 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [3].

Согласно п. 2 Правил заказчик — физическое (юридическое) лицо, имеющее намерение заказать (приобрести) либо заказывающее (приобретающее) платные медицинские услуги в соответствии с договором в пользу потребителя [1]. В соответствии с тем же пунктом потребитель — физическое лицо, имеющее намерение получить либо получающее платные медицинские услуги лично в соответствии с договором [1]. Заказчик — физическое лицо может выступать одновременно в качестве потребителя. Стоит отметить, что в соответствии с п. 1 ст. 26 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] (далее ГК РФ) несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет могут заключить договор возмездного оказания медицинских услуг с письменного согласия своих законных представителей (родителей, усыновителей, попечителя). Данный договор будет действителен при последующем письменном одобрении родителями, усыновителями или попечителем несовершеннолетнего. Заказчик — физическое лицо может заключить договор в пользу третьего лица. Например, в соответствии с п. 1 ст. 28 ГК РФ [4] законный представитель может заключить договор возмездного оказания медицинских услуг в пользу несовершеннолетнего лица, не достигшего 14 лет, при этом услуги будут оказаны непосредственно несовершеннолетнему лицу. Заказчик — юридическое лицо может заключить договор в пользу третьих лиц, например,

юридическое лицо-работодатель заключает договор возмездного оказания медицинских услуг с медицинской организацией, при этом потребителями будут работники этого работодателя.

До заключения договора возмездного оказания медицинских услуг потребитель (заказчик) уведомляется о возможности получения бесплатной медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи и территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Потребитель должен в письменной форме дать согласие на медицинское вмешательство в отношении каждой медицинской услуги, указанной в договоре возмездного оказания медицинских услуг. Согласно п. 1 ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» информированное добровольное согласие гражданина на медицинское вмешательство является необходимым предварительным условием такого вмешательства [2]. Основанием дачи такого согласия является предоставление исполнителем в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи. Кроме того, потребитель (заказчик) в письменной форме уведомляется о том, что несоблюдение указаний или рекомендаций медицинской организации или медицинского работника, предоставляющего платную медицинскую услугу, в том числе назначенного режима лечения, может снизить качество предоставляемой платной медицинской услуги, повлечь за собой невозможность ее завершения в срок или отрицательно сказаться на состоянии здоровья потребителя.

Согласно п. 17 Правил договор возмездного оказания медицинских услуг должен содержать ряд обязательных условий, одним из которых является предмет договора, а именно перечень медицинских услуг. Медицинская услуга имеет ряд особенностей, отличающих её от других видов услуг. Согласно ч. 4 ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан РФ» медицинская услуга — медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение [2]. По мнению П. Г. Габай, «медицинская услуга относится к нематериальным услугам, однако ее результат может быть как материальным (вещественным), так и нематериальным» [5, с. 16]. Нематериальный результат медицинской услуги может выражаться в состоянии здоровья потребителя, а материальный может выражаться в виде определенной вещи, например, изготовление и установка зубного протеза, протеза конечности, сердечного стимулятора и т. д. По мнению А. Р. Шаяхметовой, «данная точка зрения с позиции цивилистики, представляется спорной, поскольку изготовление протеза — это выполнение работы (материальный

результат), а непосредственно его установление — оказание медицинских услуг (не материальный результат)» [6, с. 110]. А. Р. Шаяхметова выделяет специфический характер объекта воздействия медицинской услуги, а именно: здоровье и жизнь человека, что является не только нематериальным благом в силу п. 1 ст. 150 ГК РФ [4], но и высшей ценностью для любого человека. Кроме того, А. Р. Шаяхметова выделяет индивидуальный характер медицинской услуги, то есть каждая медицинская услуга неповторима, уникальна и зависит от ряда обстоятельств: состояние здоровья человека, физиологические особенности его организма, личностные особенности и т. д. Ю. В. Данилочкина отмечает такую особенность, как «направленность (цель) медицинской услуги» [7, с. 14]. Целью медицинской услуги является определенное состояние здоровья человека, что может выражаться в улучшении, ухудшении или в отсутствии каких-либо изменений состояния здоровья, поскольку при тех или иных клинических случаях результат оказания медицинской услуги невозможно прогнозировать до конца. Также одной из характеристик медицинской услуги является её качество. Исполнитель (медицинская организация) предоставляет платные медицинские услуги, качество которых должно соответствовать условиям договора, а при отсутствии в договоре условий об их качестве — требованиям, предъявляемым к услугам соответствующего вида. Ненадлежащее, некачественное предоставление медицинских услуг медицинскими организациями могут привести к ухудшению состояния здоровья потребителя (заказчика), то есть причинить ему вред. В ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» [2] дается несколько критериев качества медицинской помощи, понятие которой тождественно понятию медицинской услуги, — это своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата.

Договор возмездного оказания медицинских услуг признается публичным договором. Указанная позиция получила подтверждение в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 06.06. 2002 г. № 115—0 [8], в котором отмечалось, что деятельность по оказанию платной медицинской помощи российское законодательство относит к предпринимательской деятельности, осуществляемой под публичным контролем. Положения ст. 426 ГК РФ [4] устанавливает обязанность медицинской организации по оказанию медицинских услуг в отношении каждого, кто к ней обратится. При этом отказ медицинской организации от заключения договора при наличии возможности предоставить потребителю (заказчику) соответствующие услуги не допускается. Кроме того, медицинская организация не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим в отношении заключения договора согласно п. 3 ст. 426 ГК РФ [4]. При уклонении медицинской организации от заключения договора потребитель (заказчик) вправе обратиться в суд с требованием

о понуждении заключить договор и возместить убытки, причиненные необоснованным отказом от его заключения согласно п. 3 ст. 426 ГК РФ, п. 4. ст. 445 ГК РФ [4]. Такое ограничение свободы договора для одной стороны — исполнителя направлено на защиту интересов потребителя (заказчика) — гражданина как экономически более слабой стороны в данных правоотношениях, обеспечение реализации им права на медицинскую помощь. Однако основанием для освобождения от заключения договора возмездного оказания медицинских услуг является невозможность предоставить потребителю медицинскую услугу.

Фактически договор возмездного оказания медицинских услуг, заключаемый между заказчиком (потребителем) и исполнителем является договором присоединения, так как заказчику (потребителю) предоставляют типовые договоры возмездного оказания медицинских услуг, условия которого определены только медицинской организацией. Основным достоинством договора присоединения является быстрота его заключения, так как не требуется согласовывать условия договора с каждым контрагентом в отдельности. Однако нередки ситуации, когда в договор присоединения включают

условия, ущемляющие права присоединившейся стороны. Законодатель, конечно же, предусмотрел защиту прав и интересов присоединившейся стороны от их нарушений при заключении договора присоединения через расторжение или изменение договора присоединения на основании п. 2 ст. 428 ГК РФ [4]. Но применение данной нормы неэффективно и неуместно, когда на кону наивысшая ценность человека — жизнь и здоровье.

Норма п. 4 ст. 426 ГК РФ [4] предусматривает возможность Правительства РФ, уполномоченных Правительством РФ органов федеральной исполнительной власти разрабатывать, издавать типовые формы публичных договоров. В настоящее время Правительство РФ ограничилось утверждением Правил, содержащих весьма ограниченный объем обязательных условий договора возмездного оказания медицинских услуг. Поэтому целесообразно внести в Правила порядок согласования медицинской организацией условий типового договора возмездного оказания медицинских услуг в Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и предусмотреть ответственность медицинской организации (должностного лица) за нарушение данного порядка.

Литература:

1. Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг: Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 // Российская газета. № 233. 10.10.2012.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. № 263. 23.11.2011.
3. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Российская газета. № 97. 06.05.2011.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 05.12.1994. № 32, ст. 3301.
5. Габай П. Г. Договор на лечение или излечение пациента? / П. Г. Габай // Медицинское право. — 2015. — № 1. — С. 16–23.
6. Шаяхметова А. Р. Специфика медицинской услуги как объекта гражданского права / А. Р. Шаяхметова // Бизнес, Менеджмент и Право. — 2011. — № 1. — С. 109–112.
7. Данилочкина Ю. В. Понятие и правовая природа медицинских услуг / Ю. В. Данилочкина // Медицинское право. — 2008. — № 4. — С. 9–16.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 № 115-О // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 2003.

Процессуальные особенности защиты прав потребителей по внешнеэкономическим сделкам

Федулова Марина Владимировна, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

Отдельное внимание заслуживают случаи, когда потребитель приобретает товар у продавца, находящегося за пределами Российской Федерации. Такое стало возможным благодаря развитию информационных технологий и распространению электронной коммерции.

Рассмотрим случай из жизни, который случился с моим знакомым. В 2014 году гражданин Российской Федерации, проживающий в г. Саратове, сделал заказ товара (книг) на сайте итальянского интернет-магазина «Internet Bookshop Italia». Товар был оплачен частично кредитной картой и частично с личного бонусного счета на сайте интернет-магазина. В дальнейшем с покупателем связался сотрудник филиала курьерской службы в России, который сообщил о невозможности доставки товара в место жительства покупателя, так как с 2014 года их служба по причине усложнения таможенных процедур производит доставку только от магазинов, которые заключили с ними выгодный контракт. Поскольку данный интернет-магазин не заключил с курьерской службой такой контракт, покупателю было предложено прибыть в г. Москва для таможенного оформления товара. В связи с тем, что для покупателя прибытие в Москву являлось нецелесообразным, посылка была отправлена назад в Италию. Покупатель обратился в службу поддержки клиентов интернет-магазина с требованием отправить заказ по почте заказной посылкой либо иной службой. Однако сотрудник интернет-магазина сообщил, что в соответствии с внутренней политикой компании, все международные отправления осуществляются исключительно экспресс-курьером и отправление заказа почтой не предоставляется возможным. Кроме того, покупателю было отказано в возврате уплаченной за товар суммы в полном объеме в связи с тем, что часть стоимости товара была оплачена с бонусного счета, который согласно правилам интернет-магазина возврату не подлежит.

Потребитель не согласился с позицией интернет-магазина. По мнению потребителя, обязанность продавца доставить товар покупателю носит безусловный характер и не может ставиться в зависимость от взаимоотношений продавца с экспедиторами, осуществляющими доставку товара. Внутренняя политика организации не имеет никакой юридической силы и не освобождает продавца от исполнений договорных обязательств. Кроме того, в соответствии со статьёй 1374 Гражданского кодекса Италии.

«Art. 1374 *Integrazione del contratto*. Il contratto obbliga le parti non solo a quanto e nel medesimo espresso, ma anche a tutte le conseguenze che ne derivano secondo la legge, o, in mancanza, secondo gli usi e l'equità». [1]

Договор обязывает стороны не только к тому, что в нем указано, но также ко всем последствиям, которые вытекают

из него согласно закону, или, при отсутствии положений закона, согласно обычаям и справедливости. Следовательно, в случае невозможности доставки выбранной продавцом курьерской службой продавец обязан принять меры по доставке товара любым иным доступным ему законным способом. Поскольку в России не продаются книги на итальянском языке, отказ продавца препятствует доступу к научной, познавательной, художественной литературе, что является нарушением статьи 3 Конституции Итальянской Республики

«Art. 3. Tutti i cittadini hanno pari dignità sociale e sono eguali davanti alla legge, senza distinzione di sesso, di razza, di lingua, di religione, di opinioni politiche, di condizioni personali e sociali» [2], которая запрещает ограничивать равенство граждан и препятствовать развитию личности. Помимо этого, потребитель считает, что в действиях продавца усматриваются признаки дискриминации граждан Российской Федерации.

В соответствии с российским законодательством, потребитель вправе обратиться в суд по своему месту жительства. 1212 ГК РФ даже если стороны выбрали применимым правом по договору, право иностранного государства, это не лишает потребителя защиты предоставленной ему императивными нормами законодательства его страны, если продавец осуществляет свою деятельность в стране места жительства потребителя либо любыми способами направляет свою деятельность на территорию этой страны или территории нескольких стран, включая территорию страны места жительства потребителя, при условии, что договор связан с такой деятельностью продавца. [3] Однако в связи с тем, что продавец является иностранной организацией для рассмотрения подобных споров в российском суде, необходимо соблюдение специальных правил подсудности дел с участием иностранных лиц установленных главой 44 ГПК. [4]

Согласно ст. 402, ч. 3, п. 6 ГПК РФ Суды в Российской Федерации вправе также рассматривать дела с участием иностранных лиц в случае, если иск вытекает из договора, по которому полное или частичное исполнение должно иметь место или имело место на территории Российской Федерации [4]. С учетом небольшой стоимости потребительских договоров, расходы на иностранного юриста и на проезд к месту иностранного суда будут несоизмеримо высоки. Согласно пункту 2 статьи 61 Потребительского кодекса Италии

«Art. 61. 2. L'obbligazione di consegna e» adempiuta mediante il trasferimento della disponibilità materiale o comunque del controllo dei beni al consumatore» [5], обязательство по доставке товара исполняется посредством представления потребителю материальной доступности или,

в любом случае, контроля над имуществом. Таким образом, местом исполнения обязательства по доставке товара потребителя будет являться место жительства потребителя.

Так же дело может быть рассмотрено российским судом при наличии соглашения о подсудности спора суду по месту жительства потребителя (договорная подсудность), например, в правилах продажи товаров, опубликованных на сайте интернет-магазина имеется условие о разрешении споров судом по месту жительства потребителя. [4]

Следует учесть, что при предъявлении иска необходимо предоставить в суд нотариально заверенный перевод всех прилагаемых к исковому заявлению документов, составленных на иностранном языке. [4]

Порядок извещения иностранного лица предусмотрен Конвенцией о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам, в которой участвует Россия. По общему правилу, которое предусмотрено Конвенцией, вручение судебных документов производится путем обращения органа или судебного должностного лица запрашивающего государства с запросом о вручении документов к центральному органу запрашиваемого государства, назначенного принимать такие запросы.

Таким образом, если государство, (на территории которого находится продавец) при подписании данной Конвенции не заявило возражений, то извещение иностранных лиц возможно через почту [6]. Данная норма позволяет не прибегать к сложным бюрократическим действиям и облегчить процедуру извещения стороны.

Литература:

1. Гражданский кодекс Италии 2010—504/1 Codice civile 2010.
2. Конституция Италии — Costituzione della Repubblica Italiana.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 03.07.2016).
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (глава 44) от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.03.2016).
5. Потребительский кодекс Италии — Codice del consumo Decreto legislativo, 06/09/2005 № 206.
6. Конвенция о вручении за границей судебных или внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15.11.1965 г.
7. Конвенция между СССР и Итальянской Республикой о правовой помощи по гражданским делам от 25.01.1979 г.

Исполнение вступившего в силу решения суда будет осуществляться органами принудительного исполнения иностранного государства. Потребитель должен обратиться в компетентный суд иностранного государства с ходатайством о признании решения российского суда. Порядок признания решений судов устанавливается Конвенцией между СССР и Итальянской Республикой о правовой помощи по гражданским делам [7].

Ходатайство о признании подается в суд, который вынес решение по делу в первой инстанции. Этот суд передает ходатайство суду, обладающему полномочиями вынести решение по ходатайству. Такое ходатайство может быть подано непосредственно в компетентный суд запрашиваемой Договаривающейся Стороны.

Форма ходатайства и сведения, которые должны в нем содержаться, определяются законодательством запрашиваемой Договаривающейся Стороны.

К ходатайству о признании необходимо приложить документы:

- 1) заверенную судом копию судебного решения и справку о том, что оно вступило в законную силу, если это не следует из текста самого решения;
- 2) документ, из которого следует, что ответчику, который не принял участия в процессе, или его представителю было своевременно и в надлежащей форме вручено извещение о возбуждении дела и о вызове в суд;
- 3) заверенные переводы документов, указанных в настоящей статье, а также перевод ходатайства.

Социально-правовая природа чести, достоинства и деловой репутации: понятие и общая характеристика

Яценко Елизавета Вячеславовна, магистрант;
Барсукова Вероника Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Каждому человеку присущи такие блага, как честь, достоинство и деловая репутация, а юридическому лицу — деловая репутация.

Согласно ст. 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени [1].

В соответствии с ч. 1 и ч. 2 ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом [2].

Также честь, достоинство и деловая репутация защищаются Кодексом об административных правонарушениях РФ (ст. 5.13, 5.61), Уголовным кодексом РФ (глава 17), Уголовно-процессуальным кодексом РФ, Федеральный закон от 27.05.1998 года № 76-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О статусе военнослужащих» и другими законами.

Честь — это общественная оценка личности, определенная мера духовных, социальных качеств гражданина и является таким же благом человека, как его жизнь, здоровье и свобода [5, с. 9]. Человек, который дорожит своей честью, соизмеряет ее со своим добрым именем и совестью.

Достоинство — самооценка собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего поведения, общественного значения.

Деловая репутация гражданина определяется уровнем его квалификации и характеристикой профессиональной деятельности, а юридического лица — оценкой производственной или иной деятельности в соответствии с его правовым статусом в условиях предпринимательских и рыночных отношений [5, с. 9].

Категории чести и достоинства, в частности, определяют отношение к человеку как к высшей общественной ценности.

Понятия «честь» и «достоинство» являются достаточно широкими понятиями, богатыми по содержанию и своей природе. Они могут пониматься как в сфере нравственного сознания (как чувства и как понятия), так и в сферах этики (как категории морали) и права (как защищаемые законом социальные блага).

В философской литературе под достоинством понимают моральное сознание, выражающее представление

о ценности личности; категория этики, отражающая моральное отношение человека к самому себе и общества к индивиду. Сознание собственного достоинства является формой самоконтроля личности, на которой основывается требовательность индивида к себе. В этом отношении требования, которые идут от общества, принимают форму специфически личных (поступать так, чтобы не унижить своего достоинства). Таким образом, достоинство — один из способов осознания человеком своего долга и ответственности перед обществом [6, с. 170].

У современных российских правоведов свой взгляд на понимание категории «достоинство». Их можно разделить на несколько концепций: теория объективной оценки и теория субъективной оценки.

Сторонниками теории субъективной оценки являются такие авторы, как Осмонов А. К. и Шахманаев К. А. В их понятии достоинство есть понимание самим человеком и окружающими факта обладания нравственными и интеллектуальными качествами. Достоинство личности определяется не только самооценкой субъекта, но и совокупностью объективных качеств человека, характеризующих его репутацию в обществе (благоразумие, нравственные установки, уровень знаний, обладание социально полезными навыками, достойный образ жизни и т. п.) [7, с. 9].

В данной концепции достоинство личности понимается как внутренняя оценка личностью себя и своего положения в обществе и не учитывает оценку со стороны.

Сторонником объективной теории является Колесников Д. В. Он считал, что категория «достоинство» в своем общем значении предполагает отражение в индивидуальном, групповом и общественном сознании ценности субъекта социальных отношений. Человеческое достоинство как этическая категория — это отражение в общественном и индивидуальном сознании абсолютной, безусловной и равной ценности любого человека в единстве его биологической и социальной сущности [8, с. 5–6]. Данная концепция интерпретирует понятие достоинства как высшее качество личности, независимая ценность.

Также существует объективно-субъективная оценка понятия «достоинство». Данная концепция наиболее распространена в современное время. К числу ее многочисленных сторонников относятся Анисимов А. Л., Беспалов А. В., Рудинский Ф. М. и т. д. Так, Анисимов А. Л. утверждает, что в наиболее общем виде достоинство представляет собой своеобразную совокупность положительных качеств индивида, его моральную ценность. Оно может рассматриваться как социальная значимость того или иного лица, обусловленная его общественно полезными свойствами

[5, с. 15]. Т.е. он подразумевает под понятием «достоинство» самооценку личности, которая основывается на его оценке в обществе.

Достоинство любого человека выражается в его духовных и физических качествах. Вместе эти личные качества образуют личное достоинство. Его социальный характер заключается в том, что достоинство как общественно значимая моральная ценность определяется общественными отношениями и в большинстве случаев не зависит от человека.

При любых обстоятельствах, государства и общество должны заботиться об охране прав и свобод человека, включая и достоинство личности. Следует отметить, что все граждане Российской Федерации как отдельные личности равны, пользуются правом на свою неприкосновенность, на индивидуальную свободу, невмешательство в личную жизнь, самовыражение и т.д. Отсюда достоинство человеческой личности признается в равной мере за всеми членами общества.

В неразрывной связи с определением человеческого достоинства находится понятие «честь».

Понятия и представления о чести складывались и формировались в процессе нравственной практики того или иного общества, общения людей между собой, поэтому содержание понятия «честь» является социальным [5, с. 10]. При этом общественная оценка личности не зависит от воли и желания самого оцениваемого лица, поскольку вся его деятельность проходит под контролем общества и именно оно формирует оценку нравственных качеств каждого конкретного человека.

В словаре Ожегова С. И [9, с. 882] даны следующие определение чести:

1. Достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы.
2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя.
3. Целомудрие, непорочность.
4. Почет, уважение.

У человека сознание и чувство чести и достоинства как бы органически слиты вместе, но их нельзя сравнивать. Как известно, сознание следует за чувством, но человек, как существо разумное, в своем поведении не просто поддается чувствам, а занимает определенную позицию по отношению к ним: один — воспринимает, другой — отвергает, исключает, подавляет.

В определении понятия «честь» различают два подхода: объективный и субъективный. Какая-либо оценка деятельности индивида обществом, коллективом, признание его положительных качеств и заслуг воспринимается им как нечто объективное, выступает как этическое благо, как оценочная категория, направленная от общества к личности. Субъективная, личная сторона понятия «честь» заключается в способности человека оценивать свои поступки, подавлять в себе эгоизм, безнравственные стремления и намерения, действовать в нравственной жизни в соответствии с принятыми в этом обществе моральными

нормами, правилами и требованиями. Субъективная сторона понятия «честь» всегда неразрывна с объективной, подчиняется и обуславливается последней и оказывает на нее огромное воздействие.

Нельзя обойти и тот момент как относится человек к факту оценки себя другими. Ведь честь является известным нематериальным благом и ею дорожат даже те, кто считает себя независимым от общественного мнения. С презрением к чести чаще всего относятся аморальные люди, не обладающие самостоятельным, волевым характером.

Любой гражданин пользуется внешней честью, которая исходит от государства. Предметом уважения со стороны государства выступает гражданин в целом. Именно поэтому все граждане равны перед суждением со стороны государства, никто не пользуется преимуществом, имея какие-либо индивидуальные особенности.

Степень уважения граждан со стороны государства описывается в основном законе страны — конституции. Степень уважения различна как в каждой стране, так и в разные исторические периоды ее развития. Оценивая степень уважения можно составить понятие об отношении государства к своему народу.

Гражданская честь (уважение государства) адекватна в отличие от обыкновенной внешней чести, поскольку государство интересуют лишь те поступки, которые затрагивают права людей. В уважении между людьми существует много различных вариантов оценки и суждений. В уважении государства существует только одна гражданская честь, оказываемая в равной степени каждому индивиду. Также гражданской чести могут лишиться в случае уголовного наказания.

Честь и достоинство находится в неразрывной связи между собой, т.к. в их основе лежит единый определенный нравственный критерий. Данные понятия не могут рассматриваться отдельно друг от друга. Однако, несмотря на неразрывную связь, между ними существуют и различия:

- 1) честь, прежде всего, связана с социальным статусом личности в обществе, в то время как достоинство является неотъемлемым качеством человека, которое составляет основу признания и уважения всех его прав и свобод и которое принадлежит независимо от того, как окружающие оценивают его как личность;
- 2) честь имеет внешнюю форму проявления в виде различных наград, грамот и т.д., в то время как достоинство не нуждается во внешнем выражении.

Честь выражается оценке со стороны общества, а главное в достоинстве — это самооценка личности. Каждый человека должен осознавать свою общественную значимость и ценность. Отсюда можно сделать вывод, что достоинство определено зависит от внутреннего духовного мира человека, его воспитания, особенности психики и наконец — от способности оценивать человеком мнение со стороны окружающих о себе.

В тесной связи с честью и достоинством находится также такое понятие, как «репутация». Данные термины близки, но не равны по значению.

В словаре Ожегова С. И. можно найти следующее определение репутации: это приобретаемая кем-нибудь общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-нибудь [9, с. 677].

Репутация складывается на основе поведения человека и его отношения к интересам других людей, на оценке поведения человека обществом, что может стать источником важной информации как о его вкусах и привычках, так и о внутренней сущности.

В отличие от чести, которая всегда рассматривается с положительной стороны личности, репутация может быть или положительной, или отрицательной и иметь подвижный характер в зависимости от того, на какой информации она базируется. Так, Молочков Ю. В. считает, что репутация имеет подвижный характер и складывается на основе как соответствующей, так и не соответствующей действительности информации о конкретном лице. Положительная репутация — это такое сложившееся мнение о качествах, достоинствах и недостатках субъектов, в котором доминирует его положительная с точки зрения данного общества характеристика, а мнение о недостатках — уравнивается. Отрицательная репутация представляет собой противоположность положительной репутации [10, с. 3]. Также, честь оценивает моральные качества человека, а репутация — любые качества, в т. ч. деловые.

Деловая репутация является разновидностью понятия «репутация». На сегодняшний день данный термин используется в гражданском законодательстве. В российском законодательстве он появился недавно, в отличие от понятий «честь» и «достоинство». Это объясняется с темпами развития экономики в стране. В России до 90-х гг. XX в. у хозяйствующих субъектов не было полноценной самостоятельности. И только в 90-х гг. во время перехода от плановой экономики к рыночной, в связи с развитием предпринимательской деятельности (т. к. предпринимательские отношения возникают только при наличии у субъектов права на защиту своей репутации и при соблюдении правил деловой этики), понятие «деловая репутация» вошло в обиход.

Существуют различные подходы к определению понятия «деловая репутация». Так, Молочков Ю. В. считает, что деловая репутация, как частный случай репутации вообще, — это сложившееся мнение о качествах (достоинствах и недостатках) организации, предприятия, коллектива, конкретного физического лица в сфере делового оборота (в том числе и в области предпринимательской деятельности) [10, с. 3]. По словам М. Н. Малейной, под деловой репутацией юристы-исследователи понимают совокупность качеств и оценок, «с которыми

их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, поклонников (для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицируется среди других профессионалов в этой области» [11, с. 18]. Под деловой репутацией следует понимать и те ассоциации, которые вызывает деятельность отдельного гражданина-предпринимателя, группы лиц или юридического лица у широкой общественности, у других юридических лиц в данном государстве и за его пределами.

На сегодняшний день актуальным остается вопрос о соотношении понятий «деловая репутация» и «честь». О соотношении понятий «деловая репутация» и «достоинство» ученые высказывают однозначное мнение, что данные категории являются различными, поскольку достоинство выражается в самооценке личности, а деловая репутация — во внешней оценке чьих-либо качеств. А в случае соотношения понятий «деловая репутация» и «честь» единое мнение отсутствует, поскольку оба понятия характеризуются общественной оценкой.

Деловая репутация подразумевает под собой внешнюю оценку качеств и поведение субъект, складывается на основе информации об общественно полезных качествах субъекта, о его деловом потенциале (например, наличие постоянной клиентуры, престиж товара, признание общественной ответственностью), в то время как честь складывается на основе информации о моральных качествах личности, социально-нравственной значимости и ценности субъекта (трудолюбие, дисциплинированность, добросовестность).

Честь может принадлежать только физическому лицу. Деловая репутация, согласно ст. 152 Гражданского кодекса РФ, может принадлежать как физическому (индивидуальный предприниматель), так и юридическому лицу (коммерческая организация). Например, неработающие пенсионеры, инвалиды, не имеющие физические возможности для занятия каким-либо делом, домохозяйки деловой репутацией не обладают, но при этом честь является их неотъемлемым благом. Также деловая репутация принадлежит публично-правовым организациям (в лице органов государственной власти): Российской Федерации, ее субъектам и муниципальным образованиям.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что такими благами как честь, достоинство и деловая репутация может принадлежать только физическому лицу; остальные субъекты могут обладать только деловой репутацией.

Итак, честь, достоинство и деловая репутация являются важнейшими ценностями нематериальными благами в жизни любого гражданина. Положительная оценка данных качеств со стороны общества повышает самооценку личности, дает силы для дальнейшего развития и совершенствования. Поэтому для каждого человека существенно важно как его принимает общество.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016).
3. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 года № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016).
5. Анисимов А. Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: Учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений. — М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001.
6. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Республика, 2001.
7. Шахманаев К. А. «Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности (уголовно-правовой и криминологический анализ)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва 2009.
8. Колесников Д. В. «Уголовно-правовая охрана чести и достоинства военнослужащих»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва — 2008.
9. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999.
10. Молочков Ю. В. «Защита чести и достоинства в гражданском процессе»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 1993.
11. Малеина М. Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. 1993. № 24.

12. АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Актуальные вопросы защиты интеллектуальных прав

Протапов Владимир Иванович, аспирант

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье рассматриваются способы защиты интеллектуальных прав.

Ключевые слова: интеллектуальное право, способы защиты, новшество, нотариальные действия, судебная практика

The article discusses ways to protect intellectual property rights.

Keywords: intellectual property, methods of sewn, an innovation, notarial acts, judicial practice

Правовое регулирование отношений в связи с созданием объектов интеллектуальной собственности осуществляется нормами части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), в которой нашел свою реализацию ряд концептуальных положений и достижений цивилистической науки. При нарушении интеллектуальных прав потерпевшее лицо может воспользоваться общими способами защиты гражданских прав, предусмотренными в ст. 12 ГК РФ, и специальными, в частности, закрепленными в ст. 1250–1252 ГК РФ.

При выборе способа защиты права необходимо учитывать специфику (существо) интеллектуального права и последствия его нарушения. Необходимо также иметь в виду, что защита интеллектуальных прав осуществляется в рамках охранительного правоотношения, которое направлено на обеспечение защиты (восстановление) нарушенного гражданского права или правового положения потерпевшего лица.

Задачей цивилистической науки и законодателя является поиск способов защиты, которые хотя бы в некоторой степени способствовали восстановлению того положения, которое существовало до нарушения.

Таким образом, специфика защиты интеллектуальных прав заключается в том, что нарушение часто сопровождается тем, что страдает доброе имя автора, его репутация. Как представляется, именно этим обстоятельством обусловлено появление в ГК РФ такого нового способа защиты неимущественного права, как публикация решения суда о допущенном нарушении, и некоторых других.

Так, Кархалев Д. Н. [4] проводит анализ новых способов защиты гражданских прав, определяется их юридическая природа и выявляются на этой основе особенности их применения.

Нельзя не отметить еще одну особенность защиты интеллектуальных прав, предусмотренную в ст. 1254 ГК РФ. Согласно указанной статье способами защиты интеллектуальных прав (предусмотренными в ст. 1250, 1252, 1253

ГК РФ) может воспользоваться лицо, которое не является обладателем интеллектуального права. Речь идет о правах лицензиата, который получает право использовать объект интеллектуальной собственности по лицензионному договору.

Анализ норм части четвертой ГК РФ свидетельствует о том, что имеет место тенденция на ужесточение наказания за нарушение интеллектуальных прав с целью восстановления прав потерпевшего лица в полном объеме.

Кроме общих способов защиты гражданских прав в части четвертой ГК РФ (в случае нарушения личных неимущественных прав или исключительных прав автора) также закреплено специальное требование о публикации решения суда о допущенном нарушении права (ст. 1251 и 1252). В случае нарушения исключительных прав автора допускается требование об изъятии материального носителя (ст. 1252).

Также появились такие способы, как изъятие и уничтожение оборудования и материалов, использованных для нарушения гражданских прав (ст. 1252), и ликвидация по требованию прокурора юридического лица, неоднократно или грубо нарушающего исключительные права (ст. 1253).

Законодательство содержит достаточную регламентацию видов, форм, средств и способов защиты авторских и смежных прав. К сожалению, не все возможности, заложенные в нормах права, реализуются на практике. [6]

Так, согласно анализу Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 г.) [2] Подчеркивается, что с момента последнего совместного обсуждения данных вопросов ВАС РФ и ВС РФ (с 2009 г.) произошли существенные изменения как в законодательстве, так и в организационной структуре судебной системы. Так, с 3 июля 2013 г. заработал Суд по интеллектуальным правам. Отмечено, что за данный период уже сформировалась единообразная судебная практика применения большинства норм части IV ГК РФ.

На примере материалов конкретных дел проиллюстрированы основные выводы по вопросам авторского и смежных прав; патентного права; прав на средства индивидуализации юрлиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

Выделены моменты, связанные с защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные за счет бюджетных средств, а также с защитой таких прав в спорах о применении избирательного законодательства.

Отдельно разобрана практика рассмотрения дел о признании недействующими актов, затрагивающих вопросы интеллектуальной собственности; заявлений о принятии предварительных обеспечительных мер защиты авторских и (или) смежных прав в т. ч. в Интернете.

Среди выводов можно выделить следующее.

1. Исключительное право не подлежит защите путем взыскания компенсации морального вреда, т. к. является имущественным правом.

2. Каждая из песен на незаконно распространенном диске — самостоятельный объект исключительных прав, защищаемых путем взыскания компенсации (соответственно, рассчитываемой за каждый из них).

3. Исключительное право на программу для ЭВМ, созданную автором при исполнении его трудовых обязанностей, первоначально возникает у работодателя, если иное не предусмотрено договором.

4. Служебное задание на создание произведения может быть дано работодателем только в пределах установленных для лица (автора) трудовых обязанностей.

5. Корпоратив фирмы не является той официальной церемонией, во время которой допускается исполнение музыкальных произведений без согласия их авторов и без выплаты авторского вознаграждения.

6. Факт использования изобретения доказан, если установлено использование каждого, а не отдельного его признака, приведенного в независимом пункте формулы, содержащейся в патенте.

7. Досрочное прекращение действия патента влечет и прекращение обязанности по выплате вознаграждения авторам изобретения.

8. Наличие прокатного удостоверения требуется только для публичной демонстрации кино- и видеофильмов, а не любых аудиовизуальных произведений.

9. После 1 мая 2015 г. предварительные обеспечительные меры могут быть приняты не только в отношении прав на фильмы, но и на любые другие объекты авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фото (и произведения, полученные аналогичными способами).

10. Популярность произведения не указывает на то, что оно является общественным достоянием, и может свободно использоваться любым лицом, в т. ч. в агитационных материалах, без чье-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения.

На сегодняшний день большое внимание правоведов уделяется роли нотариальных органов в защите авторских прав. Многие авторы высказывают мнение,

что нотариальное доказывание авторства является одним из основных инструментов судебного разбирательства и доказывания по делам о защите авторских прав.

Это вызвано тем, что, с одной стороны, авторство является одним из наиболее сложных для доказывания обстоятельств, с другой — данный факт входит в предмет доказывания. Безусловно, нотариальное производство по установлению авторства носит более устойчивый характер по сравнению с другими доказательствами, учитывая бесспорный характер письменных нотариальных актов. [3]

Авторы (Москаленко М. Н.) [5] предлагает усовершенствовать нотариальный процесс доказывания авторства с целью введения единой процедуры защиты авторских прав. Определенные нотариальные действия считаются основой такой защиты. Автор излагает некоторые обоснования с целью доказать возможность и преимущества таких нотариальных действий.

Предлагаются самые разные способы для фиксации факта и времени возникновения произведения.

К ним относятся:

- отправка заказным письмом с уведомлением произведения в адрес автора самим автором или третьим лицом, которое к тому же становится свидетелем такого рода действия;
- собственно свидетельские показания третьих лиц, удостоверяющих время возникновения авторства и факт его возникновения в результате творческой деятельности определенного автора;
- депонирование произведений в различных частных коммерческих и некоммерческих организациях и многие другие способы.

Однако общепризнано, что именно нотариально зафиксированные факты вызывают наибольшее доверие у суда в случае возникновения спора, что подтверждается и выступлением председателя Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области С. В. Изотовой. [7]

Особая роль нотариата в фиксации фактов и выполнение нотариальными органами во многом государственных функций, а главное — наделение нотариусов определенными властными функциями и соответствующий государственный контроль за их деятельностью — все это делает систему органов нотариата наиболее подходящей и вызывающей доверие в сфере защиты авторских прав. По этой причине именно нотариальная процедура содержит в себе потенциал того, чтобы считаться юрисдикционным органом, в компетенцию которого входят вопросы, связанные с фиксацией возникновения авторских прав.

Следует подчеркнуть, что в компетенцию органов нотариата может входить лишь удостоверение бесспорных фактов. При возникновении спора о праве такое дело становится подведомственным судебным органам. Нотариус лишь фиксирует факт в бесспорном порядке, без проверки достоверности представляемых к депонированию материалов и фактов.

Плюсом внедрения такой нотариальной процедуры является, в частности, депонирование объектов авторского права, которое будет способствовать не только закреплению авторских прав конкретного лица, но и надлежащей защите прав авторов в иных юрисдикциях, в т. ч. судебных.

Так, предварительное депонирование произведений у нотариуса поможет предотвратить возможные нарушения прав автора при предоставлении необнародованной авторской рукописи для публикации, особенно в периодических изданиях.

Нотариальное депонирование будет способствовать гармонизации правового регулирования отношений в сфере авторского права, особенно в аспекте действия сети Интернет.

Наконец, успешная апробация процедуры депонирования объектов авторского права, выраженных в форме документов, могла бы способствовать расширению списка объектов авторского права и их носителей, принимаемых к депонированию нотариусом, в частности включению в него аудиовизуальных произведений и цифровых носителей.

Таким образом, с учетом изложенного материала перспективы развития гражданского законодательства о защите интеллектуальных прав наблюдаются:

- в расширении способов защиты указанных прав;
- увеличении размера гражданско-правовой ответственности за нарушение прав авторов;
- в усилении восстановительной (компенсационной) функции гражданского права в области интеллектуальной собственности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 30.12.2015) и (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Собрание законодательства РФ. — 25.12.2006. — № 52 (1 ч.). — ст. 5496.
2. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 11.
3. Калининченко Т. Г. Нотариальные процедуры доказывания авторства // Нотариальный вестник. — 2008. — № 3.
4. Кархалев Д. Н. Защита интеллектуальных прав // Нотариус. — 2011. — № 2.
5. Москаленко М. Н. Роль и значение нотариальных органов в защите авторских прав // Нотариус. — 2013. — № 5.
6. Чхутиашвили Л. В. Проблемы защиты авторских прав // Цивилист. — 2010. — . — № 4
7. http://www.notariat.ru/bulletinarhiv/press_2816_23.htm

15. ТРУДОВОЕ ПРАВО

История развития пенсионного обеспечения в России

Иванова Светлана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент;
Киреев Юрий Алексеевич, студент;
Бочарова Ксения Алексеевна, студент
Оренбургский государственный аграрный университет

Понятие как пенсионное обеспечение, в том смысле как мы его привыкли понимать, то есть общедоступное, появилось относительно недавно — в послереволюционный период. При этом формирование данной формы материального обеспечения началось задолго до этого.

Первые зачатки пенсионного обеспечения появились еще в период феодальных отношений. Уже в это время появляется первый нормативный акт, в котором упоминается о пенсиях. Этим нормативным актом является Судебник 1589 года, где указывалось, что бездетная вдова после смерти мужа имела право на получение обратно приданого и пенсии — «две гривны в год». Из этого можно сделать вывод, что Судебник 1589 года впервые закрепил на законодательном уровне пенсии по потере кормильца. В последующие года Россию охватили смуты. Борьба за власть не позволяло новоизбранным царям заниматься реформированием всех сфер жизни населения, в том числе и социальной сферы. И лишь спустя пол века в 1649 году Земский собор принимает новый свод законов — Соборное уложение, в котором содержится уже значительно большее количество статей, касающихся пенсионного обеспечения. Соборным уложением было введено новое понятие — прожиток. Оно означало следующее: дворяне, находящиеся или находившиеся на службе в царской армии, имели право на прожиток в случае их отставки или увечья, причиненного службе в размере их полного оклада. В случае же смерти дворянина, его семья (вдова и дети) имели право получать прожиток в виде части поместья. Размер такого прожитка зависел непосредственно от срока службы дворянина, его заслуг и т. д.

В последующем изменения в сфере пенсионного обеспечения произошли при великом реформаторе Петре I. Петр Великий, как его называли современники, придя к власти, принялся реформировать многие сферы жизни Российского государства. В частности он не обошел и такой институт как пенсионное обеспечение. В Морском уставе 1720 года были введены нормы, закрепляющие право «служилых людей морских чинов» на социальное обеспечение, в том числе и пенсионное [9]. В отличие от Соборного уложения 1649 года, Петр в Морском уставе ввел новую норму, при которой морские чины, получившие увечья, но способные к несению службы, определялись в гарнизоны

для продолжения службы или отправлялись на штатскую службу. Морские чины, получившие увечья, несовместимые с дальнейшим несением службы, отправлялись отставку. При этом им оказывалась помощь в госпиталях, где они и содержались до их смерти или, если они отказывались от содержания, выплачивалась пенсия в размере годового жалования и выдавался паспорт. Так же Морской устав различал виды пенсионных выплат вдовам и детям «убитых на баталии» и «убитых или умерших в службе». В отношении убитых в бою («убитых в баталии») Морской устав содержал следующую норму: «Вдовам и детям убитых на баталии, дано будет из полученной добычи то ж, что надлежало тем убитым» [9], то есть семье убитого полагалась выплата в том размере, в котором она полагалась погибшему. В отношении же «убитых или умерших в службе» предусматривалась выплата жалования: «Вдовам и детям убитых или умерших в службе: давано будет жалованья их по сему: жене 8 доля. Детям каждой персоне 12 доля». Так же в отличие от старого законодательства Морской устав предусматривал пенсионное обеспечение и иностранным офицерам, состоящим на службе в российском флоте.

В дальнейшем, при Елизавете Петровне, было утверждено положение, в котором были закреплены аналогичные Морскому уставу нормы (в том числе и пенсионного обеспечения), но предусмотренные для чинов сухопутных войск. Стоит заметить, что нормы, закрепляющие право пенсионного обеспечения в Соборном уложении, Морском уставе и в Положении предусматривались лишь для лиц, состоящих на службе в армии и их семей, соответственно остальные были лишены такого права, что лишь усиливало дифференциацию слоев населения и недовольство гражданских чиновников.

Пришедшая к власти Екатерина II прекрасно понимала это. И уже в 1765 г. она распространила сферу действия норм и на гражданских чиновников, которым назначались выплаты из государственной казны за выслугу лет.

Разрозненность и нечеткость норм пенсионного обеспечения привело к необходимости создания единого нормативного акта, содержащего в себе все нормы, регулирующие пенсионное обеспечение. Разработка такого акта началась в 1820 году. По указанию Александра I был собран Специальный комитет (Особый комитет), который

состоял из министров различных ведомств — военного, морского, финансового и т. д. Разработка данного акта длилась семь лет, и только 6 декабря 1827 года Николаем I был принят «Устав о пенсиях и единовременных пособиях» [8]. Указанный устав включал в себя следующие три части: а) правила для назначения пенсий и пособий; б) о пенсиях и пособиях вдовам и детям классных чиновников; в) о производстве пенсий и пособий. А всего в этом уставе содержалось 107 статей. В данном Уставе впервые был определен орган, осуществляющий выплату пенсий и единовременных пособий — Государственное Казначейство. В новой пенсионной системе предполагалось, что для осуществления выплат пенсий и единовременных пособий в Казначейство перечислялись все «пенсионные капиталы» и суммы, накопившиеся по разным местам «на производство пенсий и пособий». При этом к основному документу Устава прилагался дополнительный акт — «Примерное расписание окладов для определения пенсий гражданским чиновникам по должностям», который устанавливал суммы окладов для каждого разряда чиновников. Всего существовало девять разрядов, каждый из которых подразделялся еще на подразряды. Суммы, назначаемые «Примерным расписанием...» варьировались от трехсот рублей до четырех тысяч рублей. Данный акт так же устанавливал, что чиновники первых двух разрядов получали пенсии, размер которых зависел от величайшей милости царя, остальные же разряды получали пенсионные выплаты в зависимости от стажа (числа лет государственной службы) и положения, занимаемого чиновником (разряда). Для финансирования целей пенсионной системы необходимы были большие средства, которых в государственной казне и так не хватало. Для этих целей была введена система и вычетов, которые отправлялись в Государственное Казначейство для формирования необходимых сумм. Данная система включала в себя: отчисления с пенсий в таком же размере, как и с жалования, вычеты за повышение чинами, отчисления с окладов жалования чиновников «по Гражданской части», вычеты со всех окладов под названием «столовых денег».

С течением времени были замечены существенные недостатки новой пенсионной системы. Во-первых, суммы вычетов и отчислений не хватало, чтобы хоть как-то покрывать расходы государства на пенсионные выплаты, во-вторых, суммы пенсий были очень малы, особенно в сравнении с жалованием чиновников, которое помимо всего включало в себя еще и столовые, и премиальные суммы. В результате этого шестого ноября 1853 года Николаем I был принят Указ о внесении изменений в «Устав о пенсиях и единовременных пособиях» 1827 года. Указом были изменены сроки за выслугу лет. Теперь выслуга лет составляла двадцать пять и тридцать пять лет. При этом выслуга лет сроком в двадцать пять лет давала право только на половину оклада, а в тридцать пять лет — полный оклад. Также нововведения коснулись и ведомств. Были отменены пенсии по ученым и учебным ведомствам на службе сверх жалования и выплаты пенсий за короткие сроки выслуги

лет, были отменены краткие сроки выслуги лет и во всех остальных ведомствах. Указ внес изменения и в саму систему выплат служащим в зависимости от разряда. Теперь размер пенсии гражданского чиновника определялся по разряду последней его должности, которую он занимал не менее пяти лет.

Впоследствии в «Устав о пенсиях и единовременных пособиях» вносились множество изменений, так как пенсионные выплаты выросли и пенсионеров из-за этого становилось все больше (до этого чиновники старались работать до конца жизни, не уходя на пенсию). Так в 1828 году один пенсионер приходился на 4,5 служащих, в 1843 — на 2,5 служащих, а в 1868 году — на одного служащего. Государство всячески старалось уменьшить расходы на пенсионные выплаты, так как во второй половине XIX века Россия вела войну с Турцией и денежные потери были колоссальны, денег в казне не хватало, а число пенсионеров и льготников все росло. В 1888 году был принят закон, который обязывал владельцев частных железных дорог и горнодобывающей промышленности создавать пенсионные кассы, которые обеспечивали выплатами работников, ушедших с работы по болезни и по инвалидности. Финансовую основу таких касс составляли постоянные фиксированные отчисления из зарплат работников.

В дальнейшем были приняты ряд законов, которые закрепляли за рабочими право на получение пенсий в случае получения травм и дальнейшей нетрудоспособностью. Примерами таких Законов могут служить: Закон «О страховании рабочих от несчастных случаев на производстве» [4], Закон «Об обеспечении рабочих на случай болезни» [5], новый «Устав о пенсиях» [8], который увеличил суммы пенсионных выплат гражданским и военным чиновникам.

Дальнейшему развитию пенсионной системы в Российской Империи помешала начавшаяся в 1914 году Первая мировая война и последующая за ней революция. Многие законопроекты, разработанные в сфере пенсионного обеспечения, так и остались не осуществленными.

Радикальные преобразования начали происходить после революции 1917 года. Были приняты постановления устанавливающие надбавки к пенсионным выплатам инвалидам войны и установлении социального обеспечения трудящихся.

С начала 1920-х годов разрабатывалась система пенсионного обеспечения граждан, пострадавших во время гражданской войны, в результате чего были введены пенсии по инвалидности и пенсии по случаю потери кормильца. В 1927—1930 годах были введены пенсии по старости для работников промышленности (текстильная, тяжелая и транспортная промышленность) и государственных служащих. При этом в начале пенсии по старости и пенсии по инвалидности никак не различались и только в 1929 году были введены различия в суммах двух видов пенсионных выплат. Были введены и законодательно закреплены возраста (для мужчин — 60 лет, для женщин, — 55 лет [1]. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение

в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. [10]

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов». При этом в отличие от законов, принятых ранее в Российской Империи, Конституция СССР закрепляла равенство людей и соответственно пенсионное обеспечение осуществлялось на равных правах как служащим государственного аппарата, так и рабочим.

В 30-е годы XX века было введено пенсионное обеспечение за выслугу лет. Такой вид обеспечения коснулся работников медицины, учителей, работников, занимающихся научной деятельностью, а так же работников гражданского воздушного флота.

В 40-е годы активно проходило реформирование пенсионного обеспечения в области военнослужащих. Так 16 июля 1940 г. СНК СССР утвердил постановление «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего состава срочной службы и их семьям», а 5 июня 1941 г. — постановление «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям». 26 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего состава в военное время». В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР военнослужащим всех родов войск устанавливалась определенная сумма пенсионного обеспечения в зависимости от количества нетрудоспособных в семье. Так в п.1 Указа сказано: Если в семье нет трудоспособных, пособие выплачивается ежемесячно в следующих размерах [6]:

- 1) при наличии одного нетрудоспособного — 100 рублей;
- 2) двух нетрудоспособных — 150 рублей;
- 3) трех и более нетрудоспособных — 200 рублей в месяц в городе и 50 % этой суммы в сельских местностях.

В Указе так же предусматривалось право семей убитых или пропавших без вести военнослужащих получать данное обеспечение до назначения им пенсии (п. 9 Указа).

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны была создана система социального, в том числе и пенсионного обеспечения трудящихся.

В 1956 году принимается Закон СССР «О государственных пенсиях», где впервые за последнее время устанавливается официальный орган, занимающийся вопросами пенсионного обеспечения — Комиссия по назначению пенсий. Данные органы образовывались исполнительными комитетами районных (городских) Советов народных депутатов. В Законе было установлено, что «право на пенсию по старости имеют рабочие и служащие: мужчины — по достижении 60 лет и при стаже работы не менее 25 лет; женщины — по достижении 55 лет и при стаже работы не менее 20 лет» [2]. При этом закон предусматривал и исключения,

так, например, женщины, родившие пять или более детей и воспитавшие их до восьмилетнего возраста, имеют право на пенсию по старости по достижении 50 лет и при стаже работы не менее 15 лет, если они не имеют права на пенсию по старости в более раннем возрасте. Так же, в отличие от предыдущих законов, Закон «О государственных пенсиях» предусматривал отмену пенсии по старости работающим пенсионерам. Стоит заметить, что одним из главных плюсов нового закона являлось значительное увеличение размера пенсий, особенно это касалось рабочих, чья трудовая деятельность была связана с вредным производством и военнослужащих. Не смотря на бурное развитие пенсионного законодательства в СССР, ни один из законов не регулировал пенсионное обеспечение колхозников. И только в 1964 году был принят такой закон — «О пенсиях и пособиях членам колхозов». Данным законом членам колхозов устанавливались фиксированные пенсии, что уравнивало их в правах с другими рабочими. Законом устанавливался минимальный размер пенсий для членов колхозов в сорок рублей, при этом в законе предусматривалось, что к пенсиям, выплачиваемым не менее десяти лет, прибавлялось десять рублей и минимальный размер пенсии получался в пятьдесят рублей. Остальные же пункты закона были схожи с Законом «О государственных пенсиях».

Конституция СССР 1977 года также, как и Конституция 1936 года закрепляет в себе право граждан на пенсионное обеспечение: «Статья 43. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца.

Это право гарантируется социальным страхованием рабочих, служащих и колхозников, пособиями по временной нетрудоспособности; выплатой за счет государства и колхозов пенсий по возрасту, инвалидности и по случаю потери кормильца; трудоустройством граждан, частично утративших трудоспособность; заботой о престарелых гражданах и об инвалидах; другими формами социального обеспечения».

В дальнейшем в стране начались резкие преобразования как в экономической, так и в правовой сфере, ситуация менялась и пенсионное законодательство требовало того же. Масштабность преобразований в экономической сфере требовали решительных перемен, и уже в 1990 году был принят закон СССР «О пенсионном обеспечении граждан СССР». Целью принятия этого закона было стабилизация отношений в сфере пенсионного обеспечения и увеличение материального обеспечения пенсионеров. Новинкой для законодательства того времени была введенная девятая статья данного закона, где говорилось о добровольном страховании дополнительной пенсии. Источником для выплаты дополнительной пенсии в системе Госстраха СССР являлся страховой фонд, состоящий на 50 процентов из личных взносов трудящихся и на 50 процентов из средств Государственного бюджета СССР. Интересным фактом также является то, что статья

девятнадцатая данного закона предусматривала особые правила выхода на пенсию лиц, больных гипофизарным нанизмом (лилипуты):

Статья 19. «Пенсии лилипутам и карликам»

Лица, больные гипофизарным нанизмом (лилипуты), и диспропорциональные карлики имеют право на пенсию по возрасту:

- 1) мужчины — по достижении 45 лет и при стаже работы не менее 20 лет;
- 2) женщины — по достижении 40 лет и при стаже работы не менее 15 лет;

Литература:

1. Конституция СССР от 5 декабря 1936. Утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик // Известия ЦИК СССР и ВЦИК, № 283.
2. Закон СССР от 14 июля 1956 «О государственных пенсиях» // Ведомости ВС СССР, 1956, N 22.
3. Закон «О страховании рабочих от несчастных случаев на производстве» от 20 июня 1912. Утвержден императором Николаем II 23 июня 1912 года.
4. Закон «О страховании рабочих от несчастных случаев на производстве» от 20 июня 1912. Утвержден императором Николаем II 23 июня 1912 года.
5. Закон «Об обеспечении рабочих на случай болезни» от 23 июня 1912.
6. Указ от 26 июня 1941 года «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего состава в военное время» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, N 35.
7. Устав о пенсиях и единовременных пособиях от 6 декабря 1827. Второе собрание. Том 2 // Собрание законов Российской Империи.
8. Устав о пенсиях от 6 декабря 1827 году. Спб // Собрание законов Российской Империи.
9. Морской устав от 13 января 1720. СПб.: Уставъ морской. Книга IV.
10. Лазарев С. Е. Соотношение норм Конституции СССР 1936 г. и Конституции РФ 1993 г. // Гражданин и право. 2015. № 7. С. 46–57.

Регулирование труда государственных служащих: постановка проблемы

Шатова Татьяна Александровна, магистрант

Иркутский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции РФ

В статье рассматривается современная нормативная база регулирующая труд государственных служащих, а также спектр проблем, возникающих в результате противоречий между федеральными и региональными нормами.

Ключевые слова: *государственный служащий, государственная гражданская служба, проблемы регулирования, пути решения*

За последнее десятилетие в Российской Федерации были произведены существенные изменения в сфере расширения нормативного регулирования государственной службы. Была сформирована специальная нормативная база регулирующая трудовые отношения государственных гражданских служащих. К ним можно отнести федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1], федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8 — ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [2], федеральный закон от 25 декабря

Но этот закон долго не просуществовал, так как уже в 1991 году на смену СССР пришла Российская Федерация и многие законы, действующие ранее, утратили силу.

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать вывод о том, что пенсионное обеспечение в России развивалось с давних времен и прошло долгий путь развития, совершенствуясь с каждым новым этапом, с каждым новым принятым законом. Отношения в сфере социального обеспечения никогда не стояли на месте, постоянно развивались и внося новые изменения, законодатель предусматривает все возможные социальные риски.

2008 г. № 273 — ФЗ «О противодействии коррупции» [3], а также федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152 — ФЗ «О персональных данных» [4] и др. Особое внимание следует уделить положениям Трудового Кодекса РФ (далее — ТК РФ) [5], как федеральному закону, который напрямую не регулирует трудовые отношения государственных служащих, но применяется к отношениям, связанным с гражданской службой, в части не урегулированной ФЗ «О государственной гражданской службе» [7, с. 25]. Статья 73 Федерального закона «О государственной гражданской службе», четко устанавливает, что федеральные законы,

содержащие нормы трудового права, применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной данным законом.

Среди подзаконных нормативных актов, регулирующих прохождение государственной гражданской службы, можно выделить Указ Президента от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих», Указ Президента от 1 февраля 2005 г. № 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации». Указ Президента РФ от 1 февраля 2005 г. № 111 «О порядке сдачи квалификационного экзамена государственными гражданскими служащими Российской Федерации и оценки их знаний, навыков и умений (профессионального уровня)», Указ Президента РФ от 1 февраля 2005 г. № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации», Указ Президента РФ от 1 февраля 2005 г. № 113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим» и др. Вышеперечисленные нормативные акты на федеральном уровне закладывают общие основы правового регулирования труда государственных служащих.

Одновременно с этим в каждом субъекте РФ существует региональное законодательство, регулирующее деятельность государственных служащих, в качестве примера таких актов можно привести указы и распоряжения высшего должностного лица субъекта РФ, и постановления высшего органа исполнительной власти субъекта РФ. В ходе применения регионального и федерального законодательства, выявляются внутренние противоречия, что приводит к проблемам реализации того или иного положения федерального законодательства.

Среди них можно выделить следующие проблемы — неоднозначность толкования некоторых указов и федеральных законов; большое число изменений и уточнений, вносимых в положения федерального закона «О государственной гражданской службе РФ» приводят к противоречиям положений регионального законодательства и его несоответствию федеральному законодательству; отсутствие единого подхода к формированию регионального законодательства субъектами РФ [8, с.241]; строго определенный конкурсный состав аттестационной комиссии государственных служащих, минимальное участие в отборе независимых экспертов [6, с. 17].

С целью повышения эффективности государственного управления был подготовлен проект указа Президента Российской Федерации «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы». Основными целями данного указа являются формирование системы управления

гражданской службой на основе современных принципов управления персоналом, формирование детализированной системы квалификационных требований к претендентам на замещение должностей гражданской службы и гражданским служащим, ориентированной на эффективное осуществление функций государственных органов, повышение качества отбора граждан, претендующих на замещение должностей гражданской службы, развитие комплексной оценки гражданских служащих, обеспечение непрерывного профессионального развития гражданских служащих, повышение престижа гражданской службы, совершенствование системы мотивации гражданских служащих, дальнейшее внедрение антикоррупционных мер и применение кадровых технологий противодействия коррупции на гражданской службе, расширение информационной открытости гражданской службы и общественного участия, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий. Правительством Российской Федерации в свою очередь был подготовлен проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы». Следует отметить, что в реализации данных мероприятий должны участвовать, как федеральные государственные органы, так и региональные органы и органы местного самоуправления. Возможно их тесное взаимодействие устранить пробелы и противоречия между федеральными и региональными нормами о гражданской службе, и позволить создать прочную единообразную нормативную базу регулирующий труд гражданских служащих.

На наш взгляд своевременными будут следующие меры, направленные на решение данной ситуации:

- 1) утвердить регламентированный механизм принятия регионального законодательства, регулирующего трудовую деятельность государственных гражданских служащих;
- 2) ввести специальные сроки для устранения выявленных на практике противоречий между региональным и федеральным законодательством о государственной службе;
- 3) при принятии новых актов всегда использовать общепринятые понятия, чтобы исключить неоднозначность понимания терминов в нормативном акте;
- 4) участие в аттестации государственных гражданских служащих не менее 35% независимых высококвалифицированных экспертов в области права, представителей научных и образовательных учреждений на безвозмездной основе с целью привлечения на государственную службу только грамотных специалистов.

Литература:

1. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Гарант: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://study.garant.ru/#/document/12136354/paragraph/237301:2>;
2. Федеральный закон от 09 февраля 2009 г. № 8 — ФЗ (ред. от 09 марта 2016 г.) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Гарант: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://study.garant.ru/#/document/194874/paragraph/2070:11>;
3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273 — ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г.) «О противодействии коррупции» // Гарант: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://study.garant.ru/#/document/12164203/paragraph/2769:13>;
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152 — ФЗ (ред. от 21 июля 2014 г.) «О персональных данных» // Гарант: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://study.garant.ru/#/document/12148567/paragraph/24880:15>;
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 31.12.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 3;
6. Вассерман Н. В. Правовые ограничения и запреты, связанные с замещением должностей государственной гражданской службы // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2009. — № 2. — С. 17;
7. Волкова В. В. Сапфинова А. А. Государственная служба: учебное пособие. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 207 с;
8. Каранин К. В. Поступление на государственную гражданскую службу: противоречивость законодательства на федеральном и региональном уровнях // Города и местные сообщества. — 2015. — Т. 1. — С. 241.

17. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Порядок применения положений о свидетельском иммунитете

Ахьядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

В уголовном процессе РФ под свидетельским иммунитетом понимается право лица не давать показания. Указанное право распространяется в отношении самого лица, дающего показания и его близких и родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК РФ (п. 40 ст. 5 УПК РФ). Если рассматривать дачу свидетельских показаний как обязанность каждого гражданина (как это следует из смысла ст. 51 Конституции РФ и ст. ст. 307, 308 УК РФ), то освобождение от этой обязанности следует считать иммунитетом, который может выражаться в различных формах. В зависимости от основания и формы освобождения от обязанности давать показания, свидетельский иммунитет может быть реализован в виде привилегии (привилегия против самообвинения, иммунитет близких родственников и супруга, иммунитет депутатов и дипломатов) или в виде совокупности права и запрета давать свидетельские показания (иммунитет судей, присяжных, защитников, адвокатов и священнослужителей).

В части 1 статьи 51 Конституции РФ следующим образом сформулирована привилегия против самообвинения: «никто не обязан свидетельствовать против себя самого». В этой норме Конституции РФ отражен (но в более широкой формулировке) общепризнанный принцип, закрепленный в п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Как и правила о свидетельском иммунитете в целом, привилегия против самообвинения определяет, во-первых, правила допустимости доказательств в уголовном процессе, во-вторых, правовые условия допроса любых участников уголовного процесса на любой стадии уголовного судопроизводства. Нельзя принуждать человека давать показания против самого себя, «доказывать свою виновность». Такая практика нарушает права личности, противоречит процессуальным и нравственным принципам. В каком бы качестве ни допрашивался человек, от него не требуется доноса на самого себя, поэтому уголовная ответственность за отказ от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний, недонесение о преступлении в таких случаях наступать не должна. Данное положение определяет юридическую цель реализации привилегии против самообвинения.

Субъект привилегии против самообвинения имеет право в любой стадии производства по уголовному делу отказаться давать самоинкриминирующие показания. Допрашиваемое лицо вправе отказаться отвечать на вопросы, если ответ

может привести к обвинению его в преступлении или (и) привести к появлению доказательств, из которых можно было бы сделать вывод о его виновности в преступлении. В качестве субъекта привилегии против самообвинения может рассматриваться не только обвиняемый или подозреваемый — это очевидное их право, но и свидетель и потерпевший, если своими ответами они могут навлечь опасность уголовной ответственности для самих себя.

С институтом привилегии против самообвинения в уголовном процессе тесно связан процессуальный институт свидетельского иммунитета, полученного в результате соглашения. Производный от привилегии против самообвинения, «иммунитет по сделке» формируется тогда, когда абсолютное конституционное право гражданина на сокрытие самоизобличительной информации вступает в противоречие с интересами государства и общества. Происходит столкновение карательной функции государства с личным конституционным правом гражданина. С одной стороны, решения по вопросам, имеющим общегосударственное значение или общественный резонанс, должны приниматься на основе наиболее полной информации; с другой стороны, чем шире право гражданина на привилегию против самообвинения, тем больше затрудняется деятельность государственных органов по изобличению и наказанию преступников. В качестве средства для разрешения этого противоречия возник институт иммунизации показаний, который представляет собой предоставление лицу гарантий того, что сообщенные им инкриминирующие его факты не будут использованы против него в качестве доказательства по уголовному делу. Этот вид свидетельского иммунитета и получил в литературе название «иммунитет по сделке».

Вопросы закрепления и реализации иммунитета, полученного в результате соглашения между обвиняемым и государственными органами, приобрели несомненное значение в связи с введением института особого порядка судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в действующее российское уголовно-процессуальное законодательство. Полагаем, что применение института ограниченного использования показаний обвиняемого («иммунизации» показаний) имеет хорошие перспективы в нашем уголовном процессе. Международное сообщество также признает возможность ограничения привилегии против самообвинения в борьбе против преступных

организаций. В частности, в 1995 году Совет Европейского Союза принял резолюцию о защите свидетелей в борьбе против организованной преступности. Помимо прочего, «эта Резолюция отражает ту точку зрения, что знание о преступных организациях может быть существенно расширено, а их деятельность взята под контроль посредством использования заявлений членов таких организаций, согласных сотрудничать с правосудием».

Новая глава УПК РФ, закрепившая правила досудебного соглашения о сотрудничестве и особенности принятия судебного решения в этом случае, не регламентирует вопросы допустимости показаний обвиняемого, заключившего такое соглашение. Законодатель лишь в общих чертах указывает, что подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить действия в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления; изобличении и уголовном преследовании других соучастников; розыске имущества, добытого преступным путем (ст. ст. 317.1, 317.5 УПК РФ). В частности, к таким действиям можно отнести

представление сведений о соучастниках преступления (ч. ч. 1, 2 ст. 317.5 УПК РФ). Законодатель не определяет объем и содержание предоставляемых сведений, форму и способ их представления и, главное, порядок их использования в отношении других лиц и самого обвиняемого.

Полагаем, что объем и содержание сведений, предоставляемых обвиняемым или подозреваемым, заключившим соглашение о сотрудничестве, должен соответствовать целям заключенного соглашения и особенностям конкретного уголовного дела. Способ предоставления сведений может быть только процессуальным, предусмотренным УПК РФ, иначе сведения нельзя будет использовать в качестве доказательств, а именно получение доказательств является одной из конкретных задач органов предварительного расследования и прокурора при заключении соглашения. Оптимальный способ в таком случае — допрос, в некоторых случаях — очная ставка, проверка показаний на месте, то есть такие следственные действия, в результате которых появляются или уточняются показания.

Литература:

1. Агаев Ф. А., Галузо В. Н. Иммуниеты в российском уголовном процессе. — М., 2013. — С. 108.
2. Бобраков И. А. Проблемы законодательной регламентации насильственных посягательств в отношении свидетелей и потерпевших Журнал российского права. 2012. № 1.
3. Даев В. Г. Иммуниеты в уголовно-процессуальной деятельности // Правоведение. — М., 2012. — С. 51–52.
4. Зайцев О. А. Теория и практика участия свидетеля в уголовном процессе: автореф. дис. канд. юрид. наук. — М., 2011. — С. 14–15.

Уголовная ответственность за посягательства на представителей власти: сравнительно-правовой аспект

Болдырева Наталья Вячеславовна, магистрант

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Глава 32 Уголовного Кодекса РФ «Преступления против порядка управления» открывается статьями, охраняющими нормальную деятельность органов власти посредством установления ответственности за посягательства в отношении ее представителей (ст. 317–319 УК РФ) [1].

Думается, что такой подход вполне обоснован тем, что, во-первых, наиболее распространенным способом противодействия законной деятельности органов власти является воздействие на права и свободы лиц, осуществляющих ее, а во-вторых, выступающая в качестве дополнительного объекта указанных преступлений личность, ее права и свободы провозглашены в Конституции РФ в качестве высшей ценности.

Небезоснователен тот факт, что государство всегда охраняет уголовно-правовыми средствами определенный круг общественно-значимых общественных отношений и интересов. Более того, уголовный закон берет под охрану

наиболее ценные отношения и интересы. Именно поэтому особой защитой наделены представители власти т. к. их деятельность направлена на охрану общественного порядка и борьбу с преступностью. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в связи с осуществлением своей профессиональной деятельности именно эта категория лиц подвержена опасности со стороны преступных элементов, поэтому государство пытается обеспечить всеми, в том числе и уголовно-правовыми мерами их жизнь и здоровье.

Зарубежное законодательство, как и отечественное уголовно-правовую охрану жизни представителя власти, в том числе и сотрудника правоохранительного органа определяет объектом пристального внимания.

Анализ уголовного законодательства стран ближнего и дальнего зарубежья, которые представляют различные правовые системы, позволяет определить, что в большинстве случаев законодатель, преследует цель обеспечить

нормальной служебной деятельностью сотрудников правоохранительных органов и их личную безопасность при осуществлении возложенных на них функциональных обязанностей, а также конструирует специальные уголовно-правовые нормы об ответственности за посягательства на их жизнь и здоровье с установлением максимально суровых мер наказания в случае убийства таких лиц.

В частности, для уголовного права США, Англии и некоторых иных стран, представляющих англосаксонскую систему права (Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.), характерно деление посягательств против жизни на тяжкое убийство и простое убийство [2, с. 72]. Тяжкое убийство, в свою очередь, часто подразделяется на тяжкое убийство первой и второй степени.

Свод законов США, в разделе 18 «Преступления и уголовный процесс», содержит специальный параграф 1114 «Защита должностных лиц или служащих Соединенных штатов» [3, с. 94], в котором за убийства этих лиц, в том числе и сотрудников правоохранительных органов, предусматривает максимально суровые санкции. Уголовное законодательство большинства штатов относят к убийству первой степени случаи умышленного лишения жизни определенных лиц: Президента, других государственных деятелей, пожарных, свидетелей, вызванных в суд, детей, а также некоторых иных лиц, в том числе сотрудников правоохранительных органов.

Так например, в ст. 125.27 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк указывается: «Лицо виновно в тяжком убийстве первой степени, если с намерением причинить смерть другому лицу, оно причиняет смерть этому лицу и потерпевшим был служащий полиции, который был убит в ходе выполнения им своих служебных обязанностей, и обвиняемый знал или должен был разумно полагать, что потерпевший являлся служащим полиции...». [2, с. 143] Наказание за совершение такого деяния предусмотрено Уголовным кодексом в виде смертной казни.

Английское уголовное законодательство за убийство сотрудника полиции, исполнявшего свои служебные обязанности предусматривает пожизненное лишение свободы.

Целесообразно отметить, что жизнь и здоровье представителей власти, которыми являются сотрудники правоохранительных органов — объект особой охраны в странах, которые представляют романо-германскую правовую семью (ФРГ, Франция, Голландия, Бельгия, Австрия, Швейцария и др.).

В соответствии с п. 4 ст. 221—4 Уголовного кодекса Франции, «умышленное убийство наказывается пожизненным заточением, в случаях совершения его в отношении магистрата, судьи, адвоката, представителя государственной власти или чиновника государственной службы, при исполнении или в связи с исполнением его обязанностей или возложенного на него задания, в случаях, когда положение, которое занимает пострадавший, очевидно или известно исполнителю». [4, с.57].

Что касается уголовного законодательства многих стран СНГ, т. е. бывших союзных социалистических республик, то можно отметить тенденцию, что они во многом схожи с российским уголовным законодательством и также закрепляют специальные нормы об ответственности за посягательство на представителя власти.

Так, Уголовный Кодекс Республики Беларусь, содержит гл. 33 «Преступления против порядка управления» которая устанавливает санкции за убийство работника милиции. [5, с. 49]

При этом в случае нарушения указанного уголовно-правового запрета законодатель предусматривает возможность применения смертной казни. Стоит отметить, что высшей мерой наказания в отношении субъекта, совершившего посягательство на сотрудника правоохранительных органов в Российской Федерации, также является смертная казнь, однако ввиду моратория на смертную казнь она в нынешних условиях неприменима.

Уголовное законодательство Украины содержит положения об ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, которое расположено в ст. 348 «Посягательство на жизнь работника правоохранительного органа, члена общественного формирования по охране общественного порядка и государственной границы или военнослужащего». [6, с. 35] В качестве обязательного признака состава посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа уголовно-правовые нормы Украины предусматривают специальный мотив и цель преступного посягательства — «в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности или из мести за такую деятельность».

Республики Молдова также в своем законодательстве закрепила нормы об охране представителей власти. Однако, в отличие от законодательства Украины и Беларуси, Республика Молдова дифференцирует ответственность за посягательство на жизнь сотрудника полиции в зависимости от тяжести наступивших общественно опасных последствий для здоровья потерпевшего.

Так, например, ст. 350 Уголовного Кодекса Республики Молдова гласит: «посягательство на жизнь сотрудника полиции, другого работника органов внутренних дел или иного лица, находящегося при исполнении служебного или общественного долга по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, повлекшее причинение потерпевшему легкого или средней тяжести телесного повреждения либо иного незначительного или средней тяжести вреда здоровью, наказывается лишением свободы на срок от 7 до 20 лет». [7, с. 27] Квалифицированный состав данного преступления предусмотрен совершение тех же действий, но повлекшее за собой причинение тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью либо смерть человека. Ответственность за такое деяние определяется

в виде лишения свободы на срок от 15 до 25 лет или пожизненным заключением.

Стоит отметить, что не все государства, включают в уголовное законодательство специальные нормы, которые предусматривают ответственность за посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов, уголовно-правовую охрану их жизни и здоровья, а также нормальную управленческую деятельность названных лиц. Данные правоотношения охраняются уголовно-правовыми нормами о преступлениях против личности, а также специальными уголовно-правовыми запретами применения насилия в отношении представителя власти.

Примером такого государства может послужить Республика Казахстан. Так, ч. 2 ст. 321 УК Республики Казахстан устанавливает повышенную ответственность в части применения насилия, опасного для жизни или здоровья в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных. [2, с. 138]

Аналогичные нормы, предусматривают повышенную уголовную ответственность за сопротивление или применение насилия в отношении представителей власти, содержатся в уголовном законодательстве Азербайджана (ст. 315 УК), Грузии (ст. 353 УК) и Армении (ст. 316 УК).

Таким образом, анализ действующего уголовного законодательства зарубежных стран в части установления ответственности за посягательство на представителя власти позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, многие УК иностранных государств (УК большинства штатов США, Франции, большинства стран СНГ и др.), преследуют цель обеспечить нормальную служебную деятельность представителей власти и их личной безопасности при осуществлении возложенных на них служебных обязанностей, а также содержат специальные уголовно-правовые нормы об ответственности за посягательство на их жизнь с установлением максимально суровых мер наказания в случае убийства таких лиц.

Во-вторых, в ряде государств устанавливается уголовно-правовая охрана жизни сотрудников правоохранительных органов и установление ответственности за их убийство (УК штата Техас, УК штата Нью-Йорк, УК Республики Беларусь), в других случаях, конструируя соответствующий уголовно-правовой запрет, законодатель использует термин «Посягательство на жизнь» (УК Украины, УК Республики Молдавия).

И, в-третьих, в качестве обязательных признаков составов убийства представителей власти или посягательства на их жизнь законодатель предусматривает специальные мотивы и цель преступного посягательства.

Подводя итог и резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что в качестве потерпевших законодатель отмечает следующие категории лиц: работники милиции; служащие или сотрудники полиции; представители государственной власти или чиновники государственной службы; военнослужащие; члены общественных формирований по обеспечению общественного порядка, а также близких лиц.

Таким образом, особая уголовно-правовая охрана жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов, как в отечественном законодательстве, так и в законодательствах зарубежных стран predetermined, прежде всего, выполнением ими служебных обязанностей по обеспечению общественной безопасности и охране общественного порядка.

В свою очередь, обобщая вышесказанное можно отметить, что все государства обеспечивают надлежащей охраной жизнь, здоровье, честь и достоинство, а также личную неприкосновенность представителей власти и их близких, ввиду того, что противоправные деяния против указанной категории лиц подрывают авторитет государственных органов и порождают недоверие у населения к органам власти и должностным лицам.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
2. Уголовное право зарубежных государств: учеб. пособие / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. М.: Изд. дом «Камерон», 2011. Особенная часть.
3. Уголовное право США: Сб. норм. актов / сост., отв. ред. и автор вступ. ст. И. Д. Козочкин. М.: Изд-во УДН, 2008.
4. Новый уголовный кодекс Франции. М.: Изд-во «Юридический колледж МГУ», 2008.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2010.
6. Уголовный кодекс Украины. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2010.
7. Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2010.

Уголовная ответственность за контрабанду наркотиков (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан)

Иванюга Ксения Александровна, студент

Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии

В статье рассмотрены особенности регламентации уголовной ответственности за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ в уголовном законодательстве Республики Казахстан. Проведен сравнительно-правовой анализ подходов законодателей Российской Федерации и Республики Казахстан к этой проблеме.

Ключевые слова: Таможенный союз, Республика Казахстан, контрабанда, наркотические средства, психотропные вещества, дифференциации уголовной ответственности, квалифицированные составы, наказание

Постоянно углубляющиеся интеграционные процессы в экономиках стран — членов Евроазиатского экономического союза: Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации, — заставляют задумываться над решением проблем создания общих правил поведения участников внешнеэкономической деятельности на территории единого экономического пространства. В том числе это касается и унификации национального уголовного законодательства в области контрабанды наркотических средств и психотропных веществ [2, с. 71].

В то же время, для того чтобы перейти к вопросам унификации законодательства всех 5 стран, необходимо провести сравнительно-правовой анализ действующего законодательства в области противодействия контрабанде наркотиков каждого члена ЕАЭС, выявить в них сходства, различия, особенности, достоинства и недостатки.

Настоящая работа посвящена изучению уголовной ответственности за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ в России и Казахстане.

Казахский законодатель, следуя рекомендациям Модельного Уголовного кодекса, в Уголовном кодексе от 16.07.1997 г. разделил контрабанду на два самостоятельных состава преступления: 1. Экономическая контрабанда (ст. 209, содержащаяся, в главе под названием «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса РК); 2. Контрабанда изъятых из обращения или ограниченных в обращении предметов (оружия, наркотиков и т. п.), предусмотренная ст. 250 УК РК. Состав преступления, предусмотренный ст. 250 УК РК, был расположен в разделе преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. Таким образом, общественная опасность контрабанды наркотиков в Казахстане была приравнена к контрабанде оружия на уровне общественной безопасности [5, 74].

Аналогичный подход был сохранен и перенесен в новый Уголовный кодекс РК 2014 года, который вступил в законную силу с 01.01.2015 г. Теперь уголовная ответственность за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ предусмотрена в ст. 286 УК РК (глава «Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка»).

В Уголовном кодексе РФ отделение контрабанды наркотиков от иных составов преступлений, предусматривающих ответственность за экономическую контрабанду или контрабанду оружия, ядовитых веществ и иных, было произведено лишь в декабре 2011 г. При этом в отличие от уголовного кодекса РК, в УК РФ преступное деяние, связанное с незаконным перемещением наркотических средств и психотропных веществ, было отделено от контрабанды сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ и др. В связи с чем, в УК РФ иным образом был определен родовый объект рассматриваемого преступления. Состав преступления за контрабанду наркотиков попал в главу 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Подобное различие в определении родового объекта, существенного значения не имеет, поскольку фактически родовые объекты рассматриваемых преступления схожи. Наоборот, необходимо отметить положительный момент, что оба закона отделили контрабанду наркотиков от экономической контрабанды.

Предметом рассматриваемого преступления являются конкретно определенные психоактивные вещества.

В Республике Казахстан перечень наркотических средств и психотропных веществ, являющихся предметом преступления, предусмотренного ст. 286 УК РК, предусмотрен в качестве приложения в законе РК РБ от 10.07.1998 № 279-І «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту наркотиков».

Указанный перечень, так же как и перечни, установленные в РФ постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681, составляются на основании Списков Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 года, Конвенции о психотропных веществах 1971 года и Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года. Кроме того, при их составлении учитываются «Рекомендации по формированию единых по содержанию списков (перечней) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров», утвержденных постановлением Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (ПА ОДКБ) от 17.05.2012 № 5—6.

Состав контрабанды в Уголовных кодексах рассматриваемых стран сконструирован законодателем как формальный. Это означает, что контрабанда признается оконченным преступлением с момента совершения описанных в диспозиции ст. 229.1 УК РФ и ст. 286 УК РК действий, и что для наступления уголовной ответственности за данное преступление не требуется наступление каких-либо неблагоприятных последствий.

Деянием, образующим объективную сторону состава контрабанды в соответствии с уголовным законодательством Казахстана, признаются действия, выражающиеся в перемещении через таможенную границу ТС или государственную границу Казахстана указанных выше предметов, совершенном либо помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманом использованием документов или средств идентификации, либо сопряженном с недекларированием или недостоверным декларированием [3].

Иным образом объективная сторона сформулирована УК РФ. Так, ст. 229.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС обозначенных подконтрольных веществ.

Как можно заметить, способы совершения контрабанды наркотиков определены в ч. 1 ст. 286 УК РК, как и в ранее действовавшей ст. 188 УК РФ. В ст. 229.1 УК РФ законодатель отказался от этого приема, сделав в этой части отсылку к таможенному кодексу ТС через установление понятия незаконного перемещения через таможенную границу ТС.

Отдельное внимание необходимо уделить месту совершения преступления. После введения в действие законодательства ТС понятие таможенной границы изменилось, и перестало полностью удовлетворять целям уголовного законодательства, поскольку теперь таможенной границей стали считаться пределы таможенной территории всего таможенного союза (ч. 2 ст. 2 ТК ТС), а между странами — членами ТС (ЕАЭС) таможенная граница перестала существовать. В тоже время общественная опасность деяния, связанного с незаконным перемещением наркотиков через государственные границы между странами — участницами ТС (ЕАЭС), ничуть не меньше, чем контрабанды наркотиков через таможенную границу ТС (ЕАЭС).

Чтобы не допустить декриминализации части преступления, законодатель Казахстана пошел по пути установления местом совершения контрабанды наркотиков, как таможенную границу ТС (ЕАЭС), так и государственную границу РК, путем включения соответствующего уточнения в ст. 286 УК РК. Аналогичный прием был также использован в уголовном кодексе РФ.

Квалифицирующими признаками состава контрабанды, выделенными законодателем Казахстана, руководствуясь исключительно критерием особенностей объективной стороны данного преступления, характеризующими его

повышенную опасность, являются предусмотренное ч. 2 ст. 286 УК РК совершение контрабанды с применением насилия к лицу, осуществляющему пограничный или таможенный контроль (п. 2), совершение контрабанды в отношении наркотических средств и психотропных веществ в крупном размере (п. 5). Особо квалифицируемый признак — совершение контрабанды в отношении наркотических средств и психотропных веществ в особо крупном размере (ч. 4 ст. 286 УК РК).

Как мы видим, УК РК, как и УК РФ, отразив нарастающую угрозу незаконного оборота наркотиков, стал ужесточать ответственность за контрабанду наркотиков в зависимости от объема и вида перемещаемых подконтрольных веществ. Однако если в УК РК градация по объему разделена на три вида: небольшой, крупный и особо крупный размеры, то в УК РФ она разделена на четыре вида: небольшой, значительный, крупный и особо крупный размеры.

Размеры наркотических средств и психотропных веществ предусмотрены в качестве приложения к закону РК от 10.07.1998 № 279-І «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту наркотиков».

Следует обратить внимание, что УК РК и УК РФ, в отличие от УК остальных стран — членов ЕАЭС, предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение контрабанды с применением насилия не только к лицу, осуществляющему таможенный контроль, но и к лицу, осуществляющему пограничный контроль.

На наш взгляд, такая позиция казахского и российского законодателей является наиболее удачной, отражающей мнение многих научных деятелей и полностью соответствующей действительной работе контролирующих органов на границах. Во-первых, частично контроль за лицами, товарами и транспортными средствами, перемещающимися через таможенную границу ТС осуществляется пограничной службой, т. е. они играют ту же роль в деле противодействия данному виду контрабанды, что и должностные лица таможенных органов. Во-вторых, действие данного квалифицируемого признака распространяется на лиц, которые совершают контрабанду помимо мест таможенного контроля, а также при пересечении государственной границы со странами — членами ТС [4, с. 40–41].

В соответствии с нормами ст. 15–17 УК РК субъектом любого преступления, в т. ч. и контрабанды, могут быть только физические лица, вменяемые и достигшие соответствующего возраста.

Согласно ст. 15 УК РК уголовной ответственности за контрабанду наркотиков подлежат лица, достигшие ко времени совершения этого преступления шестнадцатилетнего возраста. Указанный возрастной ценз объясняется тем, что по достижении шестнадцатилетнего возраста психически здоровый человек способен полностью оценивать свое поведение и, в том числе, общественную опасность такого преступления как контрабанда наркотических

средств и психотропных веществ. При этом УК РК исходит из того, что если несовершеннолетний достиг указанного возраста, но вследствие отставания в психическом (умственном) развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности.

Из норм Особенной части УК РК следует, что ответственность по ст. 286 УК РК несут как граждане РК, так и иностранные граждане, а также лица, не имеющие гражданства или подданства.

Аналогичные требования к субъекту предъявляются в уголовном законодательстве Российской Федерации.

Уголовным законом РК и РФ возможность привлечения к ответственности юридических лиц не предусмотрена.

В действующем уголовном законодательстве Казахстана, как и в российском нет определения понятия специального субъекта. Признаки, характеризующие специальных субъектов, предусмотрены в нормах Особенной части УК.

Специальными субъектами преступления для состава контрабанды наркотических средств и психотропных веществ по законодательству Казахстана являются:

- 1) должностные лица (п. 2 ч. 2 ст. 286 УК РК)
- 2) лица, обладающие особым положением, связанным с совершением им преступления (п. 1 ч. 2 ст. 286 УК РК)
- 3) лица, совершающие преступление в различных формах соучастия (ч. 3 ст. 286 УК РК)

Должностным лицом, совершившим контрабанду наркотиков с использованием своего служебного положения по законодательству РК, следует считать лицо, которое по долгу службы обязано осуществлять таможенный или пограничный контроль, соответствующие действия по досмотру перемещаемых через таможенную границу Республики Казахстан товаров или иных ценностей и предметов, и давать разрешение на пересечение границы.

Контрабанда, совершенная такими должностными лицами с использованием своего должностного положения, не требует дополнительной квалификации по статьям уголовного закона о должностных преступлениях [1].

Уголовный кодекс РФ также предусматривает в п. б ч. 2 ст. 229.1 квалифицированный состав контрабанды наркотиков, совершенной должностным лицом. Как и в УК РК в нем не предусмотрено разъяснений о том, какие категории лиц должны относиться к должностным. В тоже время существующая практика относит к специальным субъектам должностных лиц таможенных и пограничных органов, должностных лиц, деятельность которых связана с постоянным перемещением товаров и транспортных средств и иных предметов через таможенную границу (капитаны морских судов, начальники железнодорожных поездов, командиры экипажей самолетов, директора международных выставок и т. п.), а также должностных лиц — представителей высших органов государственной власти

(федеральных и субъектов Федерации) и Правительства РФ, пересекающих границу в связи с исполнением служебных обязанностей.

В п. 1 ч. 2 ст. 286 УК РК, также как и в ранее действовавшей ст. 188 УК РФ, предусмотрен квалифицирующий признак в виде неоднократности совершения преступления.

Неоднократность предполагает совершение одним и тем же лицом нескольких преступлений, предусмотренных одной и той же статьей или одной и той же частью статьи Особенной части УК (ст. 12 УК РК).

Преступление не признается совершенным неоднократно, если за ранее совершенное преступление лицо было осуждено, либо освобождено от уголовной ответственности по основаниям, установленным законом.

Если неоднократность в уголовно-правовой норме указана в качестве квалифицирующего признака, то совершение одним и тем же лицом нескольких тождественных преступлений подлежит квалификации в целом по соответствующей статье (части статьи) УК РК, предусматривающей ответственность за неоднократность совершения данного преступления.

Неоднократность образуют только тождественные преступления. Поэтому совершение нескольких однородных преступлений не может признаваться неоднократно, и подлежит квалификации как совокупность преступлений (нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25.12.2006 № 11).

В отличие от казахского российский законодатель еще в 2003 г. отказался от квалифицирующего признака неоднократность, как от пережитка советского уголовного права.

Конституционный суд РФ в своем постановлении от 19.03.2003 № 3-П пояснил, что, во-первых, понятие неоднократности, предусматривающее одинаковые правовые последствия для принципиально разных правовых последствий, нарушает принципы равенства всех перед законом и судом и справедливой ответственности. Во-вторых, понятия рецидива, судимости и неоднократности, связанной с судимостью, используемые в целях усиления наказания при рецидиве преступлений, не только заменяют и дублируют друг друга, но и приводят к неоправданному ужесточению наказания, значительному усилению репрессивной направленности действующего УК Российской Федерации даже по сравнению с УК РСФСР 1960 года, что нарушает конституционные принципы справедливого и соразмерного наказания [6, с. 11].

На наш взгляд, позиция российского законодателя по вопросу такого квалифицирующего признака, как неоднократность, является правильной и позволяет привести действующее уголовное законодательство в надлежащий вид, соответствующий принципам, которые положены в его основу.

По признаку участия лица в момент совершения преступления в совместной преступной деятельности нами были выделены следующие категории специальных субъектов контрабанды:

- участники группы лиц по предварительному сговору (п. 5 ч. 2 ст. 286 УК РК);
- участники организованной преступной группы (ч. 3 ст. 286 УК РК).

Аналогичные квалифицирующие признаки контрабанды наркотиков по степени соучастия субъектов предусмотрены и в УК РФ.

Субъективная сторона контрабанды наркотиков по уголовному законодательству Казахстана (ст. 19, 20 УК РК), также как и по законодательству России, характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Лицо должно осознавать общественную опасность своих действий, предвидеть возможность и неизбежность наступления общественно опасных последствий и желать их наступления [1].

Современные редакции ст. 229.1 УК РФ и ст. 286 УК РК предусматривают 4 степени градации опасности контрабанды наркотических средств и психотропных веществ в зависимости от наказания.

В ходе сравнение указанных составов можно заметить, что в них по разному оценена степень опасности не квалифицированной контрабанды наркотиков. В части 1 ст. 229.1 УК РФ в качестве основного вида наказания предусмотрено лишение свободы на срок от 3 до 7 лет, в качестве дополнительных — штраф и лишение свободы на срок до 1 года.

Часть 1 ст. 286 УК РК предусматривает более мягкую ответственность, при чем в качестве основного вида наказания может быть применен штраф, ограничение свободы до 5 лет либо лишение свободы на срок до 5 лет. В качестве дополнительного наказания предусмотрена конфискация.

Также необходимо отметить, что в УК РК для квалифицированных составов контрабанды предусмотрено только один вид основного наказания — лишение свободы, и один вид дополнительного — конфискация, тогда как в УК РФ в качестве дополнительных наказаний также могут применяться штраф и ограничение свободы.

Кроме того, УК РК и УК РФ по разному оценили степень опасности некоторых квалифицированных составов контрабанды наркотиков. Так, в УК РК к просто квалифицированным составам относится совершение контрабанды наркотиков с применением насилия к лицу, осуществляющему пограничный или таможенный контроль, тогда как подобный состав преступления в УК РФ отнесен к особо квалифицированным.

Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что законодательное закрепление контрабанды наркотиков в УК РФ и УК РК находится на примерно одинаковом уровне. Основополагающие объективные и субъективные признаки рассматриваемых преступлений в уголовных законодательствах Казахстана и России имеют множества сходств. Также можно отметить единый подход законодателей России и Казахстана к проблеме борьбы с контрабандой наркотиков.

В тоже время необходимо выделить следующие достоинства и недостатки в рассмотренных составах преступлений.

К достоинства состава контрабанды наркотических средств и психотропных веществ в УК РК можно отнести: наличие более взвешенной и гуманистически сформированной санкции за совершение подобного преступления без квалифицирующих признаков.

К достоинства состава контрабанды наркотических средств и психотропных веществ в УК РФ можно отнести: отказ от квалифицированного признака — неоднократность; ужесточение ответственности за контрабанду наркотиков с применением насилия к лицам, осуществляющим таможенный и пограничный контроль; формулировка объективной стороны преступления; разделение ответственности в зависимости от размера предмета преступления.

К общему недостатку рассмотренных составов преступлений можно отнести отсутствие разъяснений о том, какие категории лиц должны относиться к лицам, совершившим контрабанду наркотических средств и психотропных веществ с использованием своего должностного положения.

Литература:

1. Борчашвили И. Ш. Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Казахстан (Особенная часть). Астана: Жеті ж. — 2006. — Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/T9700167_1_#z167.
2. Галиев Б. Б. Унификация законодательства стран Таможенного союза и СНГ о борьбе с транснациональной преступностью как одна из действенных форм противодействия ее современным вызовам // Российский юридический журнал. — 2014. — № 4. — С. 71–75.
3. Грачев О. В. Уголовное законодательство Республики Казахстан в сфере экономической безопасности и таможенной интеграции // Российский следователь. — 2013. — № 1. — Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/o1155.html>.
4. Коробеев А. И., Ролик А. И. Борьба с наркоконтрабандой: проблемы законотворчества и правоприменения // Уголовное право. — 2014. — № 6. — С. 36–41.
5. Савчишкина О. Г., Степанов Г. И. Зарубежное уголовное законодательство об ответственности за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 17. — С. 74–78.
6. Торкунов М. А. Исключение из Уголовного кодекса Российской Федерации неоднократности — шаг к справедливой оценке множественности преступлений // Военно-уголовное право. — 2004. — № 4. — С. 11–12

Уголовная ответственность за контрабанду наркотиков (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики)

Иванюга Ксения Александровна, студент

Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии

В статье рассмотрены особенности регламентации уголовной ответственности за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ в уголовном законодательстве Кыргызской Республики. Проведен сравнительно-правовой анализ подходов законодателей Российской Федерации и Кыргызской Республики к этой проблеме.

Ключевые слова: Таможенный союз, Кыргызская Республика, контрабанда, наркотические средства, психотропные вещества, дифференциации уголовной ответственности, квалифицированные составы, наказание

На территориях стран Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации, продолжается вести интеграционная деятельность по формированию Евразийского экономического союза. В рамках этой деятельности каждая страна — член ТС (ЕАЭС), подписав Договор от 03.07.2010 г., взяла на себя обязательства защищать интересы не только своего государства, но и интересы иных стран — участниц ТС (ЕАЭС).

Для исполнения данных обязательств, в том числе должна быть проведена унификация уголовного законодательства стран — члена ТС (ЕАЭС) в области контрабанды наркотических средств и психотропных веществ.

В связи с чем приобретает актуальность проведения сравнительно-правового исследования действующего законодательства в области противодействия контрабанде наркотиков каждого члена ЕАЭС.

Предметом настоящей статьи стало уголовное законодательство Российской Федерации и Кыргызской Республики, закрепляющее уголовную ответственность за контрабанду наркотиков.

В Уголовном кодексе Кыргызской Республики уголовная ответственность за контрабанду наркотиков предусмотрена в ст. 204. Контрабанда наркотиков по родовому признаку отнесена к преступлениям экономического характера (глава 22).

Регламентация уголовной ответственности за контрабанду наркотиков законодателем Кыргызии была осуществлена в соответствии с Модельным Уголовным кодексом стран СНГ. Конструкция ст. 204 УК КР (частями 2, 3 и 4 которой предусматривается ответственность за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ) аналогична ранее действовавшей ст. 188 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. Суть данного вида контрабанды заключается в перемещении через таможенную границу Таможенного союза наркотических средств и психотропных веществ, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу ТС, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманом использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженным с недекларированием или недостоверным декларированием.

Можно обратить внимание, что в Уголовном кодексе КР не предусмотрено уголовной ответственности за незаконное перемещение наркотических средств и психотропных веществ через государственную границу Кыргызии с иными странами-участниками ТС (ЕАЭС).

В отличие от УК РК в Уголовном кодексе РФ контрабанда наркотиков в 2011 г. была отделена от экономической контрабанды в отдельный состав (ст. 229.1 УК РФ) и перенесена из главы с экономическими преступлениями в главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». При этом в отличие от уголовного кодекса КР, в УК РФ преступное деяние, связанное с незаконным перемещением наркотических средств и психотропных веществ, было отделено от контрабанды сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ и др. Таким образом, российский законодатель достаточно точно определил родовый объект преступления, чем особенно подчеркнул значимость борьбы с данным видом преступления.

Что касается определения сути данного вида контрабанды по законодательству РФ, то фактически оно совпадает с подходом кыргызского законодателя, за исключением того факта, что в УК РФ также предусмотрена ответственность за незаконное перемещение наркотических средств и психотропных веществ через государственную границу России с иными странами-участниками ТС в рамках ЕАЭС.

Предметом данного вида преступления являются конкретно определенные психоактивные вещества.

В Кыргызской Республики перечни наркотиков определены постановлением Правительства КР от 09.11.2007 № 543 «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах, подлежащих контролю в Кыргызской Республики». В Российской Федерации перечни наркотических средств и психотропных веществ, подлежащих контролю, утверждены постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 в ред. от 09.04.2015).

Указанные перечни двух стран, так же как и перечни составляются на основании Списков Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 года, Конвенции о психотропных веществах 1971 года и Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года. Кроме того, при их составлении учитываются

«Рекомендации по формированию единых по содержанию списков (перечней) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров», утвержденных постановлением Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (ПА ОДКБ) от 17.05.2012 № 5—6.

Как уже указывалось выше, деяние, образующее объективную сторону состава контрабанды в УК КР, состоит в незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза наркотических средств и психотропных веществ, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу ТС, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженном с недекларированием или недостоверным декларированием.

В УК РФ рассматриваемое деяние сформулировано, как незаконное перемещение через таможенную границу ТС в рамках ЕАЭС либо Государственную границу РФ с государствами — членами ТС в рамках ЕАЭС подконтрольных веществ.

Как можно обратить внимание, составы контрабанды в УК КР и в УК РФ являются формальными.

В рассматриваемых составах по разному определено место совершения преступления, если в УК РФ местом совершения контрабанды наркотиков признается весь периметр государства (таможенная граница ТС в рамках ЕАЭС и Государственная граница РФ с государствами — членами ТС в рамках ЕАЭС), то в УК КР местом совершения преступления считается лишь таможенная граница ТС.

На наш взгляд, подобный подход кыргызского законодателя к определению места совершения преступления фактически привел к декриминализации деяния, связанного с незаконным перемещением наркотиков на территорию или с территории Киргизии через государственную границу КР с остальными странами — участниками ТС.

Также обращает на себя внимание, что в УК РФ и УК КР по-разному сформулированы способы совершения контрабанды наркотических средств и психотропных веществ.

Статья 204 УК КР в своей диспозиции непосредственно содержит следующие способы совершения преступления:

- 1) помимо таможенного контроля;
- 2) с сокрытием от таможенного контроля;
- 3) с обманным использованием документов;
- 4) с обманным использованием средств таможенной идентификации;
- 5) с недекларированием подконтрольных товаров;
- 6) с недостоверным декларированием подконтрольных товаров.

В статье 229.1 УК РФ вместо описание конкретных способов совершения преступления указан один общий — «незаконное перемещение наркотиков».

Таким образом российский законодатель в части определения конкретных способов совершения контрабанды сделал отсылку к действующему ТК ТС, разъясняющему

понятие «незаконное перемещение товаров через таможенную границу» (п. 19 ч.1 ст. 4 ТК ТС).

Пунктом 19 ч.1 ст. 4 ТК ТС установлены следующие способы совершения контрабанды наркотиков:

- 1) вне установленных мест работы таможенных органов;
- 2) в неустановленное время работы таможенных органов;
- 3) с сокрытием от таможенного контроля;
- 4) с недекларированием товаров;
- 5) с недостоверным декларированием товаров;
- 6) с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах;
- 7) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации.

Следует признать, что указанные способы совершения контрабанды наркотиков, по законодательству РФ и КР, фактически не имеют между собой отличий и отражают одни и те же способы совершения преступления.

Рассмотрим квалифицированные составы контрабанды наркотиков с точки зрения объективных признаков.

Законодатель Киргизии выделил всего один квалифицирующий состав контрабанды наркотиков с точки зрения особенностей объективной стороны преступления, а именно совершение контрабанды подконтрольных веществ с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль (п.2 ч.2 ст. 204 УК КР). При этом указанная норма, в отличие от УК РФ, не распространяется на преступление, совершенное с применением насилия к лицу, осуществляющему пограничный контроль.

На наш взгляд это является существенным упущением, поскольку должностные лица пограничного контроля играют важную роль в деле по контролю за пересечением таможенную или государственной границ. В некоторых случаях только они способны бороться с контрабандой наркотиков (в частности вне мест таможенного контроля на Государственной границе).

Также обращает на себя внимание, отсутствие в ст. 204 УК КР, в отличие от ст. 229.1 УК РФ, квалифицированных составов контрабанды наркотиков, предусматривающих повышенную уголовную ответственность для лиц, осуществляющих преступление, предметом которого являются психоактивные вещества в различных размерах.

Наличие градации ответственности в зависимости от размера предмета (значительный, крупных, особо крупный) имеет огромное значение, поскольку именно он показывает на сколько сильный вред здоровью населения страны способен причинить тот или иной вид наркотического средства или психотропного вещества, т. е. действительную степень опасности того или иного преступления.

Следует согласиться с А. Я. Кромовой [1, с. 80] в том, что привлечение мелких контрабандистов слабоактивных сильнодействующих веществ и крупных оптовых поставщиков наркотиков к одинаковой ответственности не учитывает основные цели и принципы уголовного законодательства и в свою очередь не приводит к повышению

эффективности уголовно-правовых мер пресечения контрабанды подконтрольных средств и веществ.

Действующее законодательство РФ и РК предусматривает единый подход к определению субъекта контрабанды наркотиков. Выделяют три обязательных признака, характеризующих лицо, подлежащее уголовной ответственности за совершение контрабанды наркотических средств, предусмотренной ст. 229.1 УК РФ или ст. 204 УК КР, т. е. субъекта данного преступления.

Первый заключается в том, что к уголовной ответственности привлекается только физическое лицо, т. е. человек (ст. 17 УК КР и ст. 19 УК РФ). Уголовной ответственности для юридических лиц в рассматриваемых уголовных законах не предусмотрено.

Следующим признаком субъекта является его физическая природа, что также определено в ст. 20 УК РФ и ст. 18 УК КР. Субъектом преступления является физическое лицо, которое обладает установленным уголовным законом возрастом, а именно 16 лет. Однако не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетний, который в силу такого отставания во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими.

Третий признак — субъектом преступления является только вменяемое лицо.

УК Кыргызской Республики предусматривает следующие квалифицирующие составы контрабанды наркотиков с точки зрения особенностей субъекта преступления:

- контрабанда, совершенная должностным лицом с использованием служебного положения (п. 1 ч. 3 ст. 204 УК КР);
- контрабанда, совершенная группой лиц (п. 3 ч. 3 ст. 204 УК КР);
- контрабанда, совершенная группой лиц по предварительному сговору (п. 4 ч. 3 ст. 204 УК КР);
- контрабанда, совершенная организованной преступной группой (ч. 4 ст. 204 УК КР).

В УК РФ содержатся такие же квалифицирующие составы контрабанды наркотиков с точки зрения особенностей субъекта преступления, за исключением «контрабанды, совершенной группой лиц». На наш взгляд, отсутствие данного квалифицирующего состава не является недостатком современной конструкции ст. 229.1 УК РФ.

Надо понимать, что контрабанда наркотиков — это умышленное преступление, сложность совершения которого заключается в скрытном перемещении наркотиков через таможенную границу ТС или государственную границу стран — членов ЕАЭС. Совершение подобного деяния, без проведения каких-либо подготовительных

мероприятий фактически невозможно, поскольку процессу перемещения психоактивных веществ, как минимум, предшествует этап их незаконного приобретения/производства/культивирования.

Поэтому, когда в совершении контрабанды участвуют двое и более лиц, непосредственному процессу перемещения подконтрольных веществ всегда предшествует заключение договоренностей и проведение предварительной подготовки.

Таким образом, следует сделать вывод, что сама суть контрабанды наркотиков не позволяет совершить контрабанду группой лиц без предварительного сговора, а потому квалифицированный состав контрабанды, предусмотренной п. 3 ч. 3 ст. 204 УК КР, должен быть нерабочим.

Статья 204 УК КР схожа с ранее действовавшей ст. 188 УК РФ в части установления санкций за контрабанду наркотиков. Уголовный кодекс КР предусматривает лишь один вид основного наказания за контрабанду наркотиков — лишение свободы, и один вид дополнительного наказания — конфискация. При этом максимальный срок лишения свободы, который может быть назначен осужденному за совершение контрабанды наркотиков, двенадцать лет.

Иным образом подошел российский законодатель к установлению санкций за совершение контрабанды наркотиков. Помимо того, что в ст. 229.1 УК РФ были предусмотрены такие дополнительные виды наказаний, как штраф и ограничение свободы, также указанная норма предусматривает более суровое наказание в виде лишения свободы за особо квалифицированный состав контрабанды (ч. 4 ст. 229.1 УК РФ) (на срок от 15 лет до пожизненного). Закрепления в российском уголовном законе подобного подхода к определению санкций за контрабанду наркотиков стал прямым следствием переоценки опасности данного вида преступлений.

По результатам проведенного сравнительно-правового анализа можно сделать вывод, что уголовное законодательство РФ в части закрепления уголовной ответственности за контрабанду наркотиков находится на более высоком уровне, чем в Кыргызской Республике. В результате проведенных реформ российскому законодателю удалось отразить возросшую опасность наркоугрозы, наиболее полно дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от тяжести совершенных деяний, а также оценить опасность данного деяния среди остальных наркопреступлений. В свою очередь уголовный кодекс РК продолжает находиться на уровне 90-х годов XX века и не отражает существующего положения дел.

Выявленные различные подходы законодателей России и Киргизии к установлению уголовной ответственности за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ, еще раз подчеркивают необходимость унификации законодательства стран-членов ЕАЭС.

Литература:

1. Контрабанда наркотиков (статья 229» УК РФ) [Текст]: монография / А. Я. Кримова; под ред. С. М. Кочои. М.: Проспект, 2014. 136 с.

Общая характеристика нормативно-правовой деятельности и реализация полномочий прокурора в судебном следствии

Сапурина Екатерина Анатольевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Судебное следствие это часть судебного разбирательства, в ходе которой судом при активном участии сторон по делу в условиях реализации демократических принципов уголовного процесса осуществляется исследование представленных и истребованных доказательств, имеющих решающее значение для формирования внутреннего убеждения судьи и вынесения законного и обоснованного решения по делу (приговора, постановления, определения). [1, с. 240] На данном этапе исследуются все собранные доказательства по уголовному делу, которые подтверждают или опровергают обвинение, поэтому важно участие прокурора в судебном следствии.

Для соблюдения принципа состязательности сторона обвинения и сторона защиты обязательно должны участвовать в уголовном процессе. По мнению М. А. Чельцова, отсутствие прокурора в судебном заседании означает отсутствие стороны обвинения и тем самым исключает состязательность. [2, с. 142]

Роль прокурора в судебном следствии вытекает из того, что исходя из положений статьи 49 Конституции РФ, устанавливающей бремя доказывания вины лиц в совершенном преступлении на государство, следовательно, если государственный обвинитель является представителем государства в уголовном процессе, то обязанность доказывания лежит именно на нем. По мнению профессора П. А. Лупинской «главный смысл понятия «обязанность доказывания» в уголовном процессе состоит в ответе на вопрос: на ком лежит обязанность доказывать виновность обвиняемого? Очевидно, что эта обязанность лежит на том, кто утверждает, что обвиняемый виновен, т. е. на обвинителе». [3, с. 352]

Анализируя начало судебного следствия в уголовном процессе, необходимо ответить на следующие взаимосвязанные вопросы:

- зачем оглашается обвинение;
- какой участник процесса должен излагать обвинение;
- следует ли оглашать обвинительное заключение целиком либо ограничиться изложением фабулы обвинения. [4, 473]

Судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения. Обвинение должно быть обоснованно и подтверждаться доказательствами.

Изложенные в статье 73 УПК РФ обстоятельства, подлежащие доказыванию, являются содержанием обвинения, в связи с этим они должны быть исследованы в судебном следствии и в дальнейшем найти свое отражение в приговоре суда.

И. Я. Фойницкий, говоря о государственном обвинителе, писал, что выдвижение и поддержание обвинения является для него одновременно и правом, и обязанностью. [5, с. 75]

В УПК РФ не регламентируется, что представляет собой «изложение государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения» и какие требования предъявляются к его объему. Следует отметить, что «изложение обвинения» согласно ст. 273 УПК РФ отличается от понятия «оглашения обвинительного заключения» содержащегося в ст. 278 ранее действовавшего УПК РСФСР 1960 года. Поэтому государственный обвинитель в начале судебного следствия вправе не зачитывать обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление целиком, а изложить фабулу обвинения. Как полагают А. П. Коротков и А. В. Тимофеев государственному обвинителю в начале судебного следствия необходимо огласить лишь ту часть обвинительного заключения, в которой указаны существо обвинения, цели, последствия и другие существенные обстоятельства. Излагать перечень доказательств, подтверждающих обвинение, не требуется. [6, с. 395]

С точки зрения Ф. М. Ягофарова оглашение только резолютивной части обвинительного заключения оставляет слишком много неизвестных обстоятельств, что может рассматриваться с отрицательной стороны и оставляет очень большой запас для маневра. Поэтому наиболее предпочтительным, является правило, установленное частью 2 статьи 335 УПК РФ, согласно которому государственный обвинитель излагает существо обвинения. Указание на сущность обвинения включает в себя изложение наиболее значимых моментов предъявленного обвинения с тем только условием, что предлагаемая стороной обвинения квалификация совершенного подсудимым деяния сокращенному изложению подлежать не должна. [7, с. 41]

Прокурор в своем выступлении должен довести до сведения суда и участников судебного разбирательства и присутствующих в зале позицию обвинения и изложить те обстоятельства, которые он намерен доказать.

После изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, председательствующий в силу части 2 статьи 273 УПК РФ выясняет у подсудимого, понятно ли ему обвинение.

Прокурор участвует в исследовании доказательств. В соответствии с частью 1 статьи 274 УПК РФ очередность предоставления доказательств определяется стороной, представляющей доказательства суду. [8] Первой это делает сторона обвинения, а затем, после исследования ее доказательств, — сторона защиты. При определении порядка исследования доказательств суд должен выслушать мнение

сторон по данному вопросу, которое заносится в протокол судебного заседания.

Как правило, порядок исследования доказательств, в судебном следствии осуществляется в следующем порядке:

- допрос подсудимого (если он не отказался от дачи показаний согласно ст. 51 Конституции РФ);
- допрос потерпевшего;
- допрос свидетелей;
- допрос эксперта, специалиста;
- осмотр вещественных доказательств;
- исследование письменных доказательств.

Исследование доказательств заключается в том, что прокурор вправе задавать вопросы участникам судебного разбирательства: свидетелям, подсудимому, экспертам, специалистам, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, и представителям гражданского истца, гражданского ответчика и потерпевшего. Прокурор вправе заявлять ходатайства в необходимых случаях об оглашении конкретных документов, находящихся в материалах уголовного дела.

Основной формой участия государственного обвинителя в судебном следствии является представление доказательств. В соответствии с частью 2 статьи 274 УПК РФ первой представляет доказательства сторона обвинения, а именно прокурор. Доказательства стороны защиты исследуются после исследования доказательств стороной обвинения.

М. О. Баев, О. Я. Баев предлагают предоставлять доказательства суду по их нарастающей силе — от имеющих меньшее доказательственное значение к доказательствам, наиболее убедительно подтверждающих тезис обвинения. [9, с. 11]

В ходе представления доказательств государственный обвинитель должен убедить суд, стороны и иных участников уголовного процесса, что предоставленные им предметы, документы и вещественные доказательства, указывают на факт совершения преступления и доказывают виновность подсудимого в совершении преступления.

Первостепенным средством доказывания в судебном следствии является допрос. В ходе допроса раскрывается наиболее важная в доказательственном плане информация, именно поэтому имеет особое значение тактика государственного обвинителя во время его проведения. Большие возможности в доказывании дает четкая постановка вопросов и использование допроса подсудимого, потерпевших для выяснения существенных обстоятельств дела. Первым допрашивает подсудимого сторона защиты, затем государственный обвинитель. Цель такого допроса — получить подтверждение, либо опровержение показаний допрашиваемого по тому или иному вопросу. Следует особенно обратить внимание при допросе подсудимого на выяснение обстоятельств, характеризующих его личность. Это способствует выяснению мотивов преступления, а также причин и условий, содействующих совершению преступления. К допросам по наиболее сложным делам государственному

обвинителю необходимо заранее подготовиться, изучить материалы уголовного дела, подготовить наиболее важные для выяснения фактических обстоятельств дела вопросы.

Имеются разные суждения в теории уголовного процесса о порядке допроса, осуществляемого государственным обвинителем. Например, Л. Е. Ароцкер считает, что в случае, если подсудимый отрицает свою вину, то допрос следует начинать со свидетелей, изобличающих подсудимого, а затем допрашивать последнего. В подобных случаях суд, допрашивая свидетелей, получит ряд изобличающих подсудимого данных, которые облегчат последующий его допрос. [10, с. 34]

Другой точки зрения придерживался В. М. Савицкий, он предложил закрепить в законе начинать судебное следствие с допроса подсудимого, независимо от факта признания или непризнания им вины во вменяемом деянии. [11, с. 199]

При допросе потерпевшего государственному обвинителю следует учитывать его эмоциональное состояние. Потерпевшему могут быть предъявлены для опознания лица и вещественные доказательства. В связи с тем, что потерпевший может быть заинтересован в исходе дела, то прокурор при оценке показаний потерпевшего должен проверить его показания, соотнести их с другими доказательствами по делу.

Первым задает вопросы свидетелю та, сторона, которая предложила вызвать его в суд, затем противоположная сторона. Государственному обвинителю при допросе свидетелей, следует задавать конкретные вопросы. При допросе свидетеля прокурору следует обратить внимание на то, что предупрежден ли свидетель об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний, в целях соблюдения их законности и допустимости.

Государственный обвинитель должен обладать тактическими навыками и уметь анализировать показания, данные при допросе в судебном следствии, подсудимого, потерпевшего, свидетелей, экспертов, специалистов, так как на них в большей степени основывается его позиция обвинения.

Прокурор вправе отказаться от обвинения на судебном следствии.

Прокурор может ходатайствовать об оглашении показаний участников уголовного процесса, которые не явились в судебное заседание, а также при расхождении и противоречии показаний при допросе с показаниями, данными в ходе предварительного расследования.

Вместе с тем, необходимо учитывать положения ст. 240 УПК РФ приговор должен быть основан лишь на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании. При этом данные, содержащиеся в оглашенных показаниях свидетелей, как и другие доказательства, могут быть положены в основу выводов и решений по делу лишь после их проверки и оценки по правилам, установленными ст.ст. 87, 88 УПК РФ.

Таким образом, прокурор, ходатайствующий об оглашении показаний участников уголовного судопроизводства,

которые не явились в судебное заседание, должен учитывать, что по уголовному делу должны быть еще иные доказательства, подтверждающие виновность подсудимого.

Между тем появилось новое и очень важное для российской практики Постановление ЕСПЧ по делу «Эркапич против Хорватии» от 25.04.2013 года, в котором подобная практика оглашений показаний участников уголовного судопроизводства на этапе судебного следствия получила оценку с позиций права человека на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 ЕКПЧ). «В отсутствие существенных оснований для противоположного справедливое разбирательство требует придавать большее значение показаниям, данным в суде, по сравнению с протоколами допросов свидетелей на предварительном следствии, поскольку последние представляют собой прежде всего процесс сбора стороной обвинения информации в поддержку своей позиции». [12, с. 24]

В соответствии с положениями ст. 291 УПК РФ после окончания исследования представленных сторонами доказательств председательствующий опрашивает стороны, желают ли они дополнить судебное следствие. Государственный обвинитель может заявить ходатайство о дополнении судебного следствия. В случае удовлетворения судом ходатайства судебное следствие возобновляется.

Исходя из вышеизложенного, основными задачами государственного обвинителя в судебном следствии являются: обеспечение представления суду и основным участникам процесса доказательств обвинения, участие в исследовании доказательств, которые обосновывают или опровергают обвинения с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и в их совокупности достаточности, в целях решения вопроса о доказанности совершения преступления подсудимым.

Литература:

1. Сычева О. А. Тактика судебного следствия: монография. — Ульяновск: Вектор-С. 2012.
2. Чельцов М. А. Система основных принципов советского уголовного процесса. — М., 1947.
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под редакцией П. А. Лупинской. 2-е изд. перераб. — М.: Норма. 2009.
4. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев и др.; под ред. Л. В. Головки. — М.: Статут, 2016.
5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. — СПб., 1996.
6. Коротков А. П., Тимофеев А. В. Прокурорско-следственная практика применения УПК РФ. — М.: Экзамен. 2005.
7. Ягофаров Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: дис. канд. юрид. наук. — Оренбург. 2003.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. 22.12.2001. № 249.
9. Баев М. О., Баев О. Я. Об особенностях тактики судебного следствия в современном уголовном процессе. — Екатеринбург. 2003.
10. Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. — М., 1964.
11. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. — М.: Наука. 1971.
12. Воскобитова, Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3.

Познание в ходе оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности как воображаемая реальность (онтологический и гносеологический аспекты)

Середнев Владимир Анатольевич, преподаватель

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

В статье автор рассматривает феномен познания реальности в уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности и превращения реальности в действительность с помощью механизма воображения, присущего человеческому познанию бытия.

Ключевые слова: *уголовный процесс, оперативно-разыскная деятельность, воображение, реальность, действительность, познание, эвфемизация, язык*

Симулякр — это совсем не то, что скрывает истину, это истина, скрывающая, что ее нет.

Симулякр — это и есть истина.

Экклезиаст

Нас очень давно и очень жестоко обманывают. Обманывают во всем.

Обманывают по-крупному. И это началось не вчера...

Такого мира, такой реальности, такой страны, такого человечества, что нам описывают авторитеты науки, не существовало и не существует...

А. Г. Дугин. Русская вещь

Феномены, формирующие восприятие реальности

Перед нами встает очень сложный вопрос: является ли совокупность процессов, процедур и методов приобретения знаний о явлениях и закономерностях объективного мира одинаковой для всех стран и народов и для любой деятельности человека вообще. Только ответив на этот вопрос, мы сможем рассуждать о познании в таких специфических видах деятельности, как уголовное судопроизводство и оперативно-разыскная деятельность. *Во-первых*, язык — это наше все, именно язык является механизмом передачи информации для дальнейшего ее понимания и интерпретации.

Существует гипотеза лингвистической относительности (гипотеза Сепира — Уорфа), согласно которой структура языка определяет мышление и способ познания реальности. В теории антрополога Э. Сепира и физика Б. Уорфа указывается, что достоверный перевод с одного языка на другой невозможен, так как каждый язык формирует уникальную смысловую структуру и кодифицирует сознание и восприятие мира в соответствии со своими особенностями [10]. В своей работе И. Гердер указывает: «Провидение чудесным образом разделило народы не только лесами, горами, морями, пустынями, реками и климатическими условиями, но и языками, наклонностями и характерами» [16, с. 559]. Не существует только одного общества, мир многогранен, поэтому «различие между обществами показывает, насколько каждое из них уникально и самобытно, а не насколько оно «отстало» или, напротив, «соответствует времени» [5, с. 115]. Более того, говоря о языке, который участвует в познании, необходимо заметить, что «именно

события делают язык возможным. Всегда есть кто-то, кто начинает речь... событие принадлежит языку и связано с ним настолько, что не существует вне выражающих его предложений» [3, с. 238].

Как, вы спросите, события делают язык возможным? Дело в том, что язык — это механизм, с помощью которого происходит различение действительности в коммуникативном секторе, например между следователем и обвиняемым; между оперативным сотрудником и лицом, оказывающим ему конфиденциальное содействие. Именно так, при воздействии одного процесса на другой (например, в процессе диалога следователя и обвиняемого или оперативного сотрудника и конфиденанта) возникает устойчивый, определённый результат (эффект). Более того, эффекты — это и есть события: события следов преступления, связанные с изменениями в бытии, «с реально предпринятыми действиями и с реально происходящими страданиями и созерцаниями» [3, с. 245].

Во-вторых, мы считаем, что люди в большинстве своем конформисты, и в подтверждение своего мнения хотим указать на идею, выдвинутую Э. Дюркгеймом о «коллективном сознании». Мы с Э. Дюркгеймом полностью согласны и указываем, что именно конформистское сознание большинства определяет индивидуальное сознание человека и является первичным по отношению к нему, что, на наш взгляд, не совсем хорошо, так как уничтожает в человеке его «Я». Соответственно, относительно мысли Дюркгейма можно указать, что «общество является тотальным явлением и несет в самом себе ключи к познанию как самого себя, так и всего, имеющего к нему прямое

и непосредственное отношение...» [7]. В-третьих, на познание субъекта, по нашему убеждению, всегда влияет морально-нравственный аспект. Поскольку мы отделяем мораль от нравственности, уточним: мораль, на наш взгляд, все-таки есть порождение идеологий определенных социальных групп (т. е. например, воровская мораль, мораль партии и т. д.), а поскольку мораль у каждой социальной группы своя, соответственно, в ней действует принцип «что можно своим, нельзя чужим». Нравственность же есть внутреннее духовное состояние человека, где нет «своих» и «чужих», где представление о добре и зле, долге, чести и совести сформировано всем обществом.

То есть мы считаем, что основное в механизме познания — это **язык, сила общественного мнения и морально-нравственный аспект**. Эта триада, как правило, и формирует субъективное восприятие мира, которое, в свою очередь, аккумулируется с помощью *воображения*, о котором речь пойдет ниже.

Воображение — сущность познаваемой действительности.

Каким же образом, на наш взгляд, вышеуказанная триада феноменов «строит» познание в оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности? Когда оперативный сотрудник либо следователь (дознатель) познает обстоятельства совершения преступления, видя перед собой, например, следы преступления, какой подсознательный вопрос возникает у него первым? «ЧТО ВСЕ ЭТО ОЗНАЧАЕТ?» Но, как указывал Леви-Стросс, «мир означал задолго до того, как мы начинаем познавать то, что он означает... Человек, с тех пор как появился в этом мире, получил в свое распоряжение всю полноту означаемого, коим он отгорожен от означаемого, причем о последнем можно что-либо узнать только в этом качестве. Между означаемым и означаемым всегда остается несоответствие» [17, с. 48–49]. А если существует несоответствие, то весь смысл заключается в том, что познание еще к тому же происходит через воображение субъекта познания, основываясь, как было сказано выше, на языке, силе общественного мнения и морально-нравственном аспекте. Другими словами, можно сказать, что в данном случае мы имеем дело с некими симулякрами при познании реальности. «Речь всегда о том, чтобы доказать реальное через воображаемое, истинность — через скандал, закон — через нарушение, существование работы — через забастовку, существование системы — через кризис, а капитал — через революцию... доказательства искусства — через антиискусство; доказательства педагогики — через антипедагогику; доказательства психиатрии — через антипсихиатрию и т. д.» [2, с. 30].

Опасно считать информацию универсальным средством борьбы с преступностью. Следует заметить, что реальное и воображаемое существуют на определенной дистанции друг от друга, примерно как истина и достоверность, потому что реальность — это действительность,

интерпретированная сознанием человека, что по своей сути есть некое воображение. Именно используя воображение, следователь пишет протокол осмотра места происшествия и строит версии совершения преступления, а субъект, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность, имея способность сознания создавать образы и представления, интерпретирует полученную оперативную информацию. Если же представить, что дистанция между миром реальным и миром воображаемым исчезнет, то мы увидим несуществующий, совсем иной мир, проще говоря, утопию, о чем человек склонен мечтать. А поскольку человек склонен мечтать, а это является важным моментом в процессе познания действительности оперативно-разыскными и уголовно-процессуальными технологиями, то можно сказать, что морально-нравственный аспект — это **переживание** лицом событий, происходящих в действительности и интерпретируемых в реальность. Переживание всегда находится в прямой связи с морально-этическими принципами познающего лица. Как указывал Ж. Делез, «что касается событий моей жизни, то с ними было все в порядке, пока я не сделал их своими. Переживать их — значит невольно отождествлять с ними, как если бы они удерживали во мне все самое лучшее и совершенное, что в них есть» [3, с. 195]. Ведь событие — это не что иное, как «провал настоящего, время без настоящего...» [14, с. 160], провал, который необходимо восполнить.

И еще к вышесказанному: «Наши знания, наши доктрины являются предположительными; они состоят из догадок и гипотез, а не из окончательных и несомненных истин; критика и критическое обсуждение являются нашим единственным средством приблизиться к истине» [9, с. 257]. В свое время Э. Гуссерль и М. Хайдеггер считали, что объяснить реальность так, как человек ее видит естественно, невозможно, как невозможно охватить всю полноту бытия. «Знание во всех своих формах является производным, и не только в смысле, что его притязания обосновываются опытом, но и в более фундаментальном смысле, ибо сам акт такого притязания предполагает причастность субъекта к осмыслению мира» [8, с. 18]. «Да, несомненно, материя, конечно же, воздействует на органы чувств, отражая, как в зеркале, в головном мозге человека определенную информацию, но с данным тезисом, думается, до конца согласиться нельзя. Если полностью согласиться с трактовкой В. И. Ленина, то получается, что активность материи сама по себе является гарантом истинности знаний субъекта... человеческое познание, так как оно осуществляется самим человеком, всегда будет субъективным, так как предметы в процессе познания неизбежно преломляются сквозь призму органов чувств и мышления человека» [11, с. 40].

В свое время Ж. Дюран писал: «Ощущения фиксируют объект, а разум соотносит этот объект с самим собой, т. е. с субъектом. Воображение же имеет дело с размытыми ощущениями и расфокусированным разумом, порождая «воображаемые» миры, онтология которых действительна только в том, что в них хотя и причудливо, но отражается

объект и хотя и туманно, но функционирует разум» [15]. Мы полагаем, что воображение при познании действительности следователем и дознавателем, а также оперативным сотрудником играет одну из важнейших ролей. «Воображения первично, и именно оно формирует содержание объекта (его образ) и при определенных обстоятельствах приводит к появлению феномена различающего сознания, из которого вырастает позднее рассудок и субъект» [4, с. 83]. Поэтому *построение следственных версий, установление обстоятельств совершенного преступления*, как бы ни показалось кому-то странным, *имеет дело с миром воображаемых явлений и вещей.*

Действительность как симулякр

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что все-таки при познании в оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности субъекты имеют порой дело с симулякрами. Что есть для нас симулякр? Симулякр — это некая информационная копия (образ), как материальная, так и идеальная, но лишенная сходства («Бог создал человека по своему образу и подобию. Согрешив, человек утратил подобие, но сохранил образ. Мы превратились в симулякр» [3, с. 334]), т. е. у которой нет оригинала! Именно по этой причине некоторые криминалистические версии не находят подтверждения — как и оперативная информация в ряде случаев. Например, такое следственное действие, как проверка показаний на месте, на наш взгляд, является симулякром, способствующим фальсификации доказательств [12, с. 17–19]. Симулируя преступление в ходе проверки показаний на месте, мы видим, что нет никакого «объективного» различия: все действия, все жесты, все знаки воспроизводятся обвиняемым (подозреваемым) в соответствии с реальным преступлением, но по этим жестам и движениям, а также по даче показаний невозможно понять, было ли совершено преступление в действительности.

С одной стороны, данное следственное действие, как правило, не проводится в условиях, приближенных к обстоятельствам совершенного преступления; опытные действия, обстановка или иные обстоятельства, связанные с расследуемым преступлением, не воспроизводятся, как при следственном эксперименте. С другой стороны, как указывал Ж. Бодрийяр, «с точки зрения установленного порядка знаки всегда принадлежат к категории реального. Одна из функций реального состоит именно в том, чтобы поглощать любую попытку симуляции, чтобы сводить к реальному, — в этом и есть суть установленного порядка... Установленный порядок ничего не может с этим поделать, поскольку закон представляет собой симулякр второго порядка, тогда как симуляция относится к третьему, располагаясь по ту сторону истинного и ложного, по ту сторону эквивалентности, по ту сторону рациональных различений, на которых основывается функционирование любого социального и любой власти. Таким образом, повреждение реального, симуляция, наносит удар по установленному порядку» [2, с.33].

Что же касается получения оперативной информации и ее реализации оперативными подразделениями, то следует указать, что сама информация о каком-либо событии уже является некой формой интерпретации и энтропии в виде превращения. Проще говоря, любая информация, которая отражает любые обстоятельства бытия и транслирует события, по сути является искаженной формой этого события. Но необходимо отметить, что «... симулякр вовсе не деградировавшая копия. В нем таится позитивная сила, отрицающая как *оригинал* и *копию*, так и *модель* и *репродукцию*. Внутри симулякра заключены по крайней мере две расходящиеся серии — и ни одну из них нельзя считать ни моделью, ни копией» [14]. А из этого логично следует, что «... доверие, вера в информацию присоединяется к этому тавтологическому доказательству, которое система предоставляет о самой себе, дублируя в знаках неуловимую реальность» [2, с. 112]. И тут мы опять встречаемся с вопросом истины, который является *sine qua non* как для оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности, так и для познания вообще. ««Истинно во всех случаях» означает, что заполнен весь бесконечный ряд конкретных образов, соединенных словами, и при этом никакого отбора уже не требуется. Ложь означает, что десигнация не заполняется либо из-за какого-то дефекта избираемых образов, либо из-за принципиальной невозможности создать образ, ассоциируемый со словами» [3, с. 24]. Более того, мы считаем, что истину в нашем случае нужно рассматривать как полезность для общества и интересов государства, через механизм правоохранительной деятельности. Мы всегда должны осознавать, что «... условия истинности противостоят не лжи, а абсурду: тому, что существует без значения, или тому, что может быть ни истиной, ни ложью» [3, с. 26].

Самым главным вопросом истины в государственном механизме борьбы с преступностью является вопрос о ее полезности для общества. Вопрос истины всегда связан с морально-этическим элементом в познании действительности (*реальности при интерпретации*), поэтому в познании условия истинности должны соответствовать здравому смыслу. «Именно категория смысла замещает категорию истины, когда истина и ложь сами качественно определяют проблему, а не соответствующие ей предложения» [3, с. 162]. Все истинное должно логично объясняться и соответствовать здравому смыслу. Ибо «сознание — ничто без синтеза объединения, но не существует синтеза объединения сознания без формы Я, без точки Самости...» [3, с.139]. И, наверное, прав по большому счету философ Ж. Бодрийяр, когда пишет, что «определено признание принципа объективности, в котором наука никогда не была уверена и в который она втайне и вовсе теряет веру» [2, с.172]. Но «в хорошей копии всегда заложена порождающая процедура и соответствующее этой процедуре если не знание, то правильное мнение» [3, с. 334]. Мы также считаем, что симулякр оберегает нас от анархии в познании действительности. Но лично для нас существуют

«синонимы здравого смысла: честность, солидарность, щедрость, верность, чувство долга, безвозмездность, честь, взаимопомощь и т. д.». [1, с. 101].

Познание реальности в зависимости от режима восприятия.

Теперь давайте обратим внимание на то, как связаны процесс познания и установление обстоятельств совершенного преступления (проведение следственных, процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий), например, со временем суток. Может, все-таки механизм познания связан с ограничениями при проведении следственных действий в ночное время (п. 3 ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий»), а не с соблюдением прав и свобод граждан?

Понятно, что лучше всего человек различает предметы при свете дня. Познание в дневном свете ведет к некоей борьбе, связанной со свойствами различения. На принципе разделения построена и вся рациональность. «Везде в обществе, где мы сталкиваемся с разделением, различением, упорядочиванием, классификацией, нормативными актами, правовыми уложениями, поведенческими предписаниями, моралью, этикой, философией, рассудком, расчетом, разумом, мы имеем дело с работой архетипов диурна и развертыванием постурального рефлекса, ставшего доминантным, т. е. приоритетным, подавляющим все остальное...» [6, с. 465]. Поэтому, говоря о делении и расчленении на группы познанных свойств объектов, можно указать о воображении и неких ассоциациях, которые возникают как «его основные символы и архетипические жесты: меч, свет, полет, скипетр, секира, воин, мужчина, отец, старик, дух, очищение, луч, гигант, царь, венец... солнце, радикальный дуализм, идентичность против другого, граница, разделяющая черта, сильное «я», агрессия, ярость, упорядочивание, иерархия, власть, подчинение, насилие, поход против ночи, неприязнь к еде и женщине, аскетизм, публичность, слава, героизм, дуальная вертикальная симметрия «верх — низ» [4, с. 91—100].

Соответственно, в ночное время следы преступления установить и зафиксировать сложнее, чем днем, и это скорее не технический фактор, а человеческий: усталость организма и природная непригодность для работы в ночное время (даже если кто-то считает, что привык работать по ночам, тяжело «спорить» с циклами работы человеческого организма в зависимости от времени суток).

Может возникнуть вопрос, для чего мы описали положение о воображении, о дне, о ночи и т. д. На наш взгляд, это сводится к тому, что государство не очень волнуют вопросы нарушения прав и свобод человека во время проведения следственного действия в ночное время, как это пытаются объяснить обывателю. Нельзя нарушать покой ночью не потому, что гражданину от этого тяжело, а потому, что в ночное время познание работает хуже! Соответственно, отражение и закрепление следов преступления будет менее качественным. Если кто-то считает,

что государству важнее сон гражданина, чем проблемы общественной и государственной безопасности, он глубоко заблуждается. Все технологические процессы, коими являются следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия, есть выражение удобства государства для решения задач по своей защите. Так называемые «права и свободы» будут соблюдаться настолько, насколько государство сочтет это необходимым.

Эвфемизация как механизм искажения процесса познания.

В процессе познания существует механизм эвфемизации, которая по своей сущности является полной противоположностью реальности. В процессе эвфемизации происходит сглаживание познанного, смягчение, упрощение и склеивание всего со всем. В результате в протоколе осмотра места происшествия что-то уродливое может быть описано как нечто умеренное, ужас убийства будет выглядеть как неприятное событие (происшествие), пожар и сгоревший дом — как небольшая неприятность. При допросе обвиняемого, которому уголовно-процессуальным кодексом РФ разрешено защищаться даже с помощью лжи, эвфемизация превратит эту грубую и наглую ложь в лукавство. То есть эвфемизм, как правило, применяется для смягчения впечатления о чем-то неприятном, негативном, устрашающем или радикально трагичном. Но проблема в том, что при радикальной эвфемизации определенные обстоятельства, которые объективно имеют отрицательное значение, вопреки этому наделяются противоположным, чуть ли не положительным смыслом. Экскременты на языке обывателя именуются золотом (видимо, производное от профессии «золотарь»); смерть — засыпанием, получение удара — поучением, наставлением; унижение — заботой и т. д. Поэтому мы считаем, что в ходе проведения следственного действия «допрос» необходимо не только соблюдать требования, указанные в п. 2 ст. 190 УПК РФ «Протокол допроса»: «Показания допрашиваемого лица записывается от первого лица и по возможности дословно...», но и записывать мат в протоколе допроса определенными языковыми кодами, поскольку русский мат есть сегмент бранной лексики русского народа, без которой порой невозможно тонко и точно описать то или иное обстоятельство. «Конечно, мат может и часто бывает похабен и груб. Однако это не значит, что он должен быть умолчан — не публикуем и не исследуем. Наверное, в мире нет ничего однозначного, как ядовитый цветок может быть прекрасен, так и «грязный» мат является элементом национальной духовности, отражая ее сложность и самость...» [13, с. 6].

Под языковыми кодами мы понимаем разработанный с помощью ученых-филологов нормативно-правовой акт, в котором каждому нецензурному выражению будет дана цензурная интерпретация, которую следователь и должен будет записать в протокол допроса (допрашиваемый же должен сказать следователю реальное нецензурное

выражение, которое прозвучало при определенных обстоятельствах и, возможно, имеет отношение к предмету доказывания; например: «шобла» — «компания», «бл**ь» — «падшая женщина» и т. д.).

Выводы.

1. Основным в механизме познания является **язык, сила общественного мнения и морально-правственный аспект.**

2. В процессе познания как при расследовании преступлений, так и при осуществлении

оперативно-разыскной деятельности основную роль играет такой феномен, как воображение. **Все есть воображение, сама действительность — это тоже воображение**, переходящее в реальность, поскольку действительность представляет собой взаимодействие пространства и времени, которое человеческому сознанию неподвластно.

3. Важным моментом в процессе познания реальности оперативно-разыскными и уголовно-процессуальными технологиями является **переживание** лицом событий, происходящих в его реальности, т. е. в его воображении.

Литература:

1. Ален де Бенуа. Против либерализма: (к Четвертой политической теории) / Ален де Бенуа; [пер. с фр.; предисл. А. Дугин]. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. — 476 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр — М.: Издательство дом «ПОСТУМ», 2015. — 240 с.
3. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. — М.: Академический Проект, 2011. — 472 с.
4. Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. — М.: Академический проект, 2010. — 564 с.
5. Дугин А. Г. Этносоциология. — М.: Академический проект, 2014. — 844 с.
6. Дугин А. Г. Русский Логос — русский Хаос. Социология русского общества. — М.: Академический проект, 2016. — 583 с.
7. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с франц., составл., вступ. ст. и примеч. А. Гофмана. М.: Канон, 1995. 3-е издание, доп. и испр. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. — 400 с.
8. Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / Герберт Маркузе; пер. с англ. А. А. Юдина. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 382 с.
9. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания: пер. с англ. / Карл Р. Поппер. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 638 с.
10. Рассел Д. Гипотеза Сепира- Уорфа. — М.: ООО «Книга по требованию», 2012. — 98 с.
11. Середнев В. А. Процесс возникновения доказательственной информации с точки зрения гносеологии и онтологии // Альманах современной науки и образования. 2010. — № 4 (35). — С. 40.
12. Середнев В. А. Проверка показаний на месте как возможный способ фальсификации доказательств // Адвокатская практика. № 6. — 2012. — С. 17–19.
13. Шахнарович А. М. Русский мат. — М.: Изд-во Лада, 1994. — 174 с.
14. Blancbot M. L» Espace litteraire. Paris: Gallimard, 1955. P. 160.
15. Durand G. L'imagination symbolique. Paris: PUF, 1964.
16. Herder Johann Gottfried. Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit, Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 1967. P. 559.
17. Levi-Strauss C. Introduction a Sociologie et Anthropologie de Marcel Mauss. Paris, 1950. P.48–49.

18. КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Причины и условия совершения коррупционных преступлений в России

Герцик Елена Дмитриевна, магистрант

Научный руководитель: Касторский Геннадий Львович, доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии

Природу развития современной коррупции исследователи объясняют по-разному. Одни видят причину в не-совершенстве законов, усугубляющих деградацию личности. Другие главной причиной считают разрастающуюся армию чиновничества, бюрократизацию общественной жизни, неоправданное расширение роли государства, третьи выдвигают на первый план причины, лежащие в экономической сфере. Указывают и на эволюцию рынка, сходящаяся только в одном — коррупция, ее масштабы, специфика и динамика, отражает общие политические и экономические проблемы страны.

Ключевые слова: коррупция, корруппирование, детерминация, причинность

Корни коррупции следует искать в древней и средневековой истории страны. Можно говорить о том, что корыстные злоупотребления по службе возникли с появлением управляющих (вождей, князей) и судей как средство воздействия на их объективность и добросовестность при решении спорных вопросов. Мздоимство упоминается в русских летописях XIII в. Одни из первых законодательных ограничений коррупционных действий были отмечены при Иване III. Иван Грозный ввел смертную казнь в качестве наказания за чрезмерность во взятках. Петром I была введена должность генерал-губернатора. Он ведал как гражданским, так и военным управлением, должен был бороться с судебной волокитой, вправе приостановить исполнение судебного решения. Таким образом, российскими правителями неоднократно принимались попытки борьбы с коррупцией, но они так и не увенчались успехом.

Взятничество имело широкое распространение в первые годы развития Советского государства. Декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взятничестве» стал первым в Советской России правовым актом, предусматривавшим уголовную ответственность за взятничество — «лишение свободы на срок не менее пяти лет, соединенный с принудительными работами на тот же срок». Наряду с получателями взятки наказанию подлежали также лица, виновные в даче взятки, подстрекатели, пособники и все прикосновенные к даче взятки служащие. Тем не менее, эффективных преобразований в системе противодействия коррупции не было произведено и в советский период. В постсоветский период коррупция резко увеличилась, стала агрессивной по отношению к обществу и государству.

Проблема коррупции в России имеет многовековую историю. Данный аспект повлиял на формирование морально-идеологических устоев в обществе, вследствие чего у населения выработалась такая привычка, как высокая

терпимость всех основных слоев населения к коррупции, сформировалось снисходительное отношение к данному явлению. Коррупция приобрела в России системный характер [1].

Профессор Московского университета М. В. Духовской, высказал ряд глубоких и прогрессивных суждений о причинах преступности. «Главная причина преступности, — резюмировал Духовской, — общественный строй. Дурное политическое устройство страны, дурное экономическое устройство общества, дурное воспитание и целая масса других условий — вот те причины, благодаря которым совершаются большинство преступлений.» [2, с. 202].

Актуальность данной темы заключается в том, что в настоящее время в России разворачивается и набирает силу процесс становления и развития «общества потребления». Это всеобъемлющий (в масштабах страны) процесс отдельных сфер жизни российского общества воплощается в целый ряд социальных феноменов и явлений, которые могут рассматриваться как причины, способствующие проявлению коррупции.

Связь между коррупцией и порождающими её проблемами двусторонняя. С одной стороны, эти проблемы усугубляют коррупцию, а их решение может способствовать уменьшению корруппированности, а с другой — масштабная коррупция консервирует и обостряет проблемы переходного периода, мешает их решению. Отсюда следует, что, *во-первых*, уменьшить и ограничить коррупцию можно, только одновременно решая проблемы и условия её порождающие, и, *во-вторых*, решению этих проблем будет способствовать комплексное противодействие коррупции со всей решительностью и по всем направлениям.

В современной криминологии считается, что причины и условия преступности социальны как по происхождению, так и по своей сущности. В научной литературе предлагались различные классификации причин и условий

преступности, но все криминологи единодушны во мнении, что преступность — явление социальное. Жизнь убедительно показывает, что причины преступности определяются теми реальными, жизненными условиями, в которых действуют люди. В их основе лежат противоречия, существующие в обществе. При этом обнаруживается смещение ценностных ориентаций отдельных слоев общества в сторону криминальных структур, коррумпированных сообществ.

Анализ криминологических исследований по вопросу причины и условия развития коррупции показывает несколько точек зрения. Например, В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов выделяют экономические, политические, правовые, психологические и организационные причины и условия коррупционной преступности. Говоря о экономических причинах и условия распространено мнение, что источником рассматриваемой проблемы является бедность. Громадный разрыв в уровне жизни бедных и богатых людей (1:15 или даже 1:20). Как известно, более 30% населения нашей страны живет ниже уровня бедности. И если на одном полюсе преступность порождается нищетой значительных слоев населения, то на другом — ничем не обузданным стремлением к сверхдоходам, к обогащению за счет государства и общества [3, с. 67].

Но если бы это было единственное условие коррупции, трудно было бы объяснить, почему оно поражает как те страны, в которых население отчетливо разделено на две не равные по численности группы бедных и богатых, так и те государства, где эта грань размыта. Несмотря на тотальное имущественное равенство Советский Союз никогда не был свободен от коррупции, как не свободны от неё те страны, которые сегодня пытаются строить социализм по более эффективным моделям. Вместе с тем можно обнаружить эмпирическое подтверждение тому, что глубина дифференциации населения по уровню доходов влияет на социальную напряженность и, соответственно, на стабильность экономической ситуации. Таким образом, выраженное имущественное неравенство инициирует экономический кризис и, как следствие, рост коррупции более вероятными [4, с. 395].

Лица, чья коррумпированность наносит наибольший вред государству, составляют, сравнительно немногочисленную прослойку, и об их деятельности простые граждане знают далеко не всегда. Что касается так называемой низовой коррупции, с которой часто сталкиваются люди в повседневной жизни, то она является в большей или меньшей степени следствием бедности. Как отмечает Н. Ф. Кузнецова причина взяточничества — служебная корысть для взятополучателя и деловая или бытовая корысть для взятодателя.

Говоря о низовой коррупции, необходимо отметить, что в этом случае корысть ограничивается небольшим размером получения мзды и нарушения не самых важных служебных функций. Её субъекты — служащие из среднего

класса (учителя, врачи) или лица, стоящие возле черты бедности. Именно они чаще всего оказываются на скамье подсудимых в отличие от крупных взяточников.

Не менее важной являются политические причины и условия. В истории человечества можно найти немало подтверждений тому, что между стремлением к власти и получением преимуществ от обладания ею существует объективная связь. Отсутствие какой бы то ни было личной заинтересованности у идущего на Олимп власти представляется большинству россиян почти невероятным, а относительно скромно живущий крупный чиновник (например, мэр или министр, приезжающий на работу на метро) вызывает большие подозрения.

К политическим факторам коррупционной преступности, по мнению В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова, относятся:

- отчуждение большей части населения от власти, в частности от управления имуществом, от творчества и правоприменения, которое постоянно воспроизводит основания зависимости гражданина от чиновника;
- реальная возможность представителей власти (прежде всего на уровне высших ее органов) определять в своих интересах формы наказания коррумпированного поведения государственных служащих или препятствовать установлению ответственности за него;
- отсутствие эффективного парламентского контроля за состоянием коррумпированности высших должностных лиц государства;
- расширяющееся проникновение в государственные органы власти представителей организованных преступных групп и преступных сообществ;
- непомерно высокая численность государственного аппарата, естественно, ухудшающая условия оплаты труда государственных служащих и качество контроля за их работой;
- ничем не компенсированное разрушение старой системы негосударственного контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц;
- отсутствие эффективного политического механизма, обеспечивающего быстрое лишение полномочий государственных и муниципальных служащих, скомпрометировавших себя в глазах населения действиями, которые традиционно воспринимаются как коррупция (присвоение дорогих подарков, систематическое присутствие на бизнес-банкетах и т. п.) [5, с. 53].

Значимым фактором, повышающим интенсивность коррупционных проявлений, является несовершенство действующей правовой системы. К числу правовых факторов совершения коррупционных преступлений следует отнести:

- в последние два десятилетия число законодательных актов принимаемых органами государственной власти Российской Федерации, нарастает

лавинообразно. Такое «упоение» законотворчеством приводит к снижению его качества [6, с. 54]. «Тщательно отработанный текст акта служит важнейшим условием и характеристикой его высокого качества, облегчает правильное понимание содержания норм и предусмотренных ими юридических действий. И, напротив, противоречивые тексты, сложным юридический язык, игнорирование правил составления и согласования проектов, не единообразие в использовании юридических понятий резко снижают эффективность правовой системы.

Не менее важна содержательная сторона вопроса, когда закон или иной акт призваны реально формировать устойчивый правовой порядок и способствовать решению различных социальных задач» [7, с. 5]. В противном случае, когда принимаемые акты не достаточно проработаны, они могут привести к ухудшению ситуации, которую призваны решить. Так, по мнению ряда ученых, бытовая коррупция чаще всего представляется в сознании обывателя обыденной нормой общественных отношений, что обусловлено, в частности, положением ст. 575 Гражданского кодекса Российской Федерации, фактически легализующим получение работниками образовательных и медицинских учреждений, подарков, стоимость которых не превышает 3 000 рублей [6, с. 55];

— Существующие в законодательстве пробелы, коллизии и противоречия между нормативными правовыми актами, регулируемыми сходный круг отношений, отсутствие должной регламентации многих вопросов, а иногда, напротив, избыточная регламентация способствует бюрократизму, произволу чиновников и коррупционной преступности. По мнению Гетмана Н. И., быстрая смена всего комплекса законодательной базы в экономике привела к правовой чересполосице. В ряде случаев экономические отношения наряду с новыми нормативными правовыми актами, все ещё регулируют нормы советского времени [8, с. 482]. Таким образом, отсутствие действующего механизма реализации ряда нормативных актов антикоррупционной направленности, их декларативный характер приводят к аномии, бездействию закона.

— Важную роль в противодействии коррупции играет контроль за исполнением, федеральных законов и постановлений Правительства Российской Федерации. Зачастую всё ограничивается разработкой и принятием законов, а контролю за их практической реализацией не уделяется должного внимания.

Сегодня Россия тратит на борьбу с преступностью в целом около 9% своего годового бюджета. Практически — это средства, которые затрачиваются на раскрытие и расследование примерно 3 млн преступлений в год, осуждение и содержание примерно 800 тыс. преступников в условиях изоляции от общества.

Распространенность коррупционных (равно как и других) преступлений в значительной степени зависит

от их раскрываемости, точнее, от неотвратимости ответственности за них. Первое и второе — не одно и то же. По статистике, практически все выявленные факты взяточничества (в данном случае речь идёт о практически совпадающих с юридической точки зрения актах фиксации события) раскрываются [4, с. 415]. Наказание назначается лишь в каждом четвертом-пятом случае. Если сопоставить эти и предыдущие данные, то окажется, что наказание назначается примерно в 1 из 100 тыс. случаев дачи и получения взяток. «Эффект воронки» применительно к иным коррупционным правонарушениям скорее всего выглядит ещё более впечатляющим. Вряд ли среднестатистический коррупционер в состоянии воспринять подобную угрозу возмездия как серьезное препятствие к совершению коррупционных действий [4, с. 415].

По данным Верховного Суда РФ в 2013 году за совершение коррупционных преступлений осуждено 9,5 тыс. человек, при этом за получении взяток — 1700, за дачу — 3400. При этом основным наказанием для лиц, совершивших данные преступления были штрафы, кратные суммам взяток. Наибольшую часть осужденных составляли государственные и муниципальные служащие — 50%, работники здравоохранения и социального развития — 29%, образования — 10,5% и 6,3% — работники службы исполнения, т. е. в тех сферах, где традиционно сильные оперативные позиции правоохранительных органов [9, с. 189]. Зачастую люди попадали на скамью подсудимых за взятку размером в две-три тысячи рублей, иногда и меньше. Более чем в ста случаях сумма взятки не превышала пятисот рублей [6, с. 55].

Среди детерминирующих коррупционных факторов существенное значение имеют нравственно-психологические причины. К психологическим причинам и условиям коррупционной преступности можно отнести:

- многовековые традиции мздоимства и лихоимства на государственной службе в России;
- традиционно низкий уровень солидарности населения с нормами об ответственности за подкуп;
- относительно низкий уровень правовых знаний взрослого населения, ставящий его в условие повышенной зависимости от государственных служащих;
- моральная готовность значительной части населения к подкупу государственных служащих для реализации как законных, так и незаконных интересов;
- феномен обоюдной вины подкупаемого и подкупающего [5, с. 54].

Перечень причин и условий коррупционной преступности в России, исследованный нами, является лишь основным, так как детерминанты этого вида коррупционной преступности коренятся во всех сферах жизнедеятельности общества и требуют дальнейшего исследования. Только изучив и устранив их, мы сможем найти эффективные меры по предупреждению коррупционной преступности, а реализовать их — задача ещё более проблематичная.

Литература:

1. Черкашина Е. А. Коррупция в России: причины возникновения и методы борьбы // Право: современные тенденции: материалы II междунар. науч. конф. [Электрон. ресурс]: Опубликовано на сайте информационного ресурса: «Молодой ученый». Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://moluch.ru/conf/law/archive/114/5142/> (дата обращения 25.06.2016 г.)
2. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника — М., 2015. — С. 202.
3. Эминов В. Е. Причины преступности в России. Криминологический и социально-психологический анализ. — М., 2015. — С. 67.
4. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология: учебник — 5-е издание — М., 2013. — С. 395, С. 415.
5. Аглямова Г. М. Причины и условия коррупционной преступности в сфере местного самоуправления // Журнал Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012 № 77 (4). — С. 53., С. 54.
6. Харбиева Т. Я. Коррупция природа, проявления, противодействие: монография — М., 2014. — С. 54, С. 55.
7. Тихомиров Ю. А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал российского права 2008. № 2. — С. 5.
8. Гетман Н. И. Коррупция как грипп: все болеют, никто не умирает, но лечение необходимо // Преодоление коррупции — главное условие утверждения правового государства / под ред. Комарова А. И. — М., 2009. Т. 1 (39). — С. 482.
9. Нестеров Д. О. Практика применения современного законодательства в сфере противодействия коррупции // Современные стандарты и технологии противодействия коррупции (Материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 24–25 апреля 2014 г.)) / отв. редактор Хабриева Т. Я. — М., 2015. — С. 189.

Криминологическое исследование личности коррупционера в России

Герцик Елена Дмитриевна, магистрант

Научный руководитель: Касторский Геннадий Львович, доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии

Пока существует преступность, проблема личности преступника будет сохранять свою актуальность. Постоянное, непрерывное изучение личности преступника необходимо для того, чтобы систематически выявлять и оценивать присущие ей черты характера (свойства), интересы, стремления, позволяющие строить эффективную систему мер индивидуальной криминологической профилактики. Настоящая статья посвящена в рассмотрению свойств личности субъектов коррупционной преступности.

Ключевые слова: коррупционер, взяточполучатель, взяточдатель, личность преступника

Личность преступника — это своеобразная информационная база предупреждения преступности. Данные, полученные о личности и ее поведении, позволяют избрать такие методы и средства профилактики, которые наиболее адекватны особенностям именно этого типа личности. Знание личности преступника — важная и необходимая предпосылка научно обоснованной, успешной профилактики прежде всего индивидуального преступного поведения [1].

Говорить о личности преступника, в частности о личности субъекта коррупционного преступления, нельзя, не определив понятие личности. Известно, что личность является предметом изучения самых разных наук. «Личность является не только предметом психологии, но и предметом философского, общественно-исторического познания; наконец, на определенном уровне анализа личность выступает со стороны природных, биологических

особенностей как предмет антропологии, соматологии и генетики человека».

Актуальность озаглавленной темы вызвана большим научным и практическим значением изучения личности правонарушителя, поскольку без определения специфических характеристик лиц с асоциальным поведением, а также механизмов его формирования вряд ли можно эффективно предупреждать и пресекать противоправные акты, организовывать борьбу как с отдельными видами правонарушений, так и с преступностью в целом. Психологи, социологи и криминологи разных юридических школ дают примерно одинаковые определения понятию «личность» — это социальное лицо человека, т. е. то, кем он стал в процессе социального развития [2]. Из этого определения личности следует, что под личностью преступника надо понимать социальное лицо человека, совершившего противоправное деяние (преступление).

При изучении личности преступника криминологи ставят своей целью раскрытие закономерностей преступного поведения, детерминации преступности. Здесь и возникает важная для криминологии задача: исследовать факторы, которые на индивидуальном уровне формируют установки на противоправное поведение либо способствуют их реализации. Традиционно коррупцией считают преступную деятельность в органах государственной власти, выражающуюся в использовании должностными лицами своих властных полномочий и служебного положения в целях личного обогащения [3, с. 54].

Однако в России коррупция в силу своего характера и масштабов — это не просто отдельное, локальное явление в области политики и государственного управления, это система отношений, которая пронизывает все структуры нашего государства и общества. Одной из самых распространенных и опасных форм проявления коррупции является взяточничество. Его отличительной чертой является то, что оно совершается специальным субъектом: должностным лицом [4]. Понятие должностных лиц раскрывается в прим. 1 к ст. 285 УК РФ. Ими признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации [5].

Характеристика лиц, совершивших коррупционные преступления, включает два относительно самостоятельных и существенно различающихся криминологических портрета: 1) лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, незаконно получивших преимущества по государственной или муниципальной службе вопреки её интересам; 2) лиц, предоставивших такие преимущества последним.

Иначе говоря, первые — это взяточники, вторые — взяткодатели. Критерием для подобной дифференциации служит уголовно-правовой признак наличия особого публичного статуса [6, с. 392].

Структура криминологического портрета российских коррупционеров и степень коррупционности выглядит следующим образом: представители исполнительной власти, работники министерств, комитетов и их подразделений на территории субъектов Российской Федерации — 41,1%, сотрудники правоохранительных органов — 26,5%, работники контролирующих органов — 8,9%, работники налоговой и таможенной служб — 3,2%, депутаты — 0,8%, иные категории — 19,6% [7, с. 202].

Из приведенного статистического анализа не следует, что в наибольшей степени коррупции подвержены служащие органов исполнительной власти, поскольку численность соответствующих групп лиц, имеющих публичный статус, существенно различается. Также необходимо учесть,

что особо уголовно-процессуальный статус депутатов, судей и прокуроров препятствует эффективному выявлению и привлечению к уголовной ответственности коррумпированных должностных лиц из их числа.

Данные уголовной статистики свидетельствует также, что среди лиц, осужденных за взяточничество, 13% были ранее судимы из них: за взяточничество — 4%, за иные корыстные преступления — 6%, за прочие преступления — 6%. Из всей совокупности осужденных за взяточничество 54% осуждены за квалифицированные виды дачи, получения взятки и посредничество во взяточничестве. Специальный рецидив свойствен в основном так называемым мнимым посредникам (их доля от числа повторного осужденных за взяточничество составила 56%). Опрос 135 осужденных за коррупционные преступления показал, что 72% из них были осведомлены об уголовной противоправности своего деяния, 96% рассчитывали избежать наказания, 83% считали назначенное им наказание суровым и лишь 2% полагали, что понесли справедливое наказание (15% затруднились ответить) [7, с. 203].

Если характеризовать социально-демографические признаки коррупционеров, то как показывает последнее исследование, средний возраст взяточполучателя составил 33 года (по состоянию на 2008 г.), т. е. произошло «омоложение» в сравнении с данными в 1994—1996 гг. — 37 лет. Имеет место также тенденция повышения уровня феминизации коррупционеров (28% — женщины).

Возраст субъекта преступления — в основном старше 50 лет (в 40% случаев), в 30% — от 40 до 50 лет и в 30% случаев — от 35 до 40 лет. Соучастники коррупционеров моложе: лишь 25% из них на момент привлечения к уголовной ответственности достигли возраста 50 лет и старше, 50% были в возрасте от 40 до 50 лет и 25% — в возрасте от 30 до 35 лет [8, с. 3].

Более высокий по сравнению с преступностью в целом средний возраст субъекта коррупционного преступления обусловлен тем, что возможность принятия определённых решений, за которые люди будут платить незаконное вознаграждение, приобретает человеком лишь с занятием им высокой должности. Назначению на высокую должность, как правило, предшествует получение образования, карьерный рост, что требует продолжительного стажа трудовой деятельности. Достижение высокой должности возможно лишь при наличии солидного жизненного опыта, связей, образования, репутации, в том числе и образовательной. Субъекты коррупционных преступлений отличаются более высоким, чем их соучастники, уровнем образования.

Субъекты коррупционных преступлений различаются и по должностному, служебному положению. По изученным уголовным делам субъектами названной категории преступлений в основном были признаны должностные лица высшего руководящего звена. Это может быть объяснено тем, что именно такие субъекты располагают должностными, служебными полномочиями, позволяющими совершать коррупционные преступления. Должностные лица среднего

звена государственной службы иногда могут быть самостоятельными субъектами коррупционных преступлений, но в большинстве случаев выступают в качестве соучастников [8, с. 4].

Важной характеристикой личности преступника, совершающего коррупционные преступления, является уровень образования. Более высокий образовательный уровень субъектов коррупционных преступлений, по сравнению с другими преступниками, объясним тем, что более 86 % из них имеют высшее образование, и этот факт закономерен, поскольку аппарат органов власти и управления комплектуется квалифицированными специалистами [3, с. 55].

По последним исследованиям, большинство лиц из числа взяточполучателей (74 %) имели высшее, незаконченное высшее или среднее специальное образование. В числе взяткодателей с таким образованием насчитывалось 38 % осужденных. Следует отметить, что среди посредников высшее образование имели 58 % осужденных за это преступление [7, с. 204]. Коррупцию, как отмечает ведущие криминологи, следует сегодня рассматривать в качестве определенного и устойчивого сектора криминального рынка — оборота того, что прямо запрещено законом, или оборота в нарушении определённых, специальных норм и правил.

Сегодня можно уверенно констатировать, что коррупция всё теснее и прочнее смыкается с организованной преступностью, приобретает черты высокоорганизованных криминальных формирований и сообществ. И соответственно спектр лиц, втянутых в организованную, групповую и индивидуальную коррупционную деятельность, весьма широк и разнообразен.

Большинство коррупционных деяний совершается группами лиц. Иногда коррупционные связи между ними устанавливаются ещё до совершения преступлений с использованием субъектами своего должностного или служебного положения. Они представляют собой отношения, устанавливаемые и поддерживаемые чиновником для выполнения им в необходимый момент должностных, служебных действий в пользу конкретных лиц, что противоречит интересам службы.

Личность коррупционера обычно изучается в двух аспектах во-первых, как объект социальных связей и влияний и, во-вторых, как субъект, способный к активной, целенаправленной, преобразующей деятельности.

Психологические особенности личности коррупционера, в частности, следует понимать как относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, определяющих типичные формы реагирования и адаптивные механизмы поведения, систему представлений человека о себе, межличностные отношения и характер социального взаимодействия.

При исследовании личности коррупционера особую ценность представляют сведения о мотивации его поведения. Исходя из этого было бы ошибочно, например, думать,

что коррупционеры совершают преступления исключительно из корыстных побуждений. Достаточно большую их часть составляют люди, совершающие подобные действия по мотивам карьеризма или властолюбия. Этим людям постоянно необходимо завоёвывать авторитет среди окружающих, быть всё время на виду. Корысть, понимаемая в смысле личного обогащения, если она здесь есть, выступает в качестве лишь дополнительного мотива.

Какие же свойства лежат в основе коррупциогенной личности? В концепции О. В. Ванновской охватывается сравнительно широкий круг личностных образований и включает в себя основные пять структурных элементов:

- уровень смыслов и ценностей (жизненные цели, стремления, интересы и ценностные ориентации);
- когнитивно-нравственный уровень (индивидуальное самосознание, личные правила поведения, правосознание, понимание ответственности и долга);
- эмоциональный уровень (удовлетворенность жизнью, профессией, личным статусом, самоотношением);
- регулятивный уровень (степень контроля, механизмы принятия решений);
- поведенческий уровень (ведущий тип реагирования) [9, с. 323].

Каким образом проявляется каждый из уровней у коррупционной личности?

1. Уровень смыслов и ценностей, включает ориентации и жизненные идеалы образуют содержательную сторону направленности личности и выражают внутреннюю основу её отношения к действительности. Очевидно, что для коррупциогенной личности характерно преобладание материальных, а не духовных ценностей личности, что предопределяет её выбор в ситуации конфликта интересов между личными и общественно значимыми ориентирами в пользу личных интересов. Тем самым для человека с высокой склонностью к коррупции мерилom счастья и блага будет роскошь, а ведущей ценностью — категория «Иметь», а не категория «Быть».

2. Когнитивно-нравственный уровень охватывает установки нравственного поведения, а именно: индивидуальные, моральные, социальные и правовые установки. Если в структуре детерминант нравственного поведения преобладают индивидуальные установки, то показатели антикоррупционной устойчивости будут выше, поскольку эти установки интериоризированы, присущи нравственному самосознанию личности, стали индивидуальными нормами поведения. Если преобладают моральные детерминанты — ниже, если социальные — еще ниже, а наиболее низкими показатели антикоррупционной устойчивости будут в случае преобладания правовых детерминант, так как основным регулятором нравственного поведения при этом являются внешние по отношению к человеку принципы ретрибутивной справедливости (система поощрения и наказания).

3. На эмоциональном уровне выделяется несколько показателей, значимых для определения склонности к коррупции: удовлетворенность жизнью, профессией, личным

статусом и самооотношение. По шкале удовлетворенности жизнью можно выделить высокий, средний и низкий уровень. Высокие показатели по шкале удовлетворенности жизнью должны коррелировать с высокой антикоррупционной устойчивостью и наоборот.

4. На регулятивном уровне для определения склонности к коррупции значимым оказывается показатель степени контроля: склонности человека видеть источник управления своей жизнью либо преимущественно во внешней среде, либо в самом себе. В связи с этим выделяют два типа локуса контроля: интернальный и экстернальный. Человек с экстернальным локусом контроля склонен приписывать ответственность за всё внешним факторам: другим людям, судьбе, случайности, окружающей среде. Человек с интернальным локусом контроля принимает ответственность за события своей жизни на себя. Скорее всего, коррупциогенная личность будет обладать экстернальным локусом контроля, в то время как личность с высокой антикоррупционной устойчивостью — интернальным локусом контроля.

5. На поведенческом уровне. Можно выделить два основных типа реагирования: импульсивный и рефлексивный. Для импульсивного типа характерна спонтанная эмоциональная реакция на внешние раздражители. При рефлексивном типе реагирования действия человека опосредованы логическим анализом ситуации. Очевидно, что человек с ведущим импульсивным типом реагирования в большей степени будет склонен к коррупционному поведению, чем человек с ведущим рефлексивным типом реагирования.

Рассмотренные психологические признаки позволяют представить психологический портрет коррупциогенной личности. Для неё характерно: осмысление жизни через приобретение материальных благ, стремление к роскоши как показателю счастья, неосознанная мотивация и недифференцированная структура установок нравственного поведения, низкий уровень удовлетворенности жизнью, негативное самооотношение и неадекватная самооценка, экстернальный локус контроля, импульсивный тип реагирования. Каждая из этих характеристик повышает склонность к коррупции, которую можно описать как интегральный показатель.

Выявление и изучение мотивов преступного поведения, разработка типологии личности коррупционера важны не только для расследования коррупционных преступлений, но и для решения задач профилактики коррупционной преступности [9, с. 323].

Литература:

1. Годунов И. В. Основы противодействия коррупции: учебник — М. [Электрон. ресурс]: Опубликовано на сайте информационного ресурса: «Ступендия». Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://studopedia.org/1-94494.html> (дата обращения 25.06.2016 г.)
2. Долгова А. И. Преступник и его криминологическое изучение. Опубликовано на сайте информационного ресурса: «Конспект.ру». Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=39530> (дата обращения 26.06.2016 г.)
3. Абрамовская О. Р., Майоров А. В. Криминологические особенности личности коррупционного преступника // Журнал Вестник Челябинского государственного университета. 2012 № 37 (291). С. 54., С. 55.

По мнению Ю. М. Антоняна, В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова, целесообразно выделить следующие обобщенные типы личности коррупционеров:

1. Корыстолюбивый тип — объединяет индивидов целеустремленно стремящихся к удовлетворению своих, прежде всего, материальных потребностей, умножению и сохранению личного благосостояния.

2. Престижный тип — характеризуется стремлением максимально удовлетворять свои амбиции. Для этого, пренебрегая моральными и нормативными запретами, в том числе и с помощью криминальной деятельности, преступник постоянно поддерживает свой личностный и социальный имидж. Коррупционер постоянно стремится к созданию новых связей, знакомств, вхождению в элитарные группы.

3. Игровой тип — выражает активное стремление индивида к самому процессу реализации власти. Ощущение реальной опасности при балансировании на грани правопослушного и преступного, дозволенного и запретного доставляет ему острое психологическое удовлетворение. Для этого он стремится к созданию для себя максимальных комфортных условий и возможностей, нарушая закон [10, с. 11].

Бесспорно, выделение любых типов преступников носит условный характер. Вместе с тем приведенная типология показывает степень развития криминогенных свойств личности коррупционера определенного типа, их стойкости или возможности изменения в положительную сторону, что, в свою очередь, представляет собой незаменимую информацию для целенаправленной и эффективной профилактики коррупционного поведения, в частности в процессе кадровой политики.

Личность коррупционера существенным образом отличается от личности других преступников. В большинстве своем — это люди семейные, хорошие работники, имеющие высшее образование. Это люди с устоявшейся психикой и мировоззрением. Также значительная часть коррупционеров, как это ни парадоксально звучит, — люди с высоким материальным достатком. Нет никаких оснований упрекать большинство из них и в непатриотическом отношении к своей стране. Иными словами, можно смело утверждать, что изучение личности коррупционера лежит, скорее, в области социальной и юридической психологии, нежели в рамках обычных общих подходов к личности преступника.

4. Антипов А. Г., Антипов К. А. Коррупция в современном Российском обществе: состояние и борьба с ней: Опубликовано на сайте информационного ресурса: «Вестник Пермского Университета юридической науки». Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/ru/vypusk-1192013/22-2010-12-01-13-31-58/-1-19-2013/372-antipev-antipev-korrupciya-v-sovremennom-rossijskom-obshhestve-sostoyanie-i-borba-s-nej> (дата обращения 26.06.2016 г.)
5. Уголовный кодекс Российской Федерации по состоянию на 06 июля 2016 года.
6. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология: учебник — 5-е издание — М., 2013. — С. 392.
7. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника — М., 2015 — С. 202, С. 203., С. 204.
8. Безродная Н. В. Особенности личности коррупционера // Журнал Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2010 № 2 (53). С. 3., С. 4.
9. Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Журнал Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009 № 102. С.323., С. 324.
10. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. — СПб., — 2004. С. 11.

Отдельные аспекты влияния бессознательных психических процессов на систему преступности

Глазкова Лилия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В последние годы в отечественной криминологии активизировались исследования преступности как системы, что подразумевает ее изучение как целостного целеустремленного явления, способного к самоорганизации, к постановке целей и стремлению разрешить их с наименьшей затратой ресурсов.

Такой подход позволяет учитывать сложные взаимосвязи преступлений и их субъектов, диалектическое взаимодействие которых, по оценке А. И. Долговой, порождает новые общественно-опасные явления, среди которых выделяются такие, как сплочение субъектов преступлений; возникновение систем управления в криминальной среде; целенаправленное влияние на общество для создания наиболее благоприятных социальных условий для ведения преступной деятельности и др. [4, с. 8]

Качества целеустремленности (целенаправленности) систем связаны с пониманием цели как формального описания конечных результатов, к достижению которых стремится любая саморегулирующаяся функционирующая система [8, с. 582].

Одна из задач системного подхода заключается в выявлении стоящих перед социальной системой целей, поскольку именно цель отражает объективно обусловленные потребности социальных субъектов и может характеризовать систему в целом [3, с. 16].

Системный анализ преступности, помимо установления целей, включает также необходимость исследования вопроса о том, какие внешние обстоятельства и особенности личности, её мотивы и побуждения приводят к выбору субъектом цели его деятельности. Важность исследования этих проблем подчеркивает законодатель, установивший в ряде статей Уголовного кодекса нормы, предусматривающие

усиление либо смягчение ответственности в связи с совершением преступления по таким мотивам, как сострадание, месть, национальная или религиозная ненависть или вражда и др.

Приступая к исследованию некоторых их обозначенных проблем, будем исходить из того, что система преступности образуется из двух элементов: отдельных видов преступности и индивидуального преступного поведения [6].

Последнее, по определению В. Н. Кудрявцева, — «это первичная клеточка преступности, связанная структурой с преступностью в целом» [5, с. 4].

Именно этот элемент системы преступности, на наш взгляд, отвечает за свойство целенаправленности, придает всем элементам общее для системы качество целеустремленности. На уровне индивидуального преступного поведения система преступности способна ставить задачи, изменять их, выбирать средства их выполнения, то есть проявлять волю.

Понятие воли трактуется как свойство психики человека, проявляющееся в активной саморегуляции своего поведения для достижения определенных желательных результатов и целей, принятых индивидом [7, с. 147].

Таким образом, достижение целей связывается с проявлением волевых качеств.

Воля субъектов преступной деятельности, имеющая антиобщественную направленность, определяет волю системы преступности и её способность достигать поставленных целей.

Психологи подчеркивают связь воли и мотивации личности, указывая, что воли без взаимосвязи с мотивами не существует, поскольку личность проявляет волю ради чего-то [7, с. 147].

Различные виды преступлений отличаются относительно типичными мотивационными характеристиками, что сказывается и на оценках видов преступности: корыстная, насильственная, корыстно-насильственная. Ю. М. Антонян подчеркивает, что «В связи с корыстными преступными посягательствами и соответствующими им мотивами могут проявляться в большей степени одни личностные качества, а при совершении насильственных — другие» [1].

Помимо традиционного подхода к объяснению причин корыстного преступного поведения (жадность, корыстолюбие, стяжательство и т. д.), указанный автор предлагает исследовать также бессознательные мотивы такого поведения. Действительно, некоторые мотивы в ряде случаев могут вообще не осознаваться субъектом, но на глубинном уровне психических процессов детерминировать преступное поведение. В связи с этим возникает вопрос: какова роль бессознательного в индивидуальном преступном поведении (как в одном из элементов системы преступности)?

Остановимся на одном из определений бессознательного: это «совокупность психических процессов, актов и состояний, обусловленных явлениями действительности, во влиянии которых человек не отдает себе отчета» [8, с. 46].

К таким явлениям действительности можно отнести и преступность в целом, и отдельные виды преступности. Являясь компонентами системы преступности, индивидуальное преступное поведение и отдельные виды преступности взаимодействуют, взаимообуславливают друг друга. Человек не всегда способен осознавать такое влияние, тем не менее его поступки могут определяться неосознаваемыми мотивами, «мотивами бессознательной сферы» [2].

Бессознательная сфера в совокупности с предсознательной составляет подсознание, т. е. непознаваемые системы психики. Если бессознательное представлено, в основном, инстинктами и архетипами, то предсознание отличается наличием в нем информации и процессов, не являющихся сознательными актами. Это могут быть воспоминания, неактуализированные знания и т. д., способные стать осознанными при определенных условиях. Предсознание обеспечивает взаимосвязь и взаимодействие сознания и бессознательного [8, с. 410].

Для изучения индивидуального преступного поведения как одного из элементов системы преступности наиболее значимым представляется феномен коллективного бессознательного, понимаемый как совокупность наследуемых людьми универсальных неосознаваемых психических структур и механизмов: архетипов, инстинктов, импульсов, образов и т. д., передаваемых от поколения к поколению как субстрат психического бытия, включающий опыт предшествующих поколений [8, с. 187].

Если мы допускаем существование коллективного бессознательного, то точно также обязаны предположить

наличие коллективного предсознательного и коллективного подсознательного. Неосознаваемые коллективные психические механизмы, наряду с осознаваемыми мотивами, намерениями, потребностями, побуждениями влияют на индивидуальное преступное поведение, определяя особый преступный тип, свойственный тому или иному виду преступности. Представляется, что неосознаваемые психические механизмы индивидуального преступного поведения наряду с осознаваемыми формируют такие нерегулируемые процессы в преступности, как ее саморазвитие, самодетерминация, самовоспроизводство и целеустремленность. Отсюда становится очевидной важность познания при изучении личности преступника всех систем психики — бессознательных наряду с сознанием.

Индивидуальное преступное поведение обуславливается целым рядом причин, среди которых важное место занимают искажения в духовно-нравственной сфере. В условиях тотального отчуждения и нарастающей бездуховности современного мира, ориентированного на избыточное потребление, формируются соответствующие инстинкты, импульсы, образы, воспоминания, передаваемые от поколения к поколению, и определяющие качества и характеристики коллективного бессознательного и предсознательного. В соответствии с теорией социализации девиантным поведением отличаются люди, чья социализация проходит в условиях поощрения таких элементов отклоняющегося поведения, как насилие, аморальность, ненависть, вражда и т. п. Мы наблюдаем уже несколько поколений, которые благодаря глобализации информационного пространства подвергаются массивной пропаганде девиантного образа жизни, что приводит к катастрофическим последствиям в виде формирования осознанных или неосознанных поведенческих установок, свойственных личности преступников. Рассматривая массовое сознание как специфический информационный организм, состоящий из осознаваемых и неосознаваемых процессов и явлений, мы расширяем наши возможности в познании различных общественных явлений, в том числе и преступности.

Сейчас в определенном смысле неким штампом стало употребление понятия «системность» при разработке планов противодействия преступности. Однако на практике принимаемые меры страдают упрощенным подходом к оценке личности и индивидуального преступного поведения, охватывая лишь сферу осознаваемых психических процессов и закономерностей. Лежащие в глубинных пластах психики неосознаваемые мотивы и побуждения, формирующие характеры и поведение лиц, совершающих преступления, не анализируются, и меры, направленные на противодействие коллективным бессознательным процессам в системе преступности, не разрабатываются и не планируются. На наш взгляд, это огромный неизученный пласт в юридической психологии и криминологии, который ждет своих исследователей.

Литература:

1. Антонян Ю. М. Бессознательное в корыстном преступном поведении /Общество и право. 2015. № 2 (52). Электронный ресурс: cyberleninka.ru/article/n/bessoznatelnoe-v-korystnom-prestupnom-povedenii. Дата обращения 17.09. 2016.
2. Антонян Ю. М., Волконская Е. К. /Мотив преступного поведения: основные характеристики. Электронный ресурс: cyberleninka.ru/article/n/motiv-prestupnogo-povedeniya-osnovnyye-harakteristiki. Дата обращения 17.09.2016.
3. Вицин С. Е. Системный подход и преступность: учебное пособие. — М., 1980. С.16.
4. Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. С. 8.
5. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. — М., 1968. С. 4.
6. Макаров В. В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2014.
7. Пенитенциарная психология /Ю. А. Дмитриев, Б. Б. Казак. — Ростов н/Д: Феникс, 2007. С. 147.
8. Словарь конфликтолога /Анцупов А. Я., Шипилов А. И. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Эксмо, 2010. С. 582.

Основные проблемы правоприменительной практики по делам о вывозе культурных ценностей за рубеж

Иванова Ирина Николаевна, магистрант

Научный руководитель: Касторский Г. Л., доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии

Контрабанда культурных ценностей совершается в основном организованными, относительно стабильными и сплоченными группами, специально созданными для занятия подобной деятельностью на основе четкого распределения ролей на так называемой конвейерной основе. Среди участников групп выделяются продавцы, скупщики и переправщики товаров, действующие на территории России. Иногда ими являются реставраторы музеев, библиотек, церквей и оценщики предметов старины. Переправщики — как правило специально нанятые курьеры, реже — посредственные скупщики ценностей. Обычно эти лица пользуются особым доверием организаторов преступления, так как утрата товара означает срыв сделки, ведь покупателям (любителям российской старины) нужна конкретная вещь, а не родовой товар. Нередко в качестве курьеров используются иностранцы — сотрудники дипломатических представительств, обладающие дипломатическим иммунитетом.

Получателями контрабанды выступают, в основном, лица, выехавшие из России на постоянное место жительства за границу, зачастую они сохраняют российское гражданство. Обычно они же занимаются реализацией незаконно вывезенных из России ценностей через открытые для этих целей магазины, лавки.

Контрабандные группы, специализирующиеся на вывозе из России культурных ценностей, формируются, как правило, из лиц, выехавших на жительство за границу из их ближайшего окружения, родственников, знакомых и бывших сослуживцев, оставшихся в России. Последние часто также преследуют цель покинуть пределы России

и перед этим обычно переправляют имеющиеся у них ценности своим родственникам или знакомым на Запад. В других же случаях преступники активно занимаются на территории России поиском определенных культурных ценностей по подсказке из-за границы с тем, чтобы незаконно переправить эти ценности за рубеж и создать таким путем определенный капитал, материально обеспечив свою жизнь после выезда на жительство за границу.

Договорённость между участниками преступной группы о совместном занятии контрабандной деятельностью может быть достигнута лично, перед выездом кого-либо из них на жительство за границу, в период пребывания отдельных представителей группы в зарубежной командировке или туристической поездке либо посещении по частным, туристическим визам России ранее выехавших лиц. Кроме того, установление преступных контактов и получение согласия на участие в контрабандной деятельности осуществляется через посредников по телефону либо с помощью почты. Выехавшие за рубеж лица часто информируют в письмах и по телефону своих родственников, знакомых о появившихся у них возможностях реализации культурных ценностей (покупка ими в частную собственность магазинов и пр.), сообщают цены на российские культурные ценности на Западе, о знакомстве с владельцами магазинов, галерей, с частными коллекционерами и получении их согласия на реализацию или покупку культурных ценностей по выгодным ценам [1, с. 217].

При расследовании контрабанды подлежат установлению следующие обстоятельства:

1. Когда, где, каким способом и при каких обстоятельствах совершена контрабанда. Выясняются точное время (дата) и место незаконного перемещения через таможенную границу Российской Федерации предметов контрабанды. При этом следует учитывать, что перемещение таможенную границу может осуществляться лично контрабандистом при пересечении таможенной границы либо безличным способом, когда контрабандист сам непосредственно не участвует в перемещении предметов контрабанды через таможенную границу [2, с. 375]. Устанавливается, применялось ли контрабандистами физическое или психическое насилие к лицу, осуществлявшему таможенный контроль, в чём конкретно оно выразилось; предшествовала ли преступлению подготовка, какая именно, кем и когда она проведена; не сопряжена ли контрабанда с совершением других преступлений. Так, например, контрабанда культурных ценностей может быть сопряжена с хищением предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

2. Предмет контрабанды, которым признаются культурные ценности в крупном размере, представляет стоимость, превышающую сто тысяч рублей. В процессе расследования устанавливается точное наименование и количество таких предметов, их стоимость, индивидуальные качества, влияющие на квалификацию содеянного, принадлежность конкретному физическому или юридическому лицу.

3. Кто совершил контрабанду, сколько лиц участвовало в совершении преступления, данные об их личности (возраст, профессия, место работы и место жительства), не совершали ли эти лица подобных преступлений прежде и судимы ли они в прошлом. В соответствии с законом уголовной ответственности за контрабанду подлежит лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. При этом субъектом данного преступления могут быть как граждане Российской Федерации, так и иностранцы и лица без гражданства. В случае, когда контрабанда совершается группой лиц, устанавливается степень участия в преступлении каждого из них. Поскольку закон устанавливает в качестве специального субъекта контрабанды должностное лицо, использовавшее свое служебное положение, необходимо устанавливать, не является ли таковым лицо, совершившее контрабанду. Выясняется, как характеризуется лицо, совершившее контрабанду; имеются ли обстоятельства, отягчающие или смягчающие его ответственность.

4. Причины и условия, способствовавшие совершению контрабанды.

Организация расследования дел о контрабанде в значительной мере обуславливается характером следственных ситуаций, складывающихся на момент возбуждения уголовного дела. К наиболее распространенным (типичным) относятся такие ситуации, когда в распоряжении следствия имеются достаточные данные:

1) о деянии, содержащем признаки контрабанды, однако информация о лице, её совершившем, полностью

отсутствует либо её недостаточно для индивидуализации этого лица — так называемая бесхозная контрабанда;

2) о деянии, содержащем признаки контрабанды, и лице, причастном к её совершению, однако местонахождение этого лица неизвестно либо оно находится за границей;

3) о деянии, содержащем признаки контрабанды, лице, её совершившем, о местонахождении этого лица (лицо задержано либо известно, где оно находится).

Процесс собирания доказательств законодательно регламентирован ст. 86 УПК РФ. Первоначальной и необходимой стадией собирания доказательств является их обнаружение, что предполагает отыскание её источников и непосредственное чувственное восприятие фактических данных субъектами доказывания.

Доказательственная информация может быть обнаружена:

1) в ходе производства следственных действий;

2) путем производства иных процессуальных действий;

3) путем представления предметов и документов подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями, а также их защитниками.

Сущность деятельности по собиранию доказательств состоит во введении доказательственной информации в уголовное дело. После обнаружения доказательств дознаватель, следователь приступают к выполнению процессуальных действий, направленных на закрепление доказательств.

Изучение и анализ материалов уголовных дел о контрабанде культурных ценностей, позволяет утверждать, что по делам данной категории проводится большинство видов следственного осмотра — это осмотр места происшествия; осмотр предметов, в которых обнаружены вещественные доказательства; осмотр самого предмета контрабанды; осмотр транспортного средства; осмотр различных документов [3, с. 59].

Необходимо также отметить, что осмотр места происшествия по делу о контрабанде культурных ценностей имеет свои особенности, обусловленные рядом таких обстоятельств, как:

1) предмет преступления;

2) способ перемещения контрабанды через таможенную границу РФ;

3) специфика транспортного средства, при помощи которого перемещались предметы.

Другим следственным действием, производимым дознавателями таможенных органов при расследовании уголовных дел о контрабанде культурных ценностей, является выемка. Она может производиться лишь при наличии достаточных оснований, позволяющих сделать вывод месте о нахождении интересующих предметов и документов, если точно известно, где и у кого они находятся.

Порядок производства обыска законодательно регламентирован ст. 182 УПК РФ. Обыск производится на основании постановления следователя, дознавателя, а если местом производства обыска является жилище — на основании судебного решения. Для принятия решения о проведении обыска «большое значение имеют фактические данные, полученные органами дознания в результате оперативно-розыскных действий» [4, с. 125].

Особое значение для всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств совершённого преступления при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории имеет судебная экспертиза, так как она является наиболее квалифицированной формой использования специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Заключение и показания экспертов в соответствии с законом являются доказательствами по уголовному делу (Ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

При производстве экспертиз, по делам о контрабанде необходимо учитывать, что специалисты и эксперты, которых следователи привлекают для установления стоимости предметов, при осуществлении такой деятельности пользуются различными методиками и заключения могут быть подвергнуты сомнению с точки зрения достоверности установления стоимости. В каждом конкретном случае необходимо избирательно подходить к подбору специалистов-товароведов, при необходимости назначать комиссионные экспертизы, тщательно анализировать заключения экспертов.

Заключения экспертов должны подкрепляться наличием документов, подтверждающих правильность определения указанных характеристик. При возникновении сомнений необходимо допрашивать специалистов по существу составленного ими заключения. Перед экспертами необходимо поставить следующие вопросы:

- а) составляют ли изъятые предметы (картины, посуда, часы, скульптура, ювелирные украшения и т. п.) художественное (или другое) достояние России;
- б) если да, то когда и каким мастером они написаны (изготовлены);
- в) в каких российских, иностранных каталогах указаны, в экспозиции какого музея они состоят;
- г) являются ли данные предметы подлинными или поддельными;
- д) имеются ли на данной картине (другом предмете) следы, свидетельствующие о желании скрыть эту картину, выдавая её за товар, не имеющий исторической, художественной ценности;
- е) если да, то какие именно следы.

По уголовным делам о контрабанде возникает необходимость в производстве экспертиз по определению исторической ценности и стоимости незаконно вывезенных за границу предметов: художественных произведений, антиквариата, икон и пр. Такие экспертизы могут производиться и в отсутствие самих предметов по документам, которыми располагает следствие. Для их проведения привлекаются

специалисты-искусствоведы. Подобные экспертизы требуют тщательной подготовки и, прежде всего, создания полной информационной базы для их проведения. С этой целью всех лиц, имеющих отношение к переправленным за границу предметам и ценностям, подробно допрашивают о внешних признаках и особенностях каждого предмета, обстоятельствах его приобретения, хранения, оценки, сбыта, перемещения через таможенную границу. При этом очень важно установить и подробно допросить прежних владельцев картин, икон и предметов антиквариата, по возможности составить с участием специалиста-искусствоведа и подробное описание этих предметов, принять все меры к отысканию фотографий, эскизов, слайдов, зарисовок, изготовленных с оригиналов или каталогов с их изображениями [5, с. 990].

При расследовании уголовных дел о контрабанде культурных ценностей обычно удается обнаружить материальные следы преступления, совершённого в относительно недавнее время. Вещественные доказательства этого преступления, относящиеся к более отдаленному периоду, изымаются сравнительно редко, что затрудняет доказывание так называемых старых эпизодов. Однако о прошлой контрабандной деятельности могут свидетельствовать различные записи о расчетах преступников между собой, адреса, номера телефонов сообщников, проездные, багажные документы, письма и тому подобное.

Нужно иметь в виду, что для определения стоимости вывезенных из России на Запад предметов антиквариата, религиозного культа или исторической значимости преступниками привлекаются специалисты различных направлений, используются изданные за рубежом каталоги, проспекты, прейскуранты. Установление этих обстоятельств весьма важно для доказывания вины по делам о контрабанде. Конкретными вещественными доказательствами по этим делам могут быть обнаруженные у участников преступной группы фотографии, эскизы, описания переправленных за границу предметов, документы об их приобретении или оценке [6, с. 57–63]. При производстве обысков, выемок, иных следственных действий эти предметы подлежат обязательному изъятию. В процессе следствия они тщательно осматриваются, а затем при необходимости предъявляются обвиняемым или свидетелям для получения по ним подробных показаний.

При задержании на таможне курьеров с контрабандой следственные и оперативные подразделения правоохранительных органов должны принять все меры для выявления настоящих владельцев предметов контрабанды. Эти предметы подвергаются тщательному исследованию в целях обнаружения сопроводительных писем и других улик в отношении соучастников контрабанды.

Если курьерами являются иностранные дипломаты, у них через соответствующие подразделения МИД истребуются объяснения и решается вопрос об их дальнейшем пребывании в России.

В процессе расследования уголовных дел в отношении лиц, занимающихся контрабандой культурных ценностей, как правило, проводится комплекс следственных и оперативных мероприятий, направленных на изъятие денег и других ценностей, нажитых преступным путем, а также возвращение в Россию незаконно вывезенных за границу ценностей либо получение их эквивалента в иностранной и российской валюте [7, с. 27].

Эти задачи решаются путем целенаправленных допросов обвиняемых, свидетелей, организацией оперативно-розыскной работы. Допросы обвиняемых и свидетелей строятся на разъяснении указанным лицам положений о добровольном возмещении нанесенного преступной деятельностью ущерба государству, частным лицам как обстоятельстве, смягчающем наказание.

Иногда в рамках проведения оперативной разработки обвиняемых используется следующий тактический приём: до их сведения доводятся имеющиеся в распоряжении следствия данные, характеризующие их соучастников как лиц, которые присвоили причитающуюся обвиняемым долю от реализации контрабанды, затем обвиняемым предлагается обратиться к соучастникам или другим лицам, у которых находятся ценности, нажитые преступным путем, с просьбой выдать их следствию в качестве добровольного погашения обвиняемым ущерба, причиненного государству [8, с. 312].

Возможно, что такое предложение обвиняемого, если он обратится с ним к указанным выше лицам, не вызовет у них положительной реакции, и они попытаются оказать на раскаявшегося негативное воздействие. В подобных ситуациях нецелесообразно проведение очной ставки для устранения противоречий в показаниях. Желательно исключить контакт раскаявшегося с соучастниками, при этом следователь может ограничиться видеозаписью допроса обвиняемого,

получением от него записки к сообщникам с предложением о выдаче ценностей, нажитых преступным путем. Реакцию участников преступной группы и свидетелей на предложение целесообразно проконтролировать оперативным путем.

При допросе подозреваемого требуется выяснить: каким способом совершалось хищение предмета контрабанды — проникновение в помещение, отключение сигнализации, создание экстренных ситуаций (пожар и пр.); где хранились похищенные предметы; какой способ использовался для сокрытия картины (картина выдавалась за предмет, не имеющий художественно-исторической ценности, и др.).

Достоверность показаний обвиняемого проверяется путем следственного эксперимента. Расследование контрабанды культурных ценностей осложняется тем, что, как правило, нет свидетелей хищения, доказывание вины обвиняемого основывается на заключениях экспертов, результатах осмотров и следственных экспериментов.

В последние годы контрабандисты применяют всё более ухищренные способы сокрытия культурных ценностей, что позволяет им безнаказанно действовать длительное время. В контрабандную деятельность часто вовлекаются работники таможенных учреждений, сотрудники различных министерств, ведомств, организаций, регулярно выезжающие за рубеж и имеющие контакты с иностранными организациями и фирмами, в частности, с различными благотворительными фондами. В большинстве случаев к моменту возбуждения уголовного дела предметы контрабанды отсутствуют, как и сама возможность вернуть их нашему государству из-за границы.

Перечисленные сложности правоприменительной практики по делам о контрабанде свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования правовых мер противодействия указанному явлению.

Литература:

1. Михайлов В. И., Федоров А. В. Уголовная ответственность за контрабанду: учебно-практическое пособие. — СПб., 2005.
2. Талан М. В. преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики. Дис... докт. юрид. наук. — Казань, 2002. — С. 375
3. Ляпустина Н. С. Доказывание по уголовным делам о контрабанде культурных ценностей: Дис... канд. юрид. наук: М., 2005. — С.59
4. Баев О. Я. Тактика следственных действий, Воронеж, 1992. — С.125
5. Криминалистика: учебник. / Под ред. А. Д. Эйсапа. — М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. — 990 с.
6. Бурданова В. С. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу. // Государство и право. — 1997. — № 9. — С. 57–63.
7. Сучков Ю. И. Контрабанда и ответственность. Калининград, 1975. — С. 27.
8. Русанов Г. А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие. — М.: Проспект, 2011.

Характеристика объективных признаков незаконного перемещения культурных ценностей

Иванова Ирина Николаевна, магистрант

Научный руководитель: Касторский Г.Л., доктор юридических наук, профессор
Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии

Культурные ценности — это познавательные и прекрасные произведения мировой культуры, которые необходимо сохранить для будущего. Задача защиты культурных ценностей России на сегодняшний день представляется стратегически необходимой в контексте обеспечения национальной безопасности страны в целом. Культурные ценности нуждаются в особой защите, прежде всего, от незаконного вывоза из России и невозвращения их на Родину. Только так можно сохранить их для будущих поколений.

Под объектом преступления в доктрине российского права традиционно понимаются общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Подобное понимание объекта преступления сложилось еще в работах классиков уголовного права, в частности, А.А. Пионтковского, Б.С. Никифорова. Разделяется указанная позиция и большинством современных ученых [1, с. 129–130]. На сегодняшний день сформировались и иные точки зрения на понятие объекта преступления, в частности: 1) объект преступления понимают как правовую ценность [2, с. 104]; 2) под объектом преступления понимается правовое благо (интерес) [3, с. 157–159].

Говоря об объекте посягательства, следует обратить внимание на то, что диспозиция ч. 1 ст. 226.1 УК РФ построена таким образом, что в качестве дополнительного непосредственного объекта данного преступления выступают отношения, характеризующие установленный порядок перемещения через таможенную границу или государственную границу предметов, обеспечивающих экономическую стабильность Российской Федерации и (или) государств — членов Таможенного союза, а равно установленный порядок перемещения культурных ценностей художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран. Это обусловлено тем, что в качестве предмета контрабанды в диспозиции ч. 1 ст. 226.1 УК РФ названы стратегически важные товары и культурные ценности, незаконное перемещение которых само по себе не причиняет вред состоянию защищенности жизненно важных интересов общества [4].

Контрабанда культурных ценностей, кроме экономической безопасности, посягает на духовные интересы граждан.

При конструировании Особенной части Уголовного кодекса РФ законодатель в основу деления УК РФ на разделы и главы положил соответственно родовую и видовую объекты. Многие авторы при определении анализируемого элемента состава преступления исходят из сферы его совершения. Например, В.И. Михайлов и А.В. Федоров в качестве такого объекта называют «отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности» [5, с. 187].

По мнению некоторых специалистов рассматриваемое преступление совершается в двух сферах общественного бытия. Так, И.А. Романов исходит из того, что контрабанда нарушает «общественные отношения, складывающиеся в сфере внешнеэкономической деятельности и таможенного регулирования» [6, с. 16]. В.М. Талан считает, что терпят урон «общественные отношения в сфере торговой политики и государственного регулирования внутреннего рынка при его взаимодействии с мировым рынком или рынками других стран» [7, с. 215].

Во многих работах ученых обращается внимание на то, что контрабанда нарушает законодательно определенный порядок внешнеэкономической деятельности [8, с. 386]. «Этот порядок устанавливается не только для обеспечения условий реализации носителями экономических благ своих экономических интересов, но и для их согласования, а также для создания условий защищенности личности, общества и государства...» [9, с. 84].

По мнению В.Л. Нарышкина, видовой объект можно было определить как экономическую безопасность носителей экономических интересов, обеспечиваемую нормативным порядком экономической деятельности [9, с. 87].

Экономисты под указанной безопасностью понимают «...соответствие результатов развития внешнеэкономических связей страны ее интересам — чем больше соответствия, тем выше экономическая безопасность». Интересы России заключаются в том, чтобы: а) внешнеэкономические связи оказывали стабилизирующее воздействие на народное хозяйство, служили фактором его структурного преобразования; б) формирование рыночной экономики способствовало бы укреплению и расширению позиций государства на международных рынках, повышению его роли в международных связях [10, с. 126].

Из этого следует, что экономическая безопасность отражает состояние экономики и соответствующих экономических, политических и социальных институтов, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных и индивидуальных интересов, социальная направленность политики, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов [11, с. 12].

Контрабанда не достигает такого уровня общественной опасности, которая бы ставила под угрозу экономическую безопасность государства. В противном случае необходимо признать, что место контрабанды в Особенной части Уголовного кодекса определено не верно. Экономическая безопасность является объектом уголовно-правовой охраны норм, указанных в гл. 29 «Преступления

против основ конституционного строя и безопасности государства».

Практически все авторы, определяя видовой объект рассматриваемого преступления, связывают его с экономической деятельностью. «Экономическая деятельность, — пишет Н. А. Лопашенко, — деятельность в сфере производства по созданию общественного продукта, направленная на жизнеобеспечение общества и государства» [12, с. 7].

Криминализация деяний в сфере экономики основывается на положениях ст. 8 и 34 Конституции РФ. Согласно первой из них в российской Федерации гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности; частная, государственная, муниципальная и иные формы деятельности признаются и защищаются равным образом; согласно второй — каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, не допускается деятельность направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию [13, с. 211].

В настоящее время многие ученые отмечают, что определение объекта рассматриваемого преступления как экономических отношений вызывает сомнения. Так, В. Л. Нарышкин пишет: «При определении социальной направленности контрабанды можно было бы исходить из сферы экономической деятельности только в одном случае — если бы речь шла о так называемой экономической контрабанде» [9, с. 85].

Непосредственный объект контрабанды в литературе также раскрывается по-разному. Так, предлагается считать им отношения в сфере внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля [14, с. 229], либо только внешнеэкономической деятельности [15, с. 145].

Б. В. Яловенко непосредственным объектом рассматриваемого преступления признает финансовую систему государства [16, с. 647]. Противоречивость позиции автора проявляется по ряду моментов. Так определяя общественную опасность контрабанды, он пишет, что «... она наносит вред финансовой системе государства, поскольку в государственный бюджет не поступают пошлины, установленные на ввозимые товары, а также создает угрозу общественной безопасности при незаконном перемещении через таможенную границу взрывчатых, наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ, оружия и других предметов, изъятых из свободного обращения [16, с. 647].

Во-первых, очевидно, что общественная безопасность не относится к финансовой сфере государства; во-вторых, контрабанда почему-то ограничивается только ввозом товаров.

Финансовая система государства состоит из совокупности финансовых институтов и совокупности финансовых органов и учреждений. Первые способствуют образованию и использованию соответствующих денежных фондов,

вторые — осуществляют в пределах своей компетенции финансовую деятельность. Таким образом, она не может быть объектом преступления вообще и не только потому, что в этом случае общественные отношения как объект преступления подменяются государственными образованиями, на которые преступления посягать не могут в принципе.

Н. Г. Иванов рассматриваемое преступление относит к деяниям, посягающим на финансовую деятельность государства [17, с. 534, 592].

Финансовая деятельность государства — это его деятельность по образованию, распределению и использованию централизованных и децентрализованных фондов денежных средств, обеспечивающих его бесперебойное функционирование и развитие. Государство руководит и направляет финансовую деятельность через свои органы, которые наделены для этого специальной компетенцией [18, с. 10–27]. Контрабанда не может иметь в качестве своего непосредственного объекта указанную деятельность по крайней мере по двум причинам: а) понятие «деятельность» нельзя считать тождественным понятию «общественные отношения»; б) рассматриваемое деяние совершается в иной сфере, поэтому и не может нарушать финансовую сферу.

В 1975 г. в период существования государственной монополии на внешнюю торговлю, Ю. И. Сучковым было высказано мнение о том, что непосредственным объектом контрабанды являются общественные отношения, регулирующие установленный порядок перемещения товаров или иных предметов через таможенную границу Российской Федерации [19, с. 27]. Речь в этом случае идет об общественных отношениях, которые «возникают между государственными органами власти и управления с одной стороны, предприятиями, организациями, кооперативами и т. д., а также физическими лицами — с другой стороны, в процессе перемещения грузов через таможенную границу при осуществлении внешнеэкономических связей с юридическими и физическими лицами иностранных государств [20, с. 31].

Данное определение непосредственного объекта контрабанды вообще и контрабанды культурных ценностей в частности достаточно адекватно очерчивает круг общественных отношений, терпящих урон каждый раз при совершении любого вида незаконного перемещения как товаров или иных предметов, указанных в ч. 1 ст. 226.1 УК РФ.

Объективная сторона преступления выражается в действии, которое состоит в незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза либо государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза предметов контрабанды. Таможенный кодекс Таможенного союза определяет незаконное перемещение товаров через таможенную границу как перемещение товаров через таможенную границу: 1) вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах; 2) с сокрытием от таможенного контроля; 3) с недостоверным

декларированием или недекларированием товаров; 4) с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах; 5) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации; 6) покушение на такое перемещение (подп. 19 п. 1 ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза).

Важным признаком объективной стороны является место совершения преступления — таможенная граница Таможенного союза либо государственная граница Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза. Под таможенной границей Таможенного союза следует понимать пределы таможенной территории Таможенного союза. При этом в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза Единую таможенную территорию таможенного союза (далее — таможенная территория таможенного союза) составляют территории Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации, а также находящиеся за пределами территорий государств — членов таможенного союза искусственные острова, установки, сооружения и иные объекты, в отношении которых государства — члены таможенного союза обладают исключительной юрисдикцией (п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса Таможенного союза).

Государственная граница Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза определяется на основании международных договоров. Перемещение соответствующих предметов вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах предполагает совершение лицом любых умышленных действий по их ввозу (вывозу) на территорию Таможенного союза либо территорию Российской Федерации вне пунктов пропуска либо вне времени их работы через таможенную границу Таможенного союза либо государственную границу Российской Федерации.

Перемещение контрабанды путем сокрытия от таможенного контроля означает, что лицо, не уклоняясь от досмотра, перемещает соответствующие предметы, камуфлируя, используя различные тайники или иным образом утаивая и скрывая их. Контрабанда, совершаемая путем обманного использования документов или средств таможенной идентификации, предполагает перемещение соответствующих предметов через таможенную границу Таможенного союза либо государственную границу Российской Федерации, сопряженное с предоставлением таможенному органу в качестве документов, необходимых для таможенных целей: а) поддельных документов; б) недействительных документов; в) документов, полученных незаконным путем; г) документов, содержащих недостоверные сведения; д) поддельных средств идентификации; е) подлинных средств идентификации, относящихся к другим товарам [4].

Объективная сторона характеризуется: а) действием (перемещение через таможенную границу Российской Федерации товаров или иных предметов в крупном размере), б) способом (перемещение их помимо

или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием), в) местом совершения.

В соответствии со ст. 4 п. 3,4 ввоз товаров на таможенную территорию таможенного союза — совершение действий, связанных с пересечением таможенной границы, в результате которых товары прибыли на таможенную территорию таможенного союза любым способом, включая пересылку в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до их выпуска таможенными органами; под вывозом товаров с таможенной территории таможенного союза понимается совершение действий, направленных на вывоз товаров с таможенной территории таможенного союза любым способом, включая пересылку в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до фактического пересечения таможенной границы.

Рассмотрим теперь более подробно способы совершения контрабанды, в том числе и контрабанды культурных ценностей.

Перемещение культурных ценностей помимо таможенного контроля. Прибытие товаров и транспортных средств на таможенную территорию РФ допускается в пунктах пропуска через Государственную границу РФ, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации, во время работы таможенных органов (ст. 407 «Время работы таможенных органов»). В иных местах товары и транспортные средства могут прибывать на таможенную территорию РФ в соответствии с законодательством Российской Федерации о Государственной границе РФ.

Правительство РФ вправе устанавливать пункты пропуска через Государственную границу РФ для прибытия на таможенную территорию Российской Федерации отдельных видов товаров.

Таможенный контроль — это совокупность мер, осуществляемых таможенными органами в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства Российской Федерации.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о контрабанде» перемещение товаров или иных предметов помимо таможенного контроля заключается в совершении умышленных действий по их ввозу на таможенную территорию РФ или вывозу с этой территории вне пунктов пропуска через Государственную границу РФ или иных мест нахождения таможенных органов (таможен, таможенных постов) либо вне времени их работы, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации, или без разрешения таможенного органа, если международным договором Российской Федерации или федеральным законодательством не предусмотрено свободное движение товаров через таможенную границу РФ без таможенного контроля.

Данное определение подходит и для контрабанды культурных ценностей, за исключением разве что последнего упоминания о свободном движении таких ценностей, поскольку в каждом случае перемещения культурной ценности через границу необходимо получать специальное разрешение уполномоченного органа.

Соккрытие культурных ценностей от таможенного контроля. Под соккрытием от таможенного контроля культурных ценностей понимаются любые действия, направленные на то, чтобы затруднить обнаружение таких ценностей либо утаить их подлинные свойства или количество (например, придание ценностям вида других предметов, использование тайников, специально изготовленных, или приспособленных для контрабанды в предметах багажа, одежды, или оборудованных на транспортных средствах, используемых для перемещения товаров через таможенную границу, соккрытие культурных ценностей в полостях человеческого тела).

Существует множество способов соккрытия от таможенного контроля перемещаемых контрабандным путем культурных ценностей: картины скручивают в рулон и помещают внутрь специального контейнера какой-либо емкости либо, к примеру, внутрь ковра и т. д. Другие культурные ценности прячут под двойным дном предметов мебели, багажника автомобиля, при контрабанде предметов археологического наследия их могут предварительно разбить, спрятать по частям, а после склеить [21, с. 127].

При вывозе контрабандным способом небольших изделий используются изготовленные нательные пояса с карманами, которые нашиваются на одежду. Изготавливаются тайники и в обуви. Чрезвычайно трудно найти контрабанду, перевозимую подобным образом, в частности непросто обнаружить обернутую вокруг тела буддийскую икону (танка), которая представляет собой хлопчатобумажное, льняное или шелковое полотно с нанесенным на него красками сюжетом, или ценную марку, заложенную в журнал.

Обманное использование документов или средств таможенной идентификации при контрабанде культурных ценностей. Под обманным использованием документов или средств таможенной идентификации при контрабанде культурных ценностей следует понимать предъявление органам таможенного контроля в качестве оснований или условий для перемещения культурных ценностей заведомо поддельных документов либо документов, полученных незаконным путем либо относящихся к другим предметам, иных документов, не имеющих юридической силы, а равно использование поддельных таможенных пломб, печатей, маркировки, штампов и иных средств таможенной идентификации или подлинных средств идентификации, относящихся к другим товарам.

Для каждой процедуры перемещения товаров или иных предметов через таможенную границу предусмотрен

исчерпывающий перечень документов и сведений, подлежащих предоставлению таможенному органу. Исходя из этого, не могут рассматриваться как незаконные действия лица, осуществляющего перемещение товаров или иных предметов через таможенную границу РФ, в случае если это лицо не представило таможенным органам дополнительные, не предусмотренные указанными перечнями документы и сведения.

При контрабанде культурных ценностей этот способ проявляется в предъявлении таможенным органам свидетельств на право вывоза культурных ценностей по подложным или фальшивым разрешительным документам. Это могут быть копии чеков, квитанции, нотариально заверенные акты дарения и т. д. [22, с. 9].

Недекларирование при контрабанде культурных ценностей. Недекларирование культурных ценностей при контрабанде предполагает умышленное незаявление в таможенной декларации (или иным предусмотренным Таможенным кодексом РФ способом декларирования товаров) сведений, необходимых для принятия решения о выпуске таких ценностей, помещения их под избранный таможенный режим, исчисления и взимания таможенных платежей.

Недостоверное декларирование при контрабанде культурных ценностей. По сути дела, это сообщение ложных сведений о тех же обстоятельствах при декларировании. Можно определить недостоверное декларирование как заявление в таможенной декларации или в другой установленной форме декларирования заведомо ложных сведений о культурных ценностях, их таможенном режиме и других сведений, необходимых для принятия решения о выпуске культурных ценностей, помещении их под избранный таможенный режим, исчисления и взимании таможенных платежей. Например, при контрабанде античных монет меняются их характеристики в таможенной декларации, и они беспрепятственно провозятся через границу.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) объект контрабанды в литературе рассматривается как отношения в сфере внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля, либо только внешнеэкономической деятельности; 2) объективная сторона преступления выражается в действии, которое состоит в незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза, либо государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза предметов контрабанды; 3) важным признаком объективной стороны является место совершения преступления — таможенная граница Таможенного союза либо государственная граница Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза.

Литература:

1. Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Часть общая. М., 1924. С. 129–130; Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. — М., 1960.

2. Уголовное право России. Т. 1. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова и Ю. А. Красикова. — М., 1998. — С. 104.
3. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. — М., 1999. — С. 157–159.
4. URL: <http://www.ugolkod.ru/kommentarii-k-st-226-1-uk-rf>
5. Михайлов В. И., Федоров А. В. Уголовная ответственность за контрабанду: учебно-практическое пособие. — СПб., 2005.
6. Романов И. А. Социологическая и уголовно-правовая характеристика контрабанды: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 16.
7. Талан М. В. преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: дис. ... докт. юрид. наук. — Казань, 2002. — С. 375.
8. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. — СПб., 2002. — С. 386.
9. Нарышкин В. Л. Уголовно-правовая охрана внешнеэкономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2004. — С. 84.
10. Оболенский В. Открытость экономики и экономической безопасности в России // МЭ и МО. — 1995. — № 5 — С. 125–126.
11. Чепко И. Б. Экономическая безопасность и ее роль в обеспечении общественного благосостояния. — Ростов-на-Дону, 2000. — С. 12.
12. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. — Саратов, 1997. — С. 7.
13. Волженкин Б. В. Комментарий Уголовного кодекса Российской Федерации. — СПб., 1996. — С. 211.
14. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. — М., 2002. — С. 195. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чуцаева. — М., 2004. — С. 229.
15. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 4 / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. — М., 2002. — С. 87; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Иногамовой-Хегай. — М., 2002. — С. 145.
16. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. И. Рарога. — М., 2003. — С. 467.
17. Иванов Н. Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части. — М., 2003. — С. 534, 592.
18. Финансовое право / под ред. О. Н. Горбуновой. — С. 10–27.
19. Сучков Ю. И. Контрабанда и ответственность. Калининград, 1975. — С. 27.
20. Сучков Ю. И. Защита внешнеэкономической деятельности Российской Федерации по уголовному и таможенному законодательству (проблемные аспекты теории и законодательства): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — СПб., 1997. — С. 31.
21. Фомичев С. А. Борьба с контрабандой культурных ценностей. — С. 197.
22. Караванская К. Контрабанда культурных ценностей: криминологический анализ // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала им. В. Б. Бобкова Российской таможенной академии. 2004. N 1. — С. 9.

19. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Проблемы назначения некоторых видов мер принудительного воспитательного воздействия несовершеннолетним и их последующего исполнения

Баженов Олег Николаевич, кандидат юридических наук, доцент;
Дорошкова Ольга Геннадьевна, студент
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

В настоящее время к несовершеннолетним лицам, совершившим преступления небольшой тяжести впервые, широко применяются принудительные меры воспитательного воздействия в качестве условия освобождения от уголовной ответственности и наказания. Введение данной меры было обусловлено следованием положениям международных правовых норм, затрагивающих права несовершеннолетних в рамках уголовного судопроизводства. «Предусмотренные уголовным законом принудительные меры воспитательного воздействия — это не являющиеся уголовным наказанием меры государственного принуждения, применяемые к несовершеннолетним, совершившим преступления, с целью их исправления». К числу таких мер статья 90 УК РФ относит «предупреждение; передачу под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего». Если основания применения и последующая реализация таких мер, как предупреждение, возложение обязанности загладить причиненный вред являются урегулированными и имеют наработанный практический применение, то иные виды мер до сих пор устаются не в полной мере урегулированы и на практике имеют большие сложности с их обоснованным назначением и последующим применением, что существенно снижает их эффективность. Например, применение такой меры, как передача под надзор родителей, либо заменяющих их лиц, либо под надзор специализированного государственного органа. Эффективность назначения данной меры зависит от конкретной обстановки, в которой находится несовершеннолетний.

Возложение обязанности по надзору за несовершеннолетним судом на родителей не всегда является эффективным ввиду того, что несмотря на благополучную ситуацию в семье, родители в большинстве случаев могут не пользоваться у несовершеннолетнего авторитетом, и, следовательно, тем самым, не могут оградить его от продолжения преступной деятельности. Причем принцип прямо пропорциональной зависимости авторитета родителей

в глазах несовершеннолетнего от полноты семьи здесь не действует. Это подтверждается также данными криминологических исследований: «у несовершеннолетних из обеих групп родители пользуются меньшим авторитетом, чем сверстники. Так, только 30,4% респондентов из основной и 38,6% из контрольной группы отдали предпочтение родителям. Авторитет же сверстников в 2,2 раза выше у несовершеннолетних из первой и в 1,5 раза — из второй группы». Поэтому для назначения этой меры в качестве обоснований помимо сбора характеризующих данных стоит проводить психолого-педагогическое исследование несовершеннолетнего как на предмет выявления его отношения как к совершенному преступному деянию, так и для выявления сложившейся в семье обстановки, взглядов на нее несовершеннолетнего, истинного отношения несовершеннолетнего к своим родителям. Этот метод будет эффективен, поскольку с развитием психологической науки позволяет выявить все истинные взгляды несовершеннолетнего на семью, на ее способность к его контролю, даже если эти взгляды являются неполноценными или отрицательными не ввиду объективно сложившейся ситуации, а ввиду особенностей умственного и психического развития несовершеннолетнего. Недостаточное регулирование отдачи под надзор родителей заключается лишь в нечетком закреплении в законодательстве фактов для ее назначения. Так Пленум ВС РФ в своем постановлении разъяснил, что «при передаче несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, их заменяющих, суд должен убедиться в том, что указанные лица имеют положительное влияние на подростка, правильно оценивают содеянное им, могут обеспечить надлежащее поведение и повседневный контроль за несовершеннолетним. Для этого необходимо истребовать характеризующий материал, проверить условия жизни родителей или лиц, их заменяющих, возможность материального обеспечения подростка и т. д». То есть указано лишь о необходимости сбора характеризующих данных, которые на практике могут содержать поверхностные сведения и не отражать всю обстановку в семье, а ведь дальнейшее осуществление данной меры проводится семьей несовершеннолетнего, которая

и избирает методы ее исполнения. Поэтому для наиболее эффективной реализации данной меры необходимо подробное закрепление в законодательстве списка характеризующих данных, подлежащих установлению и включение в него обязательного проведения психолого-педагогического исследования несовершеннолетнего, для установления истинных отношений в семье и степени влияния на него родителей и лиц, их заменяющих. То есть при применении этой меры, для ее эффективности нужен лишь правильный порядок и объективные основания ее назначения. В отношении меры воспитательного воздействия — отдачи под надзор специализированного органа имеется следующие недостатки порядка ее исполнения. Во-первых, это недостаточный круг субъектов ее исполнения. Органами, на которые в судебной практике возлагается исполнение данной меры, выступают КДН. Ввиду своего типа работы — на непостоянной основе, посредством периодического созыва совещаний, КДН не осуществляют полноценный контроль за несовершеннолетними. Особенно нарушается в таком случае исполнения указаний суда относительно надзора за несовершеннолетним в ночное время. К тому же КДН не способна своевременно обратиться в суд с ходатайством о замене несовершеннолетнему данной меры на более жесткую, так как к последующему созыву заседаний несовершеннолетний успевает совершить уже несколько преступлений, а комиссия узнает об этом лишь через относительно длительный период. Так как работа данного органа осуществляется на безвозмездных началах в свободное от основной работы время представителями различных органов и учреждений, это не позволяет эффективно построить ее деятельность для исполнения мер воспитательного воздействия. К тому же, если мы проанализируем Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. N 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав», то увидим, что председатель КДН «утверждает повестку заседания комиссии; дает заместителю председателя комиссии, ответственному секретарю комиссии, членам комиссии обязательные к исполнению поручения по вопросам, отнесенным компетенции комиссии». Остальные же члены КДН такого права не имеют. Они помимо участия и ознакомления с материалами, рассматриваемыми комиссией, лишь «вносят предложения по совершенствованию работы по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав и законных интересов, выявлению и устранению причин и условий, способствующих безнадзорности и правонарушениям несовершеннолетних; участвуют в обсуждении постановлений, принимаемых комиссией по рассматриваемым вопросам (делам), и голосуют при их принятии». То есть юридически значимые вопросы ставятся на повестку лишь председателем КДН, а остальные члены лишь их утверждают их голосованием, а самостоятельно вынести какой-либо вопрос (в том числе, о замене меры воспитательного воздействия) на рассмотрение КДН

не могут, хотя и видят необходимость этого. Да и надзор КДН над несовершеннолетними ввиду порядка работы осуществляется непостоянный — чаще всего лишь посредством явки несовершеннолетнего на заседания КДН.

Имеют определенные обязанности в содействии исполнении мер принудительного воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних и подразделения ПДН МВД. Однако, в соответствии с внутренним приказом, конкретных обязанностей по осуществлению надзора или иных способов воздействия на несовершеннолетних при исполнении мер воспитательного воздействия на ПДН МВД не возложено, они лишь проводят профилактическую воспитательную работу в отношении несовершеннолетних, «осужденных за совершение преступления небольшой или средней тяжести и освобожденных судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия». То есть осуществляют свою традиционную профилактическую работу и в итоге никаких функций по надзору за несовершеннолетними ими не выполняется. А возложение дополнительных обязанностей, не связанных и профилактикой, предупреждением преступлений несовершеннолетними на ПДН возможно только путем принятия ведомственного или иного нормативного акта, о чем указано в инструкции МВД, регулирующий порядок деятельности ПДН. Было бы целесообразно ввести для ПДН обязанности по осуществлению контроля за несовершеннолетними, в отношении которых применены меры воспитательного воздействия. Во-первых, потому, что ПДН является подразделением МВД и имеет возможность осуществления за несовершеннолетний контроль в любое время суток, в том числе и в ночное, поскольку большинство преступлений несовершеннолетние совершают в это время. Во-вторых, у ПДН есть доступ и правовые основания к специальным силам и средствам, что позволит при необходимости пресечь преступную деятельность несовершеннолетних находящихся под надзором в качестве меры воспитательного воздействия. В-третьих, у ПДН имеются силы и возможности по осуществлению розыска несовершеннолетних, нарушающих назначенные им меры воспитательного воздействия, посредством покидания жилища в ночное время, посещения специфических мест, покидания субъекта проживания. В-четвертых, у ПДН, как у подразделения МВД имеется наиболее широкий доступ к водкам происшествий, что позволяет им наиболее быстро получать информации о совершении несовершеннолетними, к которым применены меры воспитательного воздействия противоправных деяний, то есть ПДН может сразу же установить основания замены или отмены несовершеннолетнему меры воспитательного воздействия на более строгую, установить неэффективность действующей меры воспитательного воздействия. Это бы способствовало и исправлению несовершеннолетних, и эффективной защите общества и государства от преступлений, в связи со своевременным пресечением противоправной деятельности несовершеннолетнего.

Однако в настоящий момент подобные обязанности ПНД и порядок их исполнения в нормативных актах не закреплены в связи с чем ими не выполняются. Конечно же нельзя возложить исполнение мер воспитательного воздействия лишь на карательные органы системы МВД, поскольку по своей правовой природе они являются льготным педагогическим способом воздействия. Поэтому для эффективной их реализации необходимо скоординировать работу ПДН и КДН, где имеется множество специалистов в области педагогики и психологии. Для этого надо законодательно закрепить обязанности каждого органа. Возложение исполнения мер воспитательного воздействия, относящихся пусть и к не наказанию а к иной реакции государства только на педагогически, социальные, психологические органы работы с населением также нельзя, поскольку в данном случае необходим хотя бы небольшой контроль со стороны государства, позволяющий использовать принудительные средства исполнения данных мер и при необходимости вовремя заменять их или отменять в установленном законом порядке.

Таким образом, для эффективного исправления несовершеннолетних, не связанного с применением к ним

наказания, для предупреждения совершения ими дальнейших преступлений, и тем самым также для охраны интересов общества и государства, необходимо реформирование порядка назначения и исполнения мер воспитательного воздействия. Особенно необходимо реформирование работы органов, осуществляющих такие меры воспитательного воздействия, как надзор над несовершеннолетними, вместо их родителей и заменяющих их лиц. Необходимо создание в них нескольких рабочих оплачиваемых должностей на постоянной основе, закрепление в обязанностях работников постоянного осуществления надзора за несовершеннолетними в любое время суток и обязанности координации с правоохранительными органами для своевременного выявления фактов повторного совершения несовершеннолетними преступлений, являющихся основаниями для замены меры воспитательного воздействия в соответствии с УК РФ. Также необходимо включить в обязанности сотрудников подразделения ПДН МВД России меры воздействия на несовершеннолетних, связанные с осуществлением над ними контроля ввиду назначения судом принудительных мер воспитательного воздействия.

Литература:

1. Иногамовой-Хегай Л. В., Рарога А. И., Чучаева А. И. Уголовное право. Общая часть: учебник. Издание исправленное и дополненное, 2005 г.
2. Семейное неблагополучие и проблемы детерминации корыстной подростковой преступности в современной России // «Черные дыры» в Российском законодательстве. Юрид. журн. 2003. № 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС «Консультант плюс».
4. Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. N 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // СПС «Консультант плюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 N 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // СПС «Консультант плюс».

21. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Сравнительно-правовой анализ отдельного вида наказания в уголовном праве зарубежных стран — лишение свободы

Ахьядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

Во всех рассматриваемых странах лишение свободы — основной вид наказания (в том смысле, что он не может быть назначен дополнительно к другому виду), который преследует различные цели (воздаяние, исправление, ресоциализация). В настоящее время в большинстве из названных стран (за исключением Франции) существует единый вид лишения свободы — тюремное заключение в его различных модификациях, каторжные работы как вид лишения свободы отменены везде.

Специфическим институтом уголовного права рассматриваемых стран является институт сокращения сроков лишения свободы. Срок лишения свободы, назначенный первоначально судом, может существенно варьироваться при его реальном отбытии осужденным. Так, в США сокращение сроков лишения свободы допускается законом практически всех штатов (за исключением Калифорнии). Оно осуществляется тюремными властями и основанием для этого является «хорошее поведение» осужденного. Сокращение срока в конечном счете может привести: а) к безусловному досрочному освобождению (если приговор был определенным); б) к досрочному рассмотрению вопроса об условно-досрочном освобождении (УДО).

Возможность сокращения срока предусмотрена и во Франции. Критерием опять-таки служит «хорошее поведение» осужденного (см. ст. 721 УПК Франции). Решение о таком сокращении принимает судья по исполнению наказаний с учетом мнения комиссии по исполнению наказаний, при этом сокращение может производиться в следующем порядке: каждый год заключения сокращается на три месяца, либо каждый месяц сокращается на семь дней (при назначении лишения свободы сроком до одного года).

В Англии после отмены каторжных работ в 1948 г. существует только один вид лишения свободы — тюремное заключение, которое дифференцируется в зависимости от его срока. Минимальный срок, который может быть назначен за одно преступление, равен одному дню, максимальный — 25 годам. Кроме того, существует и пожизненное заключение.

В Англии тюремное заключение рассматривается как один из универсальных видов наказания, поскольку оно, якобы, обеспечивает реализацию всех трех целей наказания: возмездия, устрашения и исправления.

Отсутствие четких критериев в английском уголовном праве для определения размера наказания привело к выработке судебной практикой системы неких стандартных сроков наказания за различные преступления. Эта система в юридической литературе называется системой тарифов (однако она не имеет обязательной силы, суды могут определять наказание по своему усмотрению).

Пенинциарный рецидив составляет до 70 % (в течение 5 лет после освобождения до 70 % лиц вновь совершают преступления).

В США лишение свободы является одним из самых распространенных по законодательству и практике его применения видов наказания.

По общему правилу, ни федеральные законы, ни законы штатов не устанавливают общих максимальных сроков лишения свободы. Практически в большинстве штатов и по федеральным законам допускается возможность пожизненного лишения свободы. Оно может быть назначено:

- 1) при определенных обстоятельствах тому, кто был или мог быть приговорен к смертной казни;
- 2) в качестве самостоятельной меры за наиболее опасные преступления;
- 3) по совокупности приговоров и преступлений;
- 4) лицу, имеющему 2 или 3 судимости за фелонии.

При этом пожизненное заключение нередко является единственной и обязательной мерой.

Для действующего законодательства США не являются редкостью и санкции в 30, 40, 50 лет тюремного заключения.

В США допускается вынесение как определенных, так и неопределенных приговоров. С этой точки зрения, неопределенные приговоры существуют в следующих 8 разновидностях:

- 1) судья в установленных законом пределах определяет минимум и максимум подлежащего отбытию срока;

- 2) минимум и максимум срока заранее установлены законом, и судья не вправе уточнять их в приговоре;
- 3) судья определяет минимальный срок, а закон — максимальный;
- 4) судья определяет максимальный, а закон — минимальный;
- 5) минимальный срок никем не фиксируется, в приговоре указывается максимальный срок, предусмотренный законом;
- 6) минимальный срок никем не фиксируется, судья определяет максимальный срок в пределах срока, установленного законом;
- 7) минимальный и максимальный сроки лишения свободы определяются не судьей, а жюри присяжных в пределах сроков, предусмотренных законом;
- 8) конкретный срок устанавливается административным органом (бюро УДО) в пределах границ, определенных законом.

Суды в одних случаях прибегают к неопределенным приговорам, а в других случаях — к определенным, в третьих — к смешанным. В целом же, как следует из литературных источников, чаще всего практика использует неопределенные приговоры.

Во Франции существует несколько видов лишения свободы, которые различаются как по месту отбывания, так и по режиму содержания. Лишение свободы, назначаемое за совершение преступления, традиционно делится на два

вида: уголовное заключение за совершение общеуголовного преступления и уголовное заточение за совершение политического преступления. Хотя к настоящему времени, как отмечают французские юристы, принципиальные различия (в форме, в особенностях быта, привлечения к труду и т. п.) между этими двумя видами стерлись в связи с общей гуманизацией уголовно-исполнительной системы. За совершение проступка назначается другой вид лишения свободы — исправительное тюремное заключение, отличающееся от вышеуказанных видов лишения свободы как формально — названием, так и режимом содержания. Согласно ст. 718 УПК Франции помещение осужденного в тюремное учреждение производится с учетом категории совершенного им преступления, возраста, состояния здоровья и личности.

Особый интерес представляют такие новые формы лишения свободы, как режим полу-свободы и исполнение тюремного заключения по частям. Так, при назначении исправительного тюремного заключения сроком до одного года включительно, если это необходимо для осуществления осужденным профессиональной деятельности, получения им образования, медицинского обследования, участия в жизни семьи, с целью ресоциализации суд может вынести решение об исполнении такого наказания в режиме полу-свободы. Последний заключается в разрешении осужденному покидать пенитенциарное учреждение на время исполнения своих обязанностей, медицинского обследования или лечения, получения образования и т. п.

Литература:

1. Бойко А.И. (Александр Иванович). Международное и российское уголовное право: монография / А.И. Бойко; Северо-Кавказская академия государственной службы. Ростовский юридический институт. — Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2004. — 464 с.
2. Болатаев Д.Н. (Дмитрий Николаевич). Применение и исполнение смертной казни в США: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 — Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право / Д.Н. Болатаев; науч. рук. В.Е. Квашиш. — М., 2003. — 24 с.
3. Дворянсков И.В., Сергеева В.В., Баталин Д.Е. Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России: Сравнительно-правовое исследование / И.В. Дворянсков, В.В. Сергеева, Д.Е. Баталин; Министерство юстиции Российской Федерации.

Научное издание

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

V Международная научная конференция

Казань, октябрь 2016 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е. А. Шишков*

Верстка: *О. В. Майер*

Издательство «Бук», г. Казань

Подписано в печать 24.10.2016. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 15,3. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»

420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.